

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮЛЬ
АВГУСТ **N 4 (88)**

МОСКВА 2013

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2013. № 4. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада;
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.э.н., проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов; к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина);
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); к.м.н. Е.В. Шелкопляс (Иваново);
д.э.н., проф. В. Шмидт (Германия), д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина, О.Б. Лемешонок*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина*

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий**

Издается с участием Академии философии хозяйства

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <eszotova@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

http://www.econ.msu.ru/cd/311/, http://www.css.msu.ru, http://www.devec.ru.

Тираж 1000 экз.

Учредитель Общество с ограниченной ответственностью

«Инвестиционная компания БАРЕЛЬ»

тел. (499)515-3333, 8-800-333-2939 (звонок по России бесплатный), (495)710-2939.

www.barrel.ru

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2013 г.

Содержание

Раздел I	
Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Своеобразие отечественной хозяйственной мысли: наследие и новый парадигмальный поиск	9
<i>С.В. Сияков</i>	
Философия и экономическая наука	36
<i>С.Г. Ковалев, В.Е. Сабинин</i>	
Философия глобализации	46
<i>Н.А. Шапиро</i>	
Проблема ценности теории по С. Булгакову и политическая экономия сегодня	57
<i>М.В. Вьлева, Ю.А. Платонова</i>	
Социальная ответственность и хозяйственная деятельность: софийное хозяйство С.Н. Булгакова и современная концепция устойчивого развития ...	67
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Философия хозяйства как парадигма инноваций Евразийского союза	76
<i>О.Г. Домбровский</i>	
Хронотоп геоэкономики в условиях биномиальной интерпретации глобализационных процессов	83
<i>А.А. Федотов</i>	
Новейшая история Русской православной церкви (1943—2000) сквозь призму экономического подхода	90
Раздел II	
Экономическая теория	
<i>Ю.В. Яковец</i>	
Краеугольные камни стратегии научно-технологического прорыва	99
<i>П.В. Павлов</i>	
Особая экономическая зона как институт эффективного развития инновационной экономики	107
<i>С.В. Кайманаков</i>	
Необходимость неоиндустриализации в России: выход на безопасный технологический уровень и траекторию инновационного развития	117
<i>А.А. Залетный</i>	
От «активов» к «авуарам»: финансовый сектор	126
<i>М.С. Тимофеева</i>	
Управление качеством образования как продуцент релевантных знаний для развития неоиндустриальной экономики	136
<i>А.В. Донченко</i>	
Повышение конкурентоспособности экономики Франции в условиях развития инновационной системы стран	142
<i>П.В. Скотный</i>	
Методология синергетического анализа экономического знания: логика обновления	157
<i>А.В. Туча</i>	
Проблема идентификации монополии в контексте современной трансформации российской экономики	163

Раздел III	
Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Критика теории перманентного Ренессанса	171
<i>О.Н. Казакова</i>	
Символ как основа культуры информационной реальности	176
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Игра. Тезисы	183
<i>В.Н. Рогожникова</i>	
Свобода в философии, экономике и социологии: различия интерпретаций и точки пересечения	187
<i>З.Н. Джамалдинова</i>	
Свобода в поисках своей идентичности	193
<i>А.А. Кравченко</i>	
Творчество учителя в структуре архетипа	202
<i>В.А. Морозов</i>	
Совместимость науки и религии. Постижение истины	209
Раздел IV	
Актуальная политология	
<i>С.В. Бирюков</i>	
Югославские «узлы»: прелюдия общеевропейской драмы?	217
<i>А.Г. Давыдов</i>	
«Боснийский» проект: через раскол и войну — к нации?	232
Раздел V	
Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Парижские перипетии	251
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Государь	264
<i>А.С. Нилюгов</i>	
Минимум философии для кандидатского минимума (реплика)	270
<i>В.П. Казарин, М.А. Новикова</i>	
«Не бойся; подойди...» (о дате смерти Н.В. Недоброво)	273
<i>А.А. Антропов</i>	
Сводные данные по экспертируемым изделиям систем РКСН РС-24 «Ярс», LGM-118А «Реасекеерэг» - МХ и УР-100Н УГТХ относительно эталонного изделия Р-36М2 «Воевода»	283
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Университеты сегодня: что происходит?	289
Наши авторы	299

Contents

Part I

Philosophy of Economy

Yu.M. Osipov

Originality of Domestic Economic Thought: Heritage and New Paradigm Search ... 9

S.V. Sinyakov

Philosophy and Economic Science 36

S.G. Kovalev, V.E. Sabinina

The Philosophy of Globalization 46

N.A. Shapiro

Problem in the Theory of Value by S. Bulgakov and the Political Economy

Today 57

M.V. Valeva, Yu.A. Platonova

Social Responsibility and Economical Activity: Bulgakov's Sophiology

and the Modern Concept of Sustainable Development 67

G.I. Moiseychik

Philosophy of Economy as a Paradigm of Innovations of the Euroasian Union 76

O.G. Dombrovsky

Chronotope of Geoeconomy in the Conditions of Binomial Interpretation

of Globalization Processes 83

A.A. Fedotov

The Contemporary History of Russian Orthodox Church (1943—2000)

through a Prism of Economic Approach 90

Part II

Economic Theory

Yu.V. Yakovets

The Cornerstones of the Strategy of Scientific and Technological Breakthrough.... 99

P.V. Pavlov

Free Economic Zone as Effective Development Institution of Innovation

Economy 107

S.V. Kaymanakov

Need of Neoindustrialization for Russia: Exit to Safe Technological Level

and Trajectory of Innovative Development..... 117

A.A. Zaletny

From «Assets» to «Avoirs»: Financial Sector..... 126

M.S. Timofeeva

Education Quality Management as a Producer of Relevant Knowledge

for Development of Neoindustrial Economy 136

A.V. Donchenko

Raising France Economy Competitiveness in Frames of the Innovation System

Development 142

P.V. Skotny

Methodology of Synergetic Analysis of Economic Knowledge:

Logic of Renewal 157

A.V. Tucha

Problem of Identification of Monopoly in a Context of Modern

Transformation of the Russian Economy 163

Part III	
Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i>	
Criticism of the Theory of the Permanent Renaissance.....	171
<i>O.N. Kazakova</i>	
Symbol as a Basis of Informational Reality Culture	176
<i>A.Yu. Gorbachev</i>	
Game.....	183
<i>V.N. Rogozhnikova</i>	
Freedom in Philosophy, Economic Theory and Sociology: Distinctions of Interpretations and Points of Intersection	187
<i>Z.N. Dzhamaldinova</i>	
Freedom in Search of the Identity	193
<i>A.A. Kravchenko</i>	
Teacher's Creativity in Archetype Structure	202
<i>V.A. Morozov</i>	
Compatibility of Science and Religion. Learning the Truth.....	209
Part IV	
Actual Political Science	
<i>S.V. Biryukov</i>	
Yugoslav «Puzzles»: Prelude to European Drama?	217
<i>A.G. Davidov</i>	
«Bosnian» Project: Through Split and War — to the Nation?	232
Part V	
Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Parisian Peripetias.....	251
<i>I.G. Shevchenko</i>	
Tsar	264
<i>A.S. Nilogov.</i>	
Nessecery Content of Philosophy for a Candidate Minimum Examination (Remark)	270
<i>V.P. Kazarin, M.A. Novikova</i>	
«Don't be Afraid, Go...» (About Date of N. Nedobrovo's Death).....	273
<i>A.A. Antropov</i>	
Summary Data on Experimented Products of RS-24 «Yars», LGM-118A «Peacekeeper» — MX and UR-100N UTTH Systems Concerning Reference Product R-36M2 «Voevode»	283
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Universities Today: What is Going on?	289
Our Authors	299

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

**Своеобразие отечественной хозяйственной мысли:
наследие и новый парадигмальный поиск**

Аннотация. Рассматривается своеобразие российской экономической мысли в контексте мировой экономической науки, а также обосновывается переход от традиционной политической экономии к философии экономики, разрабатываемой в России с рубежа XIX—XX вв. и успешно развиваемой в настоящее время.

Ключевые слова: экономика, история экономической мысли, политическая экономия, философия хозяйства, Россия.

Abstract. The article is devoted to the originality of the Russian economic thought in a context of world economic science and transition from traditional political economy to philosophy of economics which is developed in Russia since the XIX—XX centuries and successfully developed now.

Keywords: economics, history of economic thought, political economy, philosophy of economy, Russia.

Отечественная хозяйственная мысль давнего, как и у всех укорененных народов, происхождения. Сначала она содержалась в устных наставительных изречениях, а затем в письменных поучительных текстах: от того же приснопамятного силвестровского «Домостроя» XVI в. до вполне уже самобытного просветительского труда рубежа XVII—XVIII вв. «О скудости и богатстве», исполненного гениальным И.Т. Посошковым.

Посошковский труд стоял у истоков отечественной экономической науки, хотя сам еще никакой наукой не был. В науку российская хозяйственная мысль превратилась уже по заимствованию из-за западного рубежа предназначенной для университетов *политической экономии*, рожденной во Франции и систематически развитой в Англии. В основание университетской политической экономии в России был положен тогда замечательный труд шотландца А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776), а посошковское произведение либо оставалось неизвестным, либо бессознательно забытым, либо вполне сознательно игнорируемым. Посошков писал свой труд для Петра I, а Петр с записками Посошкова

так вроде бы и не успел ознакомиться, внезапно скончавшись, зато с «крамольным»-де текстом хорошо ознакомились другие — из «гнезда Петрова», и немедленно отправили автора на голодное умерщвление в Петропавловскую крепость. В итоге в российских прозападных университетах (включая и иные светские учебные заведения, существовавшие в усиленно догонявшей Европу российской стороне) победила не отечественная мысль, а западная наука *политэкономия*, причем более всего в английской версии, хотя и не без влияния в последующем других европейских школ — французской, германской, австрийской.

С момента утверждения политической экономии в российских очагах иноземного образования отечественная хозяйственная мысль развивалась либо прямо в рамках, если не в матрице, политической экономии (можно даже сказать — официальной политэкономии), либо рядом с университетской наукой (Н.С. Мордвинов, М.М. Сперанский), либо параллельно с официально принятой наукой и ей альтернативной (славянофилы, народники, демократы-просветители, анархисты, первые русские марксисты), либо в университетах, но рядом и даже вопреки общепринятой политической экономии (математическая школа, философия хозяйства).

В советское время, контролируемое и руководимое большевиками-марксистами, политическая экономия не только не была забыта, но пережила как бы второе рождение, разумеется, в марксистской интерпретации, но, что особенно важно — в классической, т. е. в основе в общем-то смитианской, парадигме. Вся же отечественная мысль, даже и собственно политэкономическая, была отведена в разряд второстепенной и либо подвергнута забвению, либо переведена в статус ушедшей навсегда истории, либо тщательно пересмотрена — в угоду доминировавшему в ленинско-сталинской версии марксизму. Мало чему из русской экономической мысли повезло остаться в университетских курсах политэкономии (немножко от М.М. Туган-Барановского, чуть-чуть, да и то очень уже поздно и, естественно, критически, от Н.Д. Кондратьева, потом и от В.В. Леонтьева).

Разумеется, отечественная хозяйственная мысль, как и вся мировая экономическая наука, не ограничивалась политической экономией — этой общепризнанной фундаментальной наукой, а развивала и прикладные знания, имея немалые достижения, к примеру, в сельскохозяйственной (земельной, природопользовательской, лесной) и той же финансовой (налоговой) областях. Но главный размыслительный поток в университетах был всегда связан так или иначе с политической экономией, что в известной мере то же самое с фундаментальной экономией, с экономической теорией, с

хозяйственно-экономической идеологией, с хозяйственно-экономическим мировоззрением.

Феодализм, капитализм, социализм; этатизм (абсолютизм), либерализм (фритредерство), дирижизм (протекционизм, догоняющее и опережающее развитие); государственный бюджет, налогообложение, таможня; регионализм (континентализм), национализм, мондиализм; частность, общественность, тотальность; доверие, справедливость, честность; порядок, свобода, законность; деньги (меркантилизм, монетаризм), капитал, кредит; промышленность, торговля, транспорт, услуги; товар, рынок, цены; накопление, инвестиции, ценные бумаги; государственные финансы, национальная денежная система, валютные курсы; конкуренция, солидарность, взаимовыгодность; пред-принимательство, труд на себя, наемный труд; эксплуатация труда, природы, машин; собственность, распределение, присвоение; производство, обмен, потребление; традиция, нововведения, модернизация; промышленная революция, машина и фабрика, научно-технический прогресс; кризисы, циклы, трансформации (стадии развития). Вот те вопросы, как и многие другие, ставившиеся политической экономией и ею так или иначе решавшиеся.

Итак: *какой была, какой могла и какой должна была бы быть хозяйственная (экономическая) жизнь людей, коллективов, обществ, стран, всей планеты?* Таков, наверное, комплексный лейтмотивный вопрос, он же и основной вопрос, политической экономии вообще и, конечно же, отечественной политической экономии тоже, как раз представлявшей собою и основную часть российского мыслительного наследия в хозяйственно-экономической области. Заметим, что политическая экономия не только занималась предстоявшей перед нею реальностью, но и задумывалась над переменами в реальности, причем не только естественно происходившими, но и субъективно желаемыми, а потому и вполне проективными. Политэкономия интересовалась поэтому не только собственно реальностью, но и *образом* реальности, придавая этому образу и вполне онтологическое значение. Выходило, что наряду с отражаемой политэкономией реальностью и образом такого отражения, втиснутым в науку — *реальностью как образом*, имел место и выдвигаемый той же наукой воображаемый образ — уже *образ как реальность*, что придавало политэкономии характер вполне провиденциального учения, т. е. дважды мифотворческого — через отражение, которое дает всегда в той или иной степени миф, а также через воображение, прямо уже миф созидующее. Для убеждения в этом достаточно упомянуть тот же

смитовский миф о трудовой стоимости, как и марксистский миф о бесстоимостном социализме-коммунизме.

Приняв на вооружение западную политэкономия, отечественная наука оказалась, скажем так, в не самом ловком положении, если не прямо в интеллект-западне, ибо Россия не была, при всем своем внешнем западнизме, собственно буржуазной страной, тем более «рыночно-демократической», а была страной монархически-феодальной, самодержавно-крепостнической, в основном сельскохозяйственной, помещичьей, крестьянской и менее всего промышленной, предпринимательской, фабричной, не говоря уже о машинах. Так что та же принятая в университетах смитианская политэкономия не столько отражала российскую реальность, сколько повествовала о другой — западной, европейской, капиталистической — реальности, которая, кажется, и должна была бы в основе своей когда-нибудь определенно наступить и в России. Так что пришлось русским экономистам всего более рассуждать о том, чего не было или почти не было в России, а как бы должно было быть, а обращаясь к собственно российским реалиям, более всего говорить об устаревших в общем-то хозяйственных укладах, их какой-то рационализации и модернизации, о недоразвитом экономическом укладе — торгово-промышленном, его непременном развитии, о государственных финансах, о возможном в будущем передовом промышленно-предпринимательском укладе.

Речь тут не могла не идти не просто об особенностях российской хозяйственной жизни, но и о ее принципиальных отличиях от еврозападной, уже денежно-капитало-экономически обустроенной или же лихорадочно в этой манере обустроивавшейся, как раз тех самых отличиях, не позволявших вполне и от всего сердца стать на позицию смитианской и какой-нибудь еще западной политэкономии. Отсюда особое внимание русских официальных экономистов-преподавателей к таким вещам, как «общий дом», «национальное (страновое) хозяйство», «общественная польза», «хозяйственная этика (моральность)», а также повышенный интерес к человеку хозяйствующему (не «экономическому»), к культуре, цивилизации, государству. В учебниках по политэкономии появляются разделы о национальном хозяйстве, общинном хозяйстве, российской цивилизации, нравственном (православно-христианском) начале. Все русские политэкономы первой половины XIX в. признавали факт крепостного права, либо его при этом оправдывая, либо почитая за тяжкую неизбежность, либо высказываясь за его скорейшее преодоление. Думая о будущем России, они полагали возможность либо смешанного феодально-общинно-капиталистического бытия, либо все-таки по преимуществу капиталистического, но менее всего

думали (уже за пределами университетов) о социалистической версии бытия. Хотела того политэкономия или нет, но она так или иначе готовила переход к более денежно-товарному хозяйству со свободной частной инициативой и развитым промышленным предпринимательством, хотя и считалась при этом с самодержавным устройством страны и феодально-общинными установлениями.

Положение политэкономии и политэкономов стало резко меняться с отменой крепостного права в 1861 г. и последовавшими за этой отменой либеральными реформами. С одной стороны, политэкономия стала очищаться от «отеческих предрассудков», оставляя их на попечение славянофилов и народников, и все более стала насыщаться собственно политэкономией — учением об экономике, денежно-товарно-рыночном хозяйстве, свободном капитализме, государственном экономическом хозяйстве, финанризме; а с другой — политэкономия стала разворачиваться (хотя и более всего поначалу за пределами университетов) от политэкономии капитала к политэкономии труда, все более увлекаясь марксизмом и грядущим-де социализмом.

Отечественная хозяйственная мысль конца XIX и начала XX вв. — весьма пестрая в концептуально-функциональном отношении мысль: здесь тебе и традиционное смитианство, и какое-то подобие немецкой исторической школы, и марксизм, и подобие раннего институционализма, и элементы маржинализма с математизмом, хотя при этом и вполне почвенная аграрная школа, весьма учитывавшая своеобразие аграрной сферы России. Можно сказать, что это уже был целый букет политэкономий и просто экономий, в котором выделялись, безусловно, такие яркие цветочки, как смитианство и марксизм, бывшие в основе, по истокам и категориальному аппарату вполне еще и классическими в научно-идейном разрезе, хотя и в сердцевинах своих взаимоотрицательными.

Тут важно заметить, что *расцвет политэкономии* в пореформенной России совпал неожиданно-негаданно с... *кризисом политэкономии* на Западе, когда, во-первых, явился яростно критикующий только что утвердившуюся — уже буржуазную — политэкономия пролетарский-де марксизм; и, во-вторых, повыскакивали разные неклассические теоретические экономии вроде того же маржинализма, которым уже были совершенно безразличны такие пережитки классики, как сущность, противоречие, мера, диалектика и т. п. философические зауми. Теоретическую экономию теперь интересовали более всего феноменальные моменты, параметры и связи между ними, их конкретная динамика, системные модели, количественные оценки, ну

и, конечно же, текущая фактология. С классической политэкономией на Западе было если и не покончено насовсем, то весьма от нее «отрешено»: устарела и все тут! А что, собственно, было в ней отвергнуто? Ничто иное, как остатки философии, даже вроде бы научной, совсем, как казалось, еще молодой, сочной, плодоносной. Победивший в XVIII в., но впавший в острый кризис к концу XIX в., сциентизм пошел не на ослабление себя и ответное усиление метафизического начала, а как раз на усиление себя и окончательное изгнание из экономической и прочей социально-антропологической науки всякого намека на метафизику. Физика тогда полностью одолела метафизику — и на научную арену стали выбегать одна за другой сугубо и даже строго научные, почти что и... точные, экономии — вроде той же математической.

Нельзя сказать, что на Западе не было попыток выйти за рамки политэкономии в сторону неэкономического контекста — социального, психологического, правового, этического, идеологического, но верх одержали все-таки формально-логические подходы внутри самой экономии — тогда казалось, что все можно смоделировать, просчитать, исчислить, опираясь на ту же экономическую статистику и применяя «точные» математические методы. Соблазн перехода к чистой науке, свободной от «неопределенной» и «фантазийной» философии, даже и научной-де философии, был настолько велик, что от еще все-таки социально-антропологической экономии Запад легко перешел к экономии механико-физической, тем более что последняя решительно отпрянула от таких каверзных вопросов, как собственность, классы и распределение богатства, социальная справедливость, эксплуатация человека человеком, уровень жизни, воспроизводство трудящегося человека. На первый план вышли проблемы эффективного использования предпринимателем (промышленником, «услужником», банкиром, инвестором, финансовым дельцом) хозяйственных ресурсов: денег, труда, материалов, техники, земли, недр, инвестиций, кредитов, ценных бумаг, а мерилom эффективности служили для науки лишь конкурентная устойчивость и доходность на вложенный денежный капитал. Любопытно, что слово «капитал» все более увязывалось со средствами производства, а не с авансируемыми на предпринимательство и хозяйственную деятельность деньгами. В конце концов появился даже «человеческий капитал» — слышите, не труд, а капитал! — что позволило капиталисту стать «трудовиком», а трудящемуся — «капиталистом». Ах, эта нейтрально-истинная наука? Где стоимость, где ее самовозрастание, где *капитал*? Ну, и где сам человек?

А что российская хозяйственно-экономическая мысль, как она отреагировала на кризис политической экономии? Не совсем так, как в Европе, уже испытывавшей первый долговременный кризис реального и вполне развитого капитализма и немало приветствовавшей в связи с этим альтернативный буржуазной науке марксизм, вызывавший дурманящую тягу к неведомому, но очень уж манившему «лучшие европейские умы» социализму. Русский ученый мир хотя и не отверг столь же решительно классическую политэкономия, ибо капитализм в России еще только развивался и пока еще не удостоился сходного с Европой негативного коллапса, но зато весьма увлекся тем же марксизмом, тем более что в России всю нарастало революционное движение, нацеленное в основе против царизма, феодализма и имперскости, но и против капитализма тоже, а социалистический проект казался кое-кому в России ей — православно-де соборной и совсем не протестантской стране — очень даже подходящим. Чистая физикалистская наука тоже нашла некоторый приют в России, овладевая российскими пытливыми умами в заметно меньшей степени, чем в Европе, ибо молодые пытливые умы России были более заняты революцией, чем наукой. Россия оставалась еще в плену политэкономической классики (с учетом и марксизма) и не спешила, все еще очарованная этой классикой, в плотный захват к неклассике. Так или иначе, но политэкономия получила в России как бы новое дыхание — что буржуазная, что, так сказать, пролетарская, причем не только в университетах, а и во внеуниверситетских кругах, в том числе и нелегальных кружках. И в силу того, что Россия шла к революции (вполне и антироссийской!), за которой маячила Новая Россия — либо капиталистическая, либо социалистическая, но только не имперо-российская, российская политэкономия начала в XX в. весьма уже рассталась с прежней — XIX в. — национально-почвенной спецификой (исключая разве лишь аграрное направление) и все более представляла чистой, т. е. и западной, политэкономией — не смитианской, так марксистской, а кое в чем уже и вульгарно-маржиналистской.

Однако Россия не была бы Россией, если бы не выкинула какого-нибудь совершенно неожиданного номера. И она таки этот номер выкинула, вдруг уйдя в сторону не только от классической политэкономии, все еще отягченной-де научной философичностью, включая и марксизм, но и от неклассической, уже предельно научной, экономии. Россия вдруг родила в это кризисное для Европы и России, для экономизма, либерализма и гуманизма, для политэкономии и сциентизма время не что иное, как *философию хозяйства*, которая

была уже не только не продолжением политэкономии, но даже и не ей альтернативой, как не была она и альтернативой физической экономии, с которой, в отличие от политэкономии, вообще не имела ничего общего (политэкономия хотя бы страдала остаточной философичностью, пусть и в основном научной).

Философия хозяйства предпочла физике и научной философии *метафизику и метафизическую (метанаучную) философию*, а накопленной в ученом мире интеллект-философии — *философию реальности* (из реальности, от реальности, для реальности), причем реальности возможно более полной, ничего из нее заведомо, как те же политэкономия с точной наукой, не исключая: ни материального, ни идеального, ни духовного; ни феноменального, ни ноуменального, ни трансцендентного; ни явленно-фактического, ни сущностно-смыслового; ни предельного, ни беспредельного; ни пространственного, ни временного, ни беспространственно-безвременного; ни видимого, ни осязаемо-чувствительного, ни прозрачно-проникательного; ни сеюмирного, ни, пардон, потустороннего, в общем — ничего из возможного и невозможного, из действительного и воображаемого, из предметного и мыслимого, из вещественного и виртуального, то бишь не исключая ничего из всего *физического* и всего *метафизического*.

Если это, выражаясь модно-вычурно, холизм, то холизм самый полный, объемный, целостный, пожалуй что, и беспредельный. Человек здесь как физическо-метафизическое целое; общество тоже; хозяйство — тем более; такая же и философия хозяйства, вбирающая в себя все ей необходимое от философии как таковой (как знания), но и создающаяся сама по себе — под покровом, выучкой и контролем хозяйства, бытия, реальности.

Выход к философии хозяйства, совершенный впервые С.Н. Булгаковым в 1912 г. посредством опубликования книги «Философия хозяйства» и защиты в Московском университете одноименной докторской диссертации, был выходом не к новой теоретической парадигме, не к новой научной концепции, даже не к новой отрасли гуманитарного знания, а в *новый смысловой мир*, не исключавший вообще ни науки, ни философии, ни религии, ни той же литературы с искусством, но бывший от них вполне самостоятельным, и никаким не синтезным перед лицом всех этих знаниевых сфер, что невозможно из-за разности парадигм, аксиоматики и принятых в них языков, а попросту изначально и целостно сложным, а лучше бы сказать — сложно-единым, если не попросту — *своим!* Здесь никакая не смесь знаний, даже не смешанное знание, а органичное внутри и для себя же особое, вполне и самодостаточное, знание, вступающее в

себя всю реальность, выраженную в феномене хозяйства или через него, и дающее целостное об этой реальности представление.

Что же это такое — *хозяйство*? Для философии хозяйства это все жизнеотправление человека, берущееся по преимуществу со стороны его — этого жизнеотправления — организации, причем организации по преимуществу деятельной. *Человек — дело — организация — течение реальности — хозяйство*. Вот в главном и все! Можно и по-другому: *субъект — объект — взаимодействие — процесс — итог*. Или еще: *субъект — контекст — движение реальности — новая реальность*. И все это про целостное жизнеотправление, про делание жизни, про организацию жизни, про жизнеосуществление. От обеспечения питанием, одеждой, убежищем, очагом, теплом и продолжения рода человеческого до производства социальных организаций, культур и цивилизаций, работы духа и эманации идей, отправления культов и реализации права, ведения кровавой войны и проведения буйного карнавала. *Вся жизнь (на уровне организма-субъекта) — хозяйство, все хозяйство — жизнь!*

Почему же здесь все-таки философия — философия хозяйства, а не наука, не теория, не прикладное хозяйствоведение? Исключительно по причине присутствия в хозяйственной реальности, в самой жизни, в бытии человека, даже и в мироздании, не только и даже не столько *физиса*, сколько *метафизиса*, а к последнему относится все, включая и какую-нибудь последнюю «темноматериальную» частицу, не говоря уже о живом и животном мире, человеке как именно человеке (сознание, разум, ум, язык, интеллект — что это, если не метафизис?), народе, обществе, культуре, цивилизации, государстве, нации, ну и науке, философии, религии, как и вообще о всяких смыслах, идеях, знаках, символах, проектах (что это все?). Именно так: что это, если не метафизис, отражаемый метафизикой? Даже наука физика в общем-то сплошь метафизична, а что говорить о той же политэкономии, в которой ничего, кроме метафизики, и нет, правда, как бы офизиченной по преимуществу метафизики, так сказать, находящейся на услужении у физики. А разве самая что ни на есть точная математика не метафизична? Такая абстрактная, таинственная, в одно и то же время вольная и определенная, если не предельная? О-ох, метафизика это вовсе не ненаука, а как раз самая настоящая наука, хотя и почему-то стыдящаяся метафизики, ее из себя изгоняющая, да вот обойтись без нее никак не могущая. Наука сейчас — как бы отрицательная метафизика, а потому и в некотором роде... лжеметафизика, да и в немалой мере... лженаука тоже, ибо надуманно неметафизична.

Да, наука вроде бы располагает точными, верифицируемыми, доказательными знаниями. И очень хорошо! Эти-то знания обычно и принимаются за физические, что совсем и не плохо. Однако далеко не везде и по каждому поводу возможны физические умозаключения, позволяющие накапливать и физические истины. Человек и его хозяйство, рассматриваемое и как общественное хозяйство, и как природно-неприродное, и как вообразимо-невообразимое, и как, пардон, имманентно-трансцендентное, по большей части совсем не физичны, а потому не очень-то и научны — как в аспекте познания и осмысления, так и в плане деяний, они более всего метанаучны и метафизичны, а потому требуют не столько науки с ее теориями, сколько философии с ее неопределенными суждениями и нежесткими умственными построениями. Целостный подход к хозяйству требует и целостного познания (не просто системного, а именно целостного: как по горизонтали, так и по вертикали; как поверхностно-плоскостного, так и содержательно-объемного; как феноменального, так и сущностного; как «ухватывающего», так и только предполагающего). И дело тут не только в познании, но и в применении знания, а потому философское знание о хозяйстве, которое при этом еще и знание-размышление, должно достаточно корреспондировать с метафизической природой объекта знания и действия. Наряду с физикой (вроде той же статистики) тут должна вовсю фигурировать и метафизика, однако не столько как готовое знание, сколько как вырабатываемое непрерывно суждение.

Это был настоящий революционный прорыв — в совершенно иную, чем стало привычным для науки и научной философии, сферу, что знаменовало собой не прекращение науки и научной философии, не их приращение и развитие, а выход за их пределы, но не назад — к старой, так сказать, метафизике, как раз круто осужденной где-то в XVIII—XIX вв. сциентизмом и им пренебрежительно отброшенной, а к метафизике новой — уже *постнаучной*, а не *донаучной*. Получилось так, что прорыв этот произошел на экономическом мыслительном векторе, причем посредством диалектического отрицания (снятия) научного экономизма и политэкономизма, включая смитианство, марксизм и тот же маржинализм, но это не было только продолжением или даже развертыванием данного вектора, а было вхождением в совсем иное мировоззренческое пространство с обретением и иных познавательных-проективно-деятельских возможностей. Наука с научной философией, как и вообще философия, как и те же религии с их богословиями, оставались на своих местах, но наряду с ними появилось новое *знание-размышление*, имеющее не столько свой собственный объект с предметом, сколько свое собственное

(самостное) бытие в человеческой мировоззренческой (идейно-духовной) сфере, причем непосредственно, непрерывно и плодотворно соприкасающейся с реальностью — *хозяйственной реальностью*.

Вряд ли Булгаков чего-то подобного хотел, но так у него получилось, причем не столько в высказанных им словах, сколько в выказанном им намерении: вроде бы разбирал докучливо философию и экономизм, ища выход из политэкономического тупика, не пренебрегая ни капитализмом, ни социализмом, а вышло что-то совершенно ото всего этого особенное — *софийное*, не только не строго научное, не только не философийное, но никак и не собственно религиозное, а какое-то совсем другое, идущее прямо к Софии и от Софии же приходящее, причем не нейтрально исследовательское и не предвзято догматическое, а всюю живое, свободное, актуальное, хотя и трудно, почти что невозможно, уловимое.

Нет, конечно, российская мысленная субстанция, широко и глубоко зараженная вполне еще молодой наукой, весьма ухваченная передовой-де нововременской философией и частично удерживаемая религиозной догматикой, никакого восторга по поводу булгаковского прорыва в новую мировоззренческую сферу посредством философии хозяйства (а хозяйство, повторяем, вся жизнь человеческая, причем субъектно-деятельская, ничего и не исключаящая, даже и таких штук, как широко действующих безумия, бесовства, inferнальности) не продемонстрировала, посчитав булгаковское деяние за сугубо личное и ко всему мыслящему сообществу отношения не имеющее. Учебное сообщество в своей ученой сердцевине так и осталось тогда либо уныло (смитианство), либо азартно (марксизм) пережевывающим политэкономическую классику и где-то сбоку второпях вываривающим неклассическую экономическую физику.

Тут в России наступил коварный 1917 г., и когда грянула российско-антироссийская революция, поначалу вроде бы классическая буржуазно-демократическая, подтвердившая высокий провиденциальный статус классической же политэкономии — смитианской, но мгновенно превратившаяся в неоклассическую пролетарскую, утвердившую прагматическую правоту уже неоклассической политэкономии — марксистской. Политэкономия в целом получила явное историческое оправдание и, сжавшись потом до марксистской, заняла наряду с марксисткой же философией первенствующее положение на российско-советском мировоззренческом небосклоне.

А что философия хозяйства? Она была попросту сознательно и вполне физически отброшена в... небытие, ее как будто бы и не было: мелькнула яркой кометой, никого при этом серьезно не задев и обстоятельно не просветив, и исчезла где-то в темном пространстве воззренческого мироздания — и то хорошо! Самым потрясающим здесь было то, что в конспиративную отставку была отправлена единственно национальная, совершенно отечественная, почвенная и русская, абсолютно оригинальная, впервые в истории России вдруг явившаяся, не имевшая аналогов в мире, вполне самостоятельная и самодостаточная, новая и перспективная мысль! Отсюда лишь одно заключение: на протяжении XIX в. отечественная хозяйственная мысль, все более подпадая под влияние западного политэкономизма вкупе с оголтело научным экономизмом и все более утрачивая свою специфику, жестко, неуклонно и неумолимо расправлялась сама с собой, круша не только почвенных домостроевцев — тех же славянофилов и народников, но и сколько-нибудь учитывавших специфику России катедер-политэкономов, в итоге чего предстала к XX в. совершенно уже в западных мировоззренческих образах, сделавшись окончательно и бесповоротно производной, вторичной, периферийной.

Русская-де мысль жаждала прозападной в России революции — либо буржуазной, либо пролетарской, либо еще какой, но в любом случае антироссийской, — и на такое неожиданное событие, как явление философии хозяйства, в прозападной революции в России совершенно не заинтересованной, не могла не встретить не только равнодушно, но даже и враждебно, мало того, с немалым и страхом... за саму себя, ибо с адекватным признанием философии хозяйства ей пришлось бы очень сильно, если не трансгрессивно, измениться, чего она совсем не хотела и попросту даже боялась. Конечно, столь неожиданное, чувствительное и значимое новое никак не могло сразу же встретить восторженного приема, но... все-таки... отсутствие хотя бы попросту заинтересованного к новой мысли внимания не означало ли тогда самого обыкновенного... э-э... предательства — России, русского ума и духа, российского самосознания, самой отечественной мысли? — и вопрос этот совсем, знаете ли, не риторический!

Да, разумеется, не поняли, не встряли, не оценили! Все это так, но ведь не кто-нибудь, а русские мировоззренцы, так и не уразумевшие, что Россия — не Европа, что нельзя насильно делать из России Европу, что у России свой, вполне и имперский, путь, что Россия нуждается не в беспутных анархических переворотах, а в большой, каждодневной и систематической работе по переустройству и достижению не какой-нибудь, а вполне развитивной социо-

хозяйственной гармонии, что целеположенная, рассчитанная и упорная эволюция для России важнее, нужнее и предпочтительнее любой «безбашенной» в ней революции. Соблазн Европы и Революции, а потому и Революции и Европы, оказался сильнее тяжелой работы по переустройству и развитию страны; прельщение западной мыслью было могущественнее обращения к собственному, почвенному и вполне суверенному мышлению; интеллектуальное потребительство (иждивенчество) превосходило потребность в самостоятельном творческом интеллектуализме. Да, не поняли, не встряли, не оценили, но и не могли ничего подобного сделать, ибо слишком уже увлеклись не своим и слишком уже презирали свое — оттого и весьма плачевный результат — что интеллектуальный, что исторически реальный!

Случайно ли именно в России и как раз именно в начале XX в. возникла философия хозяйства — как целостное и вполне, повторяем, самодостаточное учение-размышление, а не как прихотливый набор философско-хозяйственных измышлений? Нет, конечно, не случайно — и дело тут в основе в трех обстоятельствах — объективном, объективно-субъективном и субъективном.

Обстоятельство объективное — кризис. Общая кризисная ситуация, сложившаяся в Европе и России; разгул революционного движения; подготовка к крупной европейской войне; кризис идеологии гуманизма и классической гуманитарной культуры (наступление Серебряного века); кризис социальной науки и расцветшего в ней сциентизма. Кризис этот чувствовали и осмысливали везде, по всей Европе, но в России в особенности: здесь он обрел явно апокалиптический характер, что и было хорошо и удачно подтверждено российско-антироссийской революцией. Кризис стимулировал концептуальный поиск, но в Европе он привел более всего к отрицанию научной классики и переходу ей в противовес к еще более-де научной неклассике, а вот в России он привел к бурному развитию на русской, так сказать, почве европейского марксизма и некоторых ростков неклассического интеллектуализма, но... еще и к неожиданному отрицанию европейского сциентизма вообще, что и выразилось в преодолении политической экономии и научного экономизма, как и того же утопического, но в основе своей крайне взрывоопасного, марксизма, правда, в преодолении сугубо точечном — через струйчатый извод философии хозяйства, и только!

Обстоятельство объективно-субъективное — историческая специфика России и российской мысли. Не пройдя собственной глубокой Реформации, а лишь насильственно подражая Западу,

Россия, окончательно въехавши в итоге прозападных-де петровских реформ в самодержавие и крепостничество, не выдала на гора ни капитализма, ни индустриализма, ни саморазвивающегося сциентизма, а потому, воспроизводя почти рабски западную мысль и лишь частично ее подправляя, не выработала и никакого самобытного, целостного и способного к развитию собственного мировоззрения, хотя и пыталась это сделать, отыскивая свою специфику и вроде бы на нее упирая. Ни имперско-православное самодержавство («Самодержавие, православие, народность»), ни славянофильство (почему же, однако, не русофильство?), ни обращенное против самодержавно-феодальной России народничество не дали сколько-нибудь ощутимого и полного результата в слишком уже зараженной Западом незападной стране и победу на мировоззренческом поле одержал в конце концов западный сциентизм. Но кое-что из незападного русские мыслители все-таки выразили, сосредоточивая свое внимание на соборности, общественности, целостности; на общем благе, общем деле, общем доме; на этике, морали, честности; на (sic!) хозяйстве, а не экономике, на благочестивом хозяйствовании, а не экономической выгоде, на общественной (национальной) пользе, а не частном интересе. Хотели того русские мыслители или нет, но они вольно или невольно указывали на необходимость какого-то альтернативного взгляда на хозяйственную жизнь, достаточно отличного от европейского, закладывая так или иначе основы какой-то иной хозяйственно-экономической идеологии, что как раз и нашло известное воплощение в булгаковской философии хозяйства. Здесь также уместно вспомнить о И.Т.Посошкове, этом уникально-универсальном мыслителе рубежа XVII—XVIII вв. — первом русском философе хозяйства, еще донаучном, предтечевского, так сказать, порядка, незаслуженно затертом и забытом, — и это воспоминание наводит на мысль, что первое пришествие философии хозяйства на русскую землю состоялось не в XIX в., а еще в начале XVIII в., и имело оно те же примерно последствия, что и второе — уже постнаучное, как раз булгаковское: невнимание, оттеснение, забвение (Посошков был уморен голодом в Петропавловке, в Булгаков выслан за границу без права возвращения на родину под угрозой расстрела). Заметим, что Булгаков был хорошо знаком с трудом Посошкова и придавал ему очень большое значение. Двести лет потребовалось России, чтобы вернуться на посошковскую стезю, правда, уже не по-предтечевски, а вполне уже фундаментально — сквозь *философию хозяйства!*

Обстоятельство субъективное — авторское. Нет нужды рассказывать о всех перипетиях жизни, деятельности и творчества

С.Н. Булгакова, этого воистину великого русского мыслителя, но важно отметить, что с детства религиозный (православный, из семьи священника), в юности и молодости атеистический и вполне сциентистический, по-европейски образованный и просвещенный, интеллигентский, в зрелости... вновь религиозный (возвращенец), антисциентистический, противointеллигентский: от атеизма, материализма и марксизма к православию, идеализму и... *софийности*, а в итоге, аккурат к сорока годам — *от политэкономии к философии хозяйства*. Не будучи сторонником самодержавия и российской имперскости, он не стал и гонителем оных — отъявленным революционером, а, попытавшись ревизовать марксизм, вполне и безуспешно, выступил за религиозный ренессанс («новую церковь») и в его свете за историческую самобытную Россию, ее собственное, хотя и не автаркическое, развитие. Стажируясь после окончания Московского университета в Германии, не только усваивал марксизм и социал-демократизм, но и, по-видимому, уловил первые тенденции к «философизации» экономизма, выказывавшиеся тогда М. Вебером, В. Зомбартом, Г. Шмоллером, что и вылилось в конце концов, уже в России, по разочаровании в марксизме, материализме и революционизме, в такой замечательный интеллект-продукт, как философия хозяйства. Все тут как-то сошлось на Булгакове и из него в свет и вышло! Заметим, что Булгаков был блестящим политэкономом, он читал лекции по истории экономической мысли, отлично знал европейскую науку, был хорошо знаком и с отечественной хозяйственной мыслью. В то же время Булгаков был и вполне квалифицированным философом. И вот именно в уже контрмарксистском и постсциентистическом сознании Булгакова зародилось и вызрело намерение не нанизывать дополнительный сучок на уже высохавшем древе западного мыслизъявления, а высадить совершенно новое мыслительное древо — на русском просторе, в русской земле, посреди русской ноосферы, вне западной искусственной оранжереи. Посадить-то посадил, да вот вырастить древо ни ему, ни еще кому-нибудь тогда не удалось, но тут уже была не вина Булгакова и его возможных последователей, а множества российских обстоятельств, среди которых центральное место занимало общее неприятие российской ученой общественностью почвенной, да еще и постнаучной, еще и метафизической (неометафизической), еще и софийной, мысли.

Отвлечемся на время от русской философии хозяйства, сверкнувшей было ярко посреди русского мирознания, почти что обжигающе, да вот нарочито и не замеченной, не поддержанной и

быстро отправленной, правда, уже полновластными большевиками-марксистами, в «национальный отстойник» — в библиотечный спецхран, и уделим некоторое внимание победившей в пореволюционной России, ставшей вдруг СССР, марксистской политэкономии вкупе с марксистской же философией. Хотя и в особой — пролетарской-де — интерпретации, но классической политэкономии весьма тогда повезло — именно она, пусть и только в марксистском образе, была принята на идеологическое вооружение в СССР, а не более поздняя и, казалось бы, более современная неклассическая научная экономия. Жизнь классики была продлена, что было в общем-то хорошо, но... сама классическая мысль мало в чем соответствовала реальности, которая была ни буржуазной (капитал-экономической), ни собственно пролетарской (социал-хозяйственной), а была попросту этато-мобилизационной (армейского более всего образца).

Марксистская политэкономия была четко и беспощадно разделена на политэкономия капитализма, которого в стране уже не было и не должно было быть, и политэкономия социализма, которого в стране еще не было, но который непременно должен был стать. Политэкономия капитализма раскрывала чуждый (заграничный и для России прошлый) строй хозяйственно-экономической жизни, который марксизм наяву отрицал и с которым идейно и деятельно боролся, а политэкономия социализма была призвана обосновать и оправдать сначала строившийся, а затем и вроде бы построенный, социалистический-де строй жизни, хотя таковым «по гамбургскому счету» он, конечно же, не был, он был в лучшем — символическом — случае сталинизмом, а в худшем — уже реальном — попросту тотальным этатизмом, вполне и ордынским: все трудились за определенную свыше платно-распределительную меру — кто управляя (номенклатура), кто попросту работая: рабы и полурабы (зэки, крестьяне-колхозники, рабочие) и недорабы — служащие, «интеллигенция». «Политэкономия социализма», толкуя об общественной собственности, государственном централизованном управлении, планомерности, общественных фондах потребления, растущем жизненном уровне и т. д., ничего не говорила о фактической реальности, создавая самый обыкновенный, но при этом очень примитивный и чересчур уж лживый, идеологический миф, обязательный для распространения и усвоения всеми грамотными и неграмотными элементами общества. Однако миф мифом, а реальность — реальностью! Последняя хоть и не была в полном смысле слова социалистической (впрочем, может, и была!), а, будучи в основном армейско-мобилизационной, оказалась на определенный

период весьма и весьма действенной: сталинизм за короткий срок осуществил (широко заимствуя западные технику, технологии, заводы, оборудования) целостную индустриализацию производства с его возможной на тот момент модернизацией (за счет сельского хозяйства, крестьянства, а также реквизиций всяких ценностей у богатых и зажиточных слоев населения, у церкви с последующей реализацией этих ценностей за границей), провел образовательную революцию, подготовив многочисленные специализированные кадры для производства, науки, техники; создал мощный военно-оборонный комплекс с новой, технически быстро оснащавшейся армией; соорудил потребную для нового хозяйства и общества инфраструктуру, включая современный транспорт... в общем вывел страну на современный материально-технический уровень, реализовав фактически то, что в Европе называлось материально-технической базой капитализма, причем смог затем достичь, уже после победоносной и щедрой на развитие Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., и большего — создать атомное оружие, баллистические ракеты и первым в мире вырваться в космос, опередив развитые, мощные и всю передовые США.

Политэкономия мало соответствовала бытовавшей в СССР реальности, но зато этой реальности вполне соответствовала, как и в ней попросту участвовала, прикладная экономическая наука, усилиями которой был создан весь *организационно-экономический механизм* — вполне и уникальный (система централизованного управления хозяйством на основе и в рамках тотального планирования; оригинальная денежно-финансовая система, включая банковско-кредитное дело, бухгалтерский учет, ценообразование, капиталовложения; статистический учет; экономика труда и заработной платы; система денежно-натурального распределения потребительских продуктов и т. д.). Как бы то ни было, но созданная советской наукой (в основном, экспертной) хозяйственная система не только функционировала, но и имела выдающиеся конечные результаты, хотя и до поры до времени, как раз до того предела, за которым армейско-мобилизационное хозяйствование перестает давать достаточные, а главное — новые и разнообразные, плоды.

Данная система, более или менее обоснованная и весьма отраженная в «политэкономии социализма», бывшей по сути более всего теорией не социализма (что же он такое — социализм?), а государственного централизованного хозяйствования, не могла долго и с необходимым позитивным эффектом существовать, лишенная внутренней потенции к развитию, нововведениям, разнообразию,

удовлетворению многих, тем более — существенно новых, потребностей. Казарма есть казарма, в ней может быть строй, порядок и мера, но не может быть *из-нутри* творчества, самовозникающей новизны и органичного самоперестроения. Так называемая «рыночная реформа» 1965—1970 гг., известная также как косыгинская, была первой и последней крупной попыткой плавно перестроить сталинский «социализм» во что-то более жизнеспособное, но из этого в общем-то ничего не получилось: послесталинская номенклатура не на шутку дрогнула и в страхе потерять удобный ей «социалистический строй» предпочла ограничиваться даже не полумерами, а квазимерами, пытаясь лишь как-то усовершенствовать и «одинамить» уже «приказывавший долго жить» постсталинизм. В конце концов общество, устав от навязанного «равенства» и вынужденной аскезы, включая и весьма заметное недопотребление, стало тем или иным путем преодолевать «социализм», стремясь не просто к личным потребительским успехам, но и к личным обогащениям уже вполне буржуазного толка. Часть номенклатуры тоже не избежала подобных увлечений, фактически отрицая «социализм», но уже не снизу — как какие-нибудь цеховики, а сверху — как формальные управители. К 1980-м гг. уже было ясно, что загнивавший на корню «социализм», прозевавший к тому же новую большую волну научно-технического прогресса, идет к своему концу. Горбачевская «перестройка» ему не помогла, оказавшись, как это не раз бывало в истории страны, ни достаточно адекватной исторической ситуации, ни достаточно решительной, и «социализм» вместе со своей «политэкономией» рухнул, немало, кстати, к такому исходу самой этой политэкономией и подготовленный.

Политэкономия социализма, бывшая, скажем так, европосоветского происхождения, имела место в советских университетах и вне их, но вследствие своей чрезмерной идеологической заданности, оторванности от реальности и недюжинной мифологичности в золотой фонд мировой политэкономической мысли не вошла; зато советскую прикладную экономическую науку вполне можно почитать за полезный, по-своему и выдающийся вклад в мировую экономическую науку и хозяйственную практику. Сегодня вроде бы нет большой потребности в советском хозяйственном опыте и соответствующей ему научно-экспертной мысли, но завтра... о-о... завтра может все измениться, ибо кругом кризис (причем кризис не так даже перепроизводства или перенакопления, как кризис перепотребления, а это куда как страшнее по возможным в будущем последствиям), во всем развитом мире явный избыточный продукт при обостряющейся нехватке ресурсов, освобожденный от труда и забот «человече» не

знает, куда себя деть, и т. д., а потому, чем черт не шутит, потребуется вдруг и что-то близкое к планово-административному, в основе неэкономическому или же постэкономическому, вполне и натуральному, опыту «казарменного» СССР — почему нет?

Крах советского социализма, включая и крах всего его идеологического оснащения (пусть и временный, но все-таки крах, а не какой-нибудь кризис), заставил большинство «новороссийских» интеллектуалов оставить марксизм и броситься в противоположную сторону — уже к как бы совершенно современной и чуть ли не истинной западной науке, давно уже расставшейся с классикой и занятой самым что ни на есть неклассическим научным экономизмом. Никакого органичного освоения западной мысли тут не было и быть не могло, а случилось самое обыкновенное — не только не осторожно-критическое, а вовсе даже восторженно-потребительское — заимствование. Так в стране стало быстро распространяться, усиленно при этом и насаждаемое, западное экономическое мышление, но вполне, знаете ли, периферийно-колониального свойства (делать было нечего: проиграли, потерпели поражение, сдались на милость победителю, так что ничего тут не оставалось, как только учиться, учиться и учиться — у современного, так сказать, капитализма, финансизма, глобализма, империализма — вот и стали учиться, перенося «ихние» знания в свои либо не очень-то еще освобожденные от марксизма, либо вообще вдруг опустевшие головы).

Нет, советская марксистская школа не вывернулась из весьма худого положения, в которое вдруг попала, ничего приемлемого, кроме арьергардной критики новой буржуазности и лобовой защиты ушедшей в небытие пролетарскости, так обновлявшемуся интеллекту и не предложив. Повторы, повторы, повторы! Никакого глубокого пересмотра, никаких отчетливых нововведений, никаких осовремененных интеллект-комбинаций!

Итак: с одной стороны, передовая-де, хоть и с заметной уже гнильцой, западная научная комбинаторика — механическая, пустотелая, калейдоскопная, а с другой — постмарксистское суесловие — слабое, охранительное, вероподобное.

Однако случилось в стране и кое-что другое: не от капитализма и не от социализма, не от политэкономической классики и не от научно-экономической неклассики, не от точной науки и не от догматизированной религии, не от идейного убеждения и не от чувственной веры, а всего лишь от... проникновения в реальность, правда, уже за пределами самонадеянной науки, вне уже все познавшей философии и помимо все уже установившей для себя

религии, как и вовсе не среди них, не между ними, не в их невозможном соединении, а как-то само собой, в стороне — на своей стороне. Да, да, речь идет о вновь явившейся в России (еще в СССР)... *философии хозяйства*, ее третьем с учетом пососшковской предтечности и втором уже после Булгакова пришествии, состоявшемся определенно в 1990 г. с выходом независимой от Пососшкова и Булгакова работы автора этих строк «Опыт философии хозяйства».

Примечательно, что автор «Опыта» не был тогда знаком ни с трудом Пососшкова (да и вряд ли посчитал бы сей великолепный труд за философско-хозяйственный), ни тем более с трудом Булгакова, прочно застрявшем в библиотечном спецхране. И оттого новое рождение в России философии хозяйства особенно знаменательно: надо, так надо, и никуда от этого не уйти! Новое рождение оказалось не просто новым (третьим или вторым) пришествием, а и новым или очередным возрождением философии хозяйства, происшедшем, кстати, не вследствие какого-то физического краха европосоветской политэкономии, а вследствие ее практически полной реально-метафизической несостоятельности. На базе и в рамках зарпортованной политэкономии ничего не то что нового, а попросту адекватного реальности сказать было уже нечего, да и... нельзя! Требовался выход за пределы политэкономии, как и державшего ее на плаву, но при этом и в плену, физикалистского сциентизма. Отсюда и *философия хозяйства*: хозяйство, а не экономика, и философия (мировоззрение), а не наука (теория).

Одной из примечательных особенностей отечественной (еще русской) хозяйственно-экономической мысли был вольно-невольный упор на слове «хозяйство» в ущерб, хотя, быть может, и не в противовес, слову «экономика». Русское сциентизированное сознание почему-то сопротивлялось «экономике», отдавая предпочтение вроде бы всего лишь синонимичному «хозяйству»: домашнее хозяйство, крестьянское хозяйство, общинное хозяйство, помещичье хозяйство, фабричное хозяйство, армейское хозяйство, городское хозяйство, сельское хозяйство, лесное хозяйство, народное хозяйство, мировое хозяйство, даже и хозяйство поэта (А.С. Пушкин). Обратим внимание: не «экономика», а «хозяйство»! И ежели посчитать это не за недоразумение, а за пусть инстинктивную, но содержательную особенность, свойственную российской практике, русскому сознанию и тому же русскому языку, то можно при желании обнаружить очень важную смысловую вещь: хозяйство все-таки не совсем экономика, не только экономика, а то и вовсе не экономика, точнее бы — экономика, конечно, всегда хозяйство, а вот хозяйство — вовсе не всегда

экономика. Последняя есть не более чем однеженное, товарообменное, стоимостное хозяйство, а потому и не более чем частный случай хозяйства, его особенный способ — и не более того! Хозяйство возможно и без экономики, а экономика без и вне хозяйства — нет, невозможна, — как, к примеру, та же политика, совершенно возможная без и вне экономики, оказывается невозможной без и вне хозяйства, хотя в цивилизационной практике имеет и свою экономику, вполне, так сказать, политическую, а то и попросту реализуется как экономическая (та же денежно-финансовая).

Отечественная хозяйственная мысль давно чувствовала, что экономика с ее деньгами, товарами, обменами, ценами, капиталами, банками, инвестициями, рынками вовсе не объемлет всего, что входило так или иначе в хозяйство, хотя и не поставила до Булгакова знака равенства между хозяйством и жизнью, немало из-за этого путаясь во вроде бы лишь синонимических понятиях — русском «хозяйстве» и западной «экономике». А ведь за этим почти бессознательном различии стояло очень многое, возможно, и самое главное, что отличало отечественную мысль от западной. Русская мысль вглядывалась в жизнь, в западная — лишь в один из ее искусственно созданных механизмов!

Хозяйство не очень-то подвластно науке, ее точному-де подходу, а потому хозяйством может заниматься по преимуществу и в полном объеме только философия, причем философия мировоззренческая. Отсюда как раз и философия хозяйства, а не наука о хозяйстве, которая, безусловно, возможна, но лишь в определенных границах. В целом же и на весь простор — философия хозяйства, способная увидеть и не отвергнуть свойственной реальности неопределенности, сокрытости, разнообразности, идеальности, духовности, трансцендентности, даже и чудесности, достигая этим необходимой познавательной адекватности и размыслительной полноты. Философия — без границ, хозяйство — тоже — и только хозяйственная реальность ответственна и гранична, что как раз и делает философию хозяйства не вольной интеллект-словесностью, а сообразованной внутри себя и в связи с контекстом смысловостью.

В освобожденные от монопольного давления марксизма и обретшие кое-какую мировоззренческую полифонию 1990-е гг. вновь возникшая в стране философия хозяйства, сойдясь вплотную со взглядами неожиданно тогда открытого основоположника русской философии хозяйства С.Н. Булгакова, получила немалое развитие, превратившись из инициативного авторского начинания в активное и плодоносное течение мысли, оформившись к 2000 г.

институционально (научная школа, специальный журнал, одноименная лаборатория в МГУ). Нет, это не было ни булгаковедением, ни булгаковианством, ни булгаковизмом, как и не было и нет никакого в адрес великого русского мыслителя кумирства, — признание, уважение и внимание — не кумирство! Булгаков — зачинатель, первооткрыватель, основоположник, мало того, гениальный «вкладчик» в основы философии хозяйства, но никак для современной философии хозяйства не объект культа и безоговорочного «адепства». Важнее не то, что сказал Булгаков, хотя это и важно, а то, что заставило его именно так высказаться, как и важен путь, на который он вступил и впервые обосновал. Современной философии хозяйства нет без Булгакова, его идей и устремлений, но, повторим, это никак не булгаковедение, а самостоятельно бытующая и развивающаяся — вместе с Булгаковым — мировоззренческая мысль. Никакого буквоедства, лишь свободное творчество, а ежели обращение к предшественникам, то сугубо содержательное, в согласии более с их мыслями, а не словами, хотя и со словами, конечно же, тоже!

Так или иначе возникнув, сформировавшись, обогатившись мыслями и понятиями, насытившись кое-какими текстами — размыслительными, образовательными, просвещенческими, философия хозяйства принялась за новое осмысление (и переосмысление тоже) мировоззрения, накопленного знания, утвердившихся трактовок — и не только в хозяйственно-экономической сфере, что понятно, но и в других сферах — социальной, политической, исторической, как и в научной, философической, практической. Будучи вроде бы абстрактным и по преимуществу метафизическим знанием-размышлением, философия хозяйства вовсе не чурается практической стороны человеческого бытия, наоборот, к ней заинтересованно устремлена и ею продуктивно занимается, замечая и обнаруживая то, что обычно не видится другим отраслям и типам знания, соответственно и выдавая на гора *свои* трактования фактов, деяний, событий, процессов, не пренебрегая и потребной при этом проективностью. Познаватель-но-осмыслительно-трактовочная особен-ность философии хозяйства не в том, что она сторонится физиса бытия, а в том, что, отдавая должное метафизису, стремится постигать физическое через метафизическую призму, а потому и по-иному постигать и понимать окружающий мир, чем это может предложить физикалистская наука, научная философия или та же «заоблачная» религия.

Сегодня, в 2013 г., можно утверждать, что философия хозяйства уже сложилась в целостное, при этом и открытое, знание-размышление, способное к самостоятельному существованию и

развитию. По поводу и вокруг философии хозяйства сообразовалось значимое ученое сообщество (Философско-экономическое ученое собрание, Академия философии хозяйства), систематически проводящее научные форумы, издающее содержательные тексты, отвечающее на актуальные запросы времени, вполне, заметим, и времени кризисного (мирового, странового, воззренческого). Однако формирование философско-хозяйственного направления мысли и уже завоеванное им положение в сочетании с немалой известностью ни в коей мере не означают какого-либо «триумфального шествия» философии хозяйства по идейно-воззренческому пространству, прочно занятому давно уже возникшими, внутренне консолидированными и ставшими вполне привычными знаниями, но в то же время и торопливо заселяемому «новейшими» импортными интеллект-соблазнами. Нет, путь философии хозяйства вовсе не усыпан розами, он пролагается, скорее, через густые тернии, растущие по преимуществу на почве непонимания, неприятия и охранительно-предосудительного отвержения.

Очередное пришествие философии хозяйства, а это, вновь особо подчеркнем, самое отечественное из отечественных мыслительных достижений в гуманитарной сфере, служит не столько признанию философии хозяйства и взлету оригинальной мировоззренческой мысли, сколько новому приступу желания поскорее покончить с неудобным для устоявшейся традиции и неприемлемым для постмодернистского наукообразия оригинально-прорывным знанием-размышлением. Главное сейчас: ограничить, оградиться, не допустить, сдержать, не дать развиваться и распространяться, упрятать в резервацию, создать сектантский имидж, исказить реальный образ и действительную суть, преуменьшить значение, на всякий случай сдиффамировать, да и попросту оболгать. Увы, все это есть, — и от этого никому уже не уйти — ни тем, ни этим!

Современная экономическая теория, отвергнув политическую экономию с ее онтологической социальностью и остаточной (научной-де) гносеологической метафизичностью (все-таки думала еще, старушка, о сущности вещей), а также увлекшись физикалистским математизированным подходом (системно-физическим моделированием), незамедлительно ушла даже от чисто экономической, не говоря уже о целостно-хозяйственной, реальности, превратившись в интеллектуалистскую «игру в бисер», ведущуюся по преимуществу уже ради самой себя, а не какой-то там реальности. Так называемые «неоклассика» (точнее бы — «неклассика») и «экономикс», претендующие хотя бы на системно-формальную

целостность, изображают не что иное, как некую виртуальную реальность, свободную от всякой верификации относительно реальной реальности: трудно найти хотя бы одно воистину реалистическое и реально доказуемое положение в этих теориях. В действительности ведь всё не так, всё совсем по-другому, но что поразительно — это совершенно не беспокоит блистающую чистым интеллектом науку, ибо в ее задачу входит не отражение реальной реальности, а не более чем выделывание «новых» синтетических (искусственных) мозгов для их применимости в виртуально-симуляционной... э-э... ирреальности, подменяющей собою реальность как таковую (компьютеры, модели, инструкции, сети).

Ближе к реальной реальности расположен так называемый «новый институционализм», но он, во-первых, не слишком все-таки онтологичен, во всяком случае целостно он не онтологичен, как и совершенно не онтологичен ноуменально; во-вторых, ограничен правоинституциональной практикой, призванной управлять экономическими процессами без адекватного постижения самого объекта управления и «уважительного» к нему отношения, а потому легко соскальзывающей на принцип «экономика для института» в ущерб принципу «институт для экономики».

«Новый институционализм», в отличие от «старого» или «классического» институционализма, не признает необходимости, самоценности и практической незаменимости для хозяйства и экономики такого института, как государство, враждует с ним, называя не более, не менее, как «бандитом», и склонен воспевать фактически асоциальный анархизм, за которым маячат, как хорошо известно, мощные негосударственные субъекты управления, устанавливающие свой порядок, но непременно через стихию, произвол, кризисы, войны. Строго говоря, «новый институционализм», как и частично «старый», не строго экономическое учение, скорее — политико-юр-управленческое, что говорит не о «плошести» самого учения, а лишь о его онтологической относительно экономики «внепредметности» («парапредметности»).

Главная неприятность научно-экономической современности — слабость или даже отсутствие фундаментальной онтологической концептуальности, сходной по значению с той, которая имела место при доминировании политической экономии классического образца. Ни «неоклассика» («неклассика»), ни родственный ей «экономикс» данной миссии не только не выполняют, но и склонны вообще отвергнуть любую мировоззренческую фундаментальность. Отсюда две попытки: 1) возродить, как-то осовременив, бывшую политическую экономию; 2) предложить новую, уже совершенно

современную, политэкономия. Так или иначе, но это не что иное, как быть или не быть ныне политэкономии?

Основная трудность тут в том, что несмотря на свою вроде бы фундаментальную онтологичность политэкономия XIX в. была не столько нейтрально-объективной онтологией, сколько... ангажированно-субъективной идеологией: либо ангажированным учением о капитале и ради него, включая подотчетный капиталу предпринимательский индустриализм, либо же не менее ангажированным учением о труде и ради него, не исключая все того же, но уже подотчетного-де труду... э-э... коллективно управляемого... индустриализма. Один ствол политэкономии вовсю оправдывал капитал, другой — «лоббировал» труд. Были попытки и создать политэкономия социальной гармонии, но уже не столько между капиталом и трудом, сколько между работодателем и работодателем — не без посредничества государственных инициатив.

Никто не против того, чтобы обстоятельно рассуждать о капитале и его пользе, о свободном товарно-денежном хозяйстве, о важности предпринимательства и труда, как и тех же... банков, о необходимости взаимоприемлемого сотрудничества между капиталом и всеми на него трудящимися работниками, о доходах, богатстве и их распределении, о значении растущей экономики в целом и значимости экономизма, но... ахиллесовой пятой знания, пытающегося до сих пор называться политической экономией, остается онтология — та самая реальность, о которой вроде бы старательно повествует политэкономия, но которая далека от адекватного с ее стороны восприятия и понимания: да, стоимость (ценность), да — субстанция, но причем тут либо поиск материального основания для этой субстанции — вроде того же труда, либо попытка внестоимостного трактования стоимости, как и всех стоимостных параметров-величин, через сидящие-де в вещах полезности и их предельные рыночные выражения? Научная гносеология тут подвела реальную онтологию, ибо стоимость не только не вещественна, не материальна, но, что особенно важно, никаким внешним для нее образом не измеряется: стоимость метафизична, идеальна, эфирна, трансцендентна и, что особенно важно — сама себе мера, чего не могла и не может никак понять ни классическая политэкономия, ни ее славный наследник — неклассический экономизм. Не объяснив «как следует» стоимости, а стоимость есть не что иное, как *самое экономическое в экономике*, нельзя объяснить и практически ничего из вообще экономического — объяснить не идеологически, а как раз онтологически, совершенно и нейтрально относительно текущей реальности.

Физический подход нельзя переносить на нефизическую реальность — которая как раз по преимуществу метафизическая; стоимость со всеми своими параметрами-величинами — не физис, а сплошной метафизис; да и экономика в целом в своей онтологии — все тот же метафизис.

Возможно ли сегодня какое-то возрождение политэкономии: пусть лишь подновленной, пусть и совершенно новой? Ответ даст сама научная, так сказать, жизнь, но на наш философско-хозяйственный взгляд — нет, ибо для этого политэкономии (как бы она ни называлась) надо... перестать быть... собственно политэкономией, что для политэкономии, которая все-таки не так адекватное реальности содержание, как его — этого возможного содержания — неясный символ, совершенно неприемлемо.

Автор этих строк не принципиальный противник политэкономии, хотя и не безоговорочный ее сторонник. Все дело в том, что в рамках неясной, ограниченной, расплывчатой, фрагментарной, «ни нашим, ни вашим», а по большому счету попросту невозможной, парадигмы, упорно притягиваемой к политической экономии, никакой убедительной в онтологическом плане политэкономии быть не может, а может случиться лишь очередная — вполне, наверно, и надуманная — идеология, оправдывающая, к примеру, тот же финансовый глобализм или, напротив, его же решительно осуждающая, что, собственно, есть одинаково плохо!

Политэкономия — не вечное вообще учение, а вполне временно-временной взгляд на хозяйственно-экономические вещи, возникший на потребу эпохе Модерна и ее важнейшему атрибуту — капиталу. Взгляд вполне тогдашний — наивно-научный, не более того! Сегодня на мировом дворе не что иное, как Постмодерн, для которого такие понятия, как реальные деньги и реальные товары вместе с реальными капиталами, банками, кредитами и ценными бумагами, не более чем ушедший в прошлое «материальный» анахронизм. В том же анахроническом забвении труд, производительность труда или то же самое частное предпринимательство. И рынок сегодня не рынок, и валюта не валюта, и цена не цена. Ныне в почете вещи виртуальные, прозрачные, мимолетные, когда не хозяйственная реальность ведет экономическую виртуальность, а экономическая виртуальность владеет хозяйственной реальностью! Краеугольным камнем в «эфирном» экономическом здании служит не товарное отношение, не сами по себе деньги и даже не капитал, а направленное на реальность (сверху вниз) *управленческое решение*, вполне и *ирреальное*. Хозяйственно-экономический мир совершенно перевернулся, выставив наружу и вперед не реальность, а *ирреальность*. Тогда

причем тут политэкономия со всеми ее традиционными идейно-выверенными материальными атрибутами? А-а, *тау бе новая политэкономия*? Тогда какая же? Ведь кругом теперь сети, а не рынки, структуры, а не свободно складывающиеся отношения, системы управления, а не самоорганизации, пирамиды, а не нейтральные среды. Условно говоря, не физика вокруг, а *алфизика*, где господствуют не причинно-следственные связи, а управляемый и управляющий произвол любых управляющих миром сем, вовсе не отрицающих перманентного тотального кризиса всего мирового хозяйственно-экономического контекста, а его — этот кризис — органично предполагающие, активно пролонгирующие и старательно использующие. Никакой ныне субъектной атомарности, никаких складывающихся между самостоятельными-де субъектами отношений, никаких свободных и несвободных между ними конкуренций! Теперь лишь сети и центры управления ими да подотчетная центрам экономическая агентура, включая и там и сям действующую резвую резидентуру. Другой мир, другая реальность, другая онтология, другая и гносеология! И никакой тебе в привычном понимании политической экономии, которая так и не выяснила до сих пор, что понимается ею под «экономией», а что под «политической»!

Философия хозяйства — не политэкономия, но вышла в свет философия хозяйства как раз из-за политэкономии, фактически занимавшей место философии хозяйства, но, увы, не слишком все-таки достойно и успешно. И философия хозяйства существует сегодня совсем не случайно: выход философии хозяйства на мировоззренческую арену — не чья-то субъективная прихоть, как и не какая-то научная закономерность, это — трансцендентное веление метафизиса, столь пренебрежительно отвергаемого до сих пор физикой и той же политической экономией, но при этом всегда в мире бывшего, ныне вовсю бытующего и на будущее в своем онтологическом значении лишь усиливающегося.

Достоинство философии хозяйства в ее органической и в то же время неограниченной целостности — что онтологической, что гносео-логической, она ничего из реального, включая и ирреальное, не чурается, всё принимает и ничего от себя не гонит. Кредо философии хозяйства не в поиске несокрушимых истин, обычно выливающих в невозмутимую догматику, а в утверждении *правды*, какой бы неприглядной и горькой она ни была. В философии хозяйства не может быть ни правых, ни ошибающихся, ни тем более «правых» и «левых», как и тех же «центристов», ибо для философии хозяйства, озабоченной человеком-человечеством и его бытием-хозяйством,

бытием-историей, бытием-телеологией и бытием-эсхатологией, какие-либо идеологические предпочтения, да еще и между собой враждующие, попросту лишены всякого смысла. Философия хозяйства не разъединяет, а объединяет, что не значит, что она монофонична, нет, она вполне полифонична, но не какофонно, а как раз вполне симфонично, что совсем не мешает быть в ее музыкальном поле ни чудным голосам, ни смелым партиям, ни насыщенным мелодикой содержательным струям.

Вывод: отечественная мысль пришла к философии хозяйства, уйдя от политэкономии, и не придя, естественно, к постмодернистскому научному экономизму; непризнание загодя и надолго хорошо внутри себя сбитой научной общественностью философии хозяйства не означает, что последняя не заслуживает бытия, развития и распространения; возрождение политической экономии, себя очень уж не оправдавшей, вряд ли возможно, хотя и возможен еще всплеск какого-то ее постмодернового заместителя; познавший философию хозяйства, в нее вошедший, ни в какой политэкономии не нуждается, что не значит, что в ней не нуждается научное сообщество, столь упорно отвергающее философию хозяйства.

Не в силе Бог, а в правде!

С.В. СИНЯКОВ

Философия и экономическая наука

Аннотация. Анализируются вопросы социокультурной обусловленности науки, философско-мировоззренческие предпосылки экономических знаний, исследуются концептуальные основания экономических теорий.

Ключевые слова: социокультурная детерминация науки, мировоззренческие установки, ценности, философия хозяйства, неокантианство.

Abstract. The article is devoted to questions of science sociocultural conditionality, philosophical and world outlook preconditions of economic knowledge, the conceptual bases of economic theories.

Keywords: science sociocultural determination, world outlook installations, values, philosophy of economy, neokantianism.

Характерной особенностью истории науки XX в. являлось то, что в методологическом анализе на передний план был поставлен субъект

научной деятельности, создающий научное знание. В новейшей философской литературе внимательно исследовались различные формы социокультурных, мировоззренческих ориентаций субъектов научной деятельности. Результаты такой работы показали, что научное знание оказывается нагруженным различными социальными и общекультурными компонентами, человеческими отношениями, складывающимися между учеными в процессе создания идей, гипотез, концепций. Среди социокультурных детерминант процесса познавательной деятельности особый интерес у методологов науки вызывали концептуальные основания, складывающиеся из философских, этических, методологических принципов, норм и требований.

Философское исследование концептуальной активности субъекта в экономическом познании невозможно без соотнесения с анализом социальной значимости результатов познавательной деятельности. В противном случае выясняются преимущественно формальные механизмы творческой деятельности или отдельные формы и признаки проявления теоретической активности ученого в научном исследовании. Внимания заслуживают и сами философские основания экономического знания, так как экономическое познание всегда оставалось зависимым от философских предпосылок, на основе которых оно развивалось. Методологическая функция философии проявлялась при рассмотрении как гносеологических, так и онтологических задач экономической науки, в том числе о природе и содержании экономических понятий (М. Вебер), методов экономического исследования, взаимодействии экономического и социального в истории (К. Маркс). Мировоззренческое значение философии обнаруживалось при обсуждении таких проблем экономической теории, как вопрос о достоверности экономических идей, проблема объективности экономических знаний, места человека в экономике, смысла хозяйственной деятельности (С. Булгаков), движущих силах эволюции (В. Зомбарт).

Ключевое положение философии в системе мировоззренческих предпосылок объясняется тем, что она, будучи теоретическим знанием, есть такое осмысление всеобщего, которое, в отличие от экономической мысли, сочетает онтологические представления о хозяйственной реальности с осознанием ценностно-мировоззренческих ориентаций человечества. Ее мировоззренческие принципы и методологические идеи являются качественной стороной и важным средством теоретико-экономического исследования. Они помогают ученому наметить очертания предполагаемых решений и в

конец работы осмыслить полученные результаты, дать им мировоззренческую интерпретацию. Философия есть универсальная форма мышления и ее воздействие на экономическое мышление не обязательно осуществляется в прикладном аспекте. Философские идеи и принципы, как правило, опосредованно воздействуют на экономическое познание, и никакая серьезная работа в области экономики невозможна без философии. Являясь частью духовного богатства человечества, философия как форма сознания и как неотъемлемая часть культуры способна в традиционной теоретической форме влиять на процесс исследования.

Философские идеи и принципы всегда являлись механизмами соединения мировоззрения с содержанием и методологическими элементами экономического познания. Философские знания обосновывают идеалы и нормы, онтологические принципы экономической науки, обеспечивают включение общественно-исторических представлений в экономический контекст жизни общества. К философским основаниям экономической науки в широком смысле можно отнести всю совокупность фундаментальных концептуальных, гносеологических и методологических принципов и законов теории, на которых строится вся система экономических знаний и разрабатываемая картина хозяйственного бытия. Включение философских идей в экономическую науку может протекать в двух формах: как действие латентных философских предпосылок и как действие профессионально разрабатываемых философско-теоретических концепций, оказывающих влияние на дальнейшее развитие экономических знаний. Сами концептуальные основания экономической науки имеют три важнейших источника и детерминантов развития: собственную историю и теорию экономики; междисциплинарную интеграцию наук на основе взаимного обогащения их теорий и методов; все возрастающую степень проникновения философской методологии и мировоззрения в структуру экономических теорий, в методы и стиль мышления. Вместе с тем следует отметить, что функция философского знания гораздо шире, чем только быть теоретико-методологическими предпосылками научного знания. Философия является самосознанием науки; она представляет собой теоретическую рефлексию над основаниями культуры. В ее задачи входят анализ соотношения материального и духовного в хозяйственной деятельности и вопросы смысла хозяйственного развития, экономической свободы и др.

Характерной чертой истории экономической мысли было стремление избежать универсального монистического объяснения экономических процессов и наполнить интерпретацию экономических

явлений и событий плюрализмом теоретических и методологических концептов. Большинство ученых-экономистов подходили к решению исследовательских задач с разных философских и мировоззренческих позиций. Данное обстоятельство нашло свое отражение в требовании для историков экономической науки учитывать соотнесенность экономических теорий как со средствами, так и с ценностными, мировоззренческими, целевыми установками познавательной деятельности. В свою очередь, полученные в экономической мысли идеи и концепции нередко становились неотъемлемой частью мировоззренческих ориентаций эпохи. Взаимосвязь экономических и ценностно-мировоззренческих представлений осуществлялась в постановке и решении вопросов об экономической эволюции, формировании институтов, свободе и закономерности в истории, природе и статусе экономических законов и др. Теоретическое решение таких вопросов прямо зависело от интерпретации экономического опыта, новых и известных экономических фактов, конкретизации и уточнения, систематизации и классификации исторического материала. История общественных наук, их структура и функции изучены столь глубоко и обстоятельно, что было бы нелепо излагать только абстрактные представления на этот счет. Обратим внимание на некоторые важные аспекты соотношения эмпирии и теории в связи с нашей постановкой проблемы. В ее решении необходимо руководствоваться сопоставлением между собой отдельных этапов развития науки на основе изменения стиля мышления и исследовательских программ в разных областях знания. Но следует оговориться, что как всякие аналогии они не могут дать полностью достоверных выводов, вскрыть глубинные механизмы взаимосвязи экономической науки и философии.

В последнее десятилетие увеличилось внимание к проблемам философии и методологии экономической науки. На страницах научных изданий развернулась дискуссия о способах и путях модернизации экономических знаний [1—3]. Она была обусловлена как внутренними, так и внешними по отношению к науке факторами, например, финансовым и экономическим кризисом 2008 г., который она не смогла ни предупредить, ни предотвратить. Прогнозы о повторении кризиса в 2012 г., сделанные ведущими экономистами и нобелевскими лауреатами, также не оправдались. Финансовый кризис принял долговой характер, но ничего эффективного для борьбы с ним не было найдено. Экономическая мысль оказалась не в состоянии ответить на вопросы: маячит ли на горизонте следующий кризис на рубеже 2013—2014 гг.? будет ли рецессия в развитых промышленных

странах в 2014 г. и др.? Накопившиеся противоречия между теорией и практикой подтверждают неспособность экономической науки предсказывать капиталистические кризисы. Причиной неудовлетворительного состояния экономических знаний явилось также широкое распространение среди научного сообщества экономистов сциентистского и позитивистского представления о природе экономической теории [4, 19]. Любые науки нужны обществу только тогда, когда они способны выполнять эвристическую функцию. На последнем Давосском форуме вопрос встал о необходимости изменения экономического устройства мира. Но экономисты не могут предложить новую форму экономики и финансов, новую модель мироустройства. Выполняет ли сегодня экономическая теория познавательные задачи, в состоянии ли она быть методологической основой для конкретных экономических наук? Поможет ли ей здесь философия? Критикуя отрыв экономической теории от практики, нетрудно впасть в другую крайность — попытаться превратить ее в экспериментальное знание. Но экономическая теория не должна превратиться в эмпирическое знание. Конкретные экономические науки не могут обойтись без всеобщего понимания природы экономических процессов.

Анализируя сложные и противоречивые отношения в системе теория—практика, А.С. Гальчинский справедливо отмечает: «принцип “практика — критерий истинности” непосредственно политэкономии не касается. Политэкономия — это выход за пределы практики... она формирует креативно-инновационный потенциал практики, детерминирует практику» [5, 6]. Методы политэкономии обусловлены не только особенностями ее объекта, но и субъектом экономического познания, его концептуальными структурами. Одновременно необходимо учитывать следующий важный момент. Политическая экономия традиционно изучает объективные экономические формы, отношения, которые ни в коем случае не могут подменяться идеологическими и юридическими нормами. «Традиционный предмет исследования — производственные (экономические) отношения, — пишет А.А. Пороховский, — подвергается дискуSSIONным атакам с разных сторон, что порой приводит к безграничному толкованию этого явления и категории и может, в конечном счете, выхолостить его содержание» [4, 19]. В то время как некоторые представители институционализма уделяют основное внимание формальным нормативным принципам, сосредоточиваясь на юридических нормах и правилах, политэкономы не должны забывать, что юридические формы есть лишь формальное выражение объективированных экономических начал.

Несмотря на опасность чрезмерного расширения предметного поля, продолжается научная ревизия предмета политэкономии, далеко неоднозначно трактуются его специфика и динамика представлений о нем в истории экономической мысли. Часто для этого используется философский метод — критической рефлексии над экономическими знаниями и их основаниями. Пользуясь постулатом: «современная философия — это экспертиза» [6, 63], все больше ученых-экономистов, не будучи профессиональными философами, используют принципы метафизики, становясь в этот момент философами. «Если философия — это пространство свободного мышления, если это путешествие в мир ненаблюдаемых сущностей, то философ — это метафизик, то есть человек, который утратил связь с сознанием повседневности» [6, 61], — подчеркивает Ф.И. Гиренок. И это скорее можно считать преимуществом, а не недостатком применительно к современному состоянию экономической науки. Соединение экономической теории с метафизикой дает самые неожиданные результаты: позволяет расширить горизонты экономического мышления, глубже осмыслить политико-экономическую реальность, осуществить критическую ревизию существующего экономического мироустройства, преодолеть нынешний тупик в развитии экономической теории. «...Анализ трансцендентного, того что считается “сверх эмпирическим” находится “по ту сторону” не только существующей практики, но и накопленных знаний» [5, 7].

Метафизический анализ экономики в определенной степени предполагает волевой идеальный проект, т. е. своего рода «навязывание» действительности принципов рационального устройства мира. И в этом нет ничего отрицательного, так как игнорирование такого подхода в конечном счете приводит к мировому кризису, а для некоторых стран даже к экономической катастрофе. Нельзя не согласиться в этом аспекте с достаточно радикальной оценкой Н.Б. Шулевского, в которой содержится предупреждение, связанное с игнорированием идеальной составляющей экономических процессов. «Недооценка, отрицание, непонимание идеальности, как принципа оптимального устройства бытия, вещей, людей и власти, — подчеркивает он, — возбуждает чудовищные и разнообразные силы мирового возмездия...» [7, 244].

Таким образом, становится очевидной необходимость внесения в систему экономического анализа методологических принципов метафизики, таких, например, как метод умозрения, метод критической рефлексии. В результате такого обогащенного способа познания экономической реальности создается новое, пусть

абстрактно-методологическое, знание, но при этом дающее ответ на практические вопросы. Пусть оно — «саморефлексирующее знание, знание для самого себя» [5, 6] — знание, которое «предусматривает движение не от реальности к идее, а наоборот — от идеи к новой реальности» [5, 7]. Экономист идет к теоретическим обобщениям не только от опыта практической работы в своей области, но и дедуктивным способом. Он может и должен на определенном этапе своего исследования временно становиться философом, размышлять над опытом собственной познавательной деятельности и уяснить смысл этой деятельности для самого себя. Но чтобы это размышление было плодотворным, должно быть соблюдено неперенное условие: философу нужно обладать собственным опытом в той области, которая служит предметом его размышлений, а экономисту — владеть философским методом. В противном случае творческое мышление невозможно, так как отсутствие собственного опыта работы толкает к заимствованию чужих мнений и аргументов без убеждения в их правоте.

Это не значит, что вся предшествующая традиция ничего не стоит, просто любая ранее высказанная мысль должна быть опробована и сопоставима с фактами собственного опыта экономиста. В общем, ученый, способный работать в области философии экономики, должен быть философски мыслящим экономистом, или, что то же самое, экономически мыслящим философом, и только гармоническое сочетание философского и экономического методов мышления позволяет достичь ожидаемого результата. Но в этом единстве решающее значение имеет опыт экономического мышления, потому что без него самая лучшая философия лишается эмпирической основы для своих обобщений и превращается в спекулятивные суждения по поводу экономики. Однако и новейшие работы, посвященные синтезу метафизики и экономической науки, содержат такие недостатки или сосредоточиваются преимущественно на гносеологических аспектах, критике неадекватного представления о философских основаниях экономической теории [8]. Философа всегда подстерегает опасность умозрительной дедукции, игнорирующей экономический опыт, а экономиста — необоснованной поспешной индукции.

Согласно позиции Ю.М. Осипова, опирающейся на традиции российской философии хозяйства С. Булгакова, экономическая истина не открывается сразу и целиком, а вырабатывается постепенно, созревает во времени и развивается. «Философия хозяйства — не так знание о знании, как знание о возможности знания; это не столько собственное знание, сколько ключ к знанию...» [9, 4]. Новое воззрение не отбрасывает полностью старое, а сохраняет в старом все

жизнеспособное, продолжая тем самым его бытие в ином контексте, в изменившихся условиях. То, что отживает и отбрасывается в общественном развитии, составляет его заблуждение, а то, что сохраняется в настоящем, образует его истину. Но и сегодняшняя истина подчинена общему закону развития, ей суждено тоже претерпеть в будущем ревизию, многое утратить и возродиться в сильно измененном виде. «...Философия хозяйства — возможность целостного видения, отражения и отображения трансцендентно обусловленного мира, его динамики и судьбы, с учетом, на основе и через призму действующего в нем творческого субъекта» [9, 5].

По мере того как экономическое познание углубляется в философские основания своей собственной деятельности, претерпевает изменение и само понимание природы экономики, которое все более проникается историзмом. История экономических учений убедительно показывает, что, как правило, научно-экономический анализ совмещался с теми или иными идеологическими установками исследователей. Об этом свидетельствует тот факт, что большинство экономистов в XIX — XX вв. так или иначе по своим подходам, позициям, симпатиям и антипатиям характеризовались как либералы, консерваторы, социал-демократы, социалисты и марксисты. В основе такой классификации, несомненно, лежит ценностно-мировоззренческая, идеологическая оценка.

Например, известный немецкий экономист, историк и социолог В. Зомбарт испытал сначала влияние идей К. Маркса, но в дальнейшем отошел от марксизма и руководствовался методологией баденской школы неокантианства. Основная тема его творчества — социально-экономическая история капитализма, раскрытие предпосылок капитализма, механизмов его зарождения, динамики и перспектив капиталистического общества. На основании методологии баденской школы В. Зомбарт использует понятие «дух капитализма» (стремление к наживе, к деньгам) и полагает, что данные духовные предпосылки генетически и каузально привели к возникновению капиталистической хозяйственной системы. Неокантианское видение исторических явлений и процессов не исключало, по его мнению, возможности и правомерности их анализа с точки зрения повторяемости. Сама уникальность тех или иных процессов и явлений может быть прояснена только на основе выявления их общих составляющих. Так, исследование хозяйственной истории капитализма отдельных европейских народов В. Зомбарт начинает с выявления

общевропейских экономических тенденций. Данный подход предполагал обоснование духовного анализа фактическим материалом, соединение теории с эмпирическими данными, т. е. определенную социологизацию хозяйственной истории [10]. Экономическая теория капитализма В. Зомбарта, созданная на основе неокантианской методологии, была авторитетной и повлияла на развитие социологии и политэкономии XX в.

Другой исследователь капитализма — М. Вебер также руководствовался неокантианскими методологическими установками при формировании теории капитализма и разработке экономической истории. Лейтмотивом его исследований является тема рациональности как исторической судьбы западного общества и организующего принципа познания. Констатируя в духе неокантианства методологическое своеобразие «наук о культуре», М. Вебер настаивает на том, что экономическое и историческое познание должно быть свободно от субъективных оценок. Его основная методологическая концепция «идеальных типов» вполне выполнена в духе неокантианской гносеологии априоризма. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер предложил новаторское решение вопроса о генезисе капиталистического общества, связав его с Протестантской реформацией. Именно протестантизм, придавший религиозное значение расчетливо организованной и нацеленной на умножение богатств мирской деятельности человека, заложил основы трудовой этики и рационализма, составивших ядро новоевропейского типа личности. Проблема связи религиозных установок и хозяйственной деятельности занимает центральное место в его экономических исследованиях [11].

Один из основоположников неоавстрийской школы политэкономии, австро-английский экономист Ф. Хайек руководствовался в исследованиях либеральными мировоззренческими ценностями. С экономической точки зрения кардинальное преимущество рыночной системы перед плановой он усматривал в способности первой из них посредством ценового механизма использовать такой объем информации, получение и переработка которого невозможны в рамках системы централизованного планирования. Следствием этой ситуации является неспособность плановой экономики обеспечить соответствие структуры производства структуре общественных потребностей, достичь сколько-нибудь приемлемого уровня эффективности. На протяжении всей своей научной деятельности Ф. Хайек выступал против государственного вмешательства в экономику, являясь принципиальным оппонентом наиболее влиятельных антилиберальных

экономических концепций (социализм, кейнсианство и др.) [12, 119—151]. Попытки в XX столетии осуществить деидеологизацию, достичь идеала беспристрастности и истинности, элиминация ценностей не увенчались успехом. Отсюда следует необходимость признать плюрализм теоретических подходов и методологических принципов, их сосуществование и терпимость друг к другу, а также важность изучения мировоззренческой компоненты экономических теорий как их неотъемлемого компонента.

Сближение философии и экономического знания означает наведение моста с обеих сторон — со стороны экономической науки и со стороны философии, а тем самым влечет коррелятивные изменения в интерпретации общей познавательной программы. Например, политическая экономия тесно связана с такими ключевыми понятиями человеческого общества, как добро и зло, справедливость и несправедливость, равенство и неравенство. Со своей стороны, философия имеет дело с пониманием и толкованием экономических целей, а там где речь идет о целях людей непременно присутствуют ценности. Поэтому уже по самому своему определению политическая экономия пронизана этическим началом, и изучение экономической деятельности не может не иметь морального измерения. Это тем более необходимо, если учесть, что нередко экономические цели отождествляют с корыстными интересами, а нравственность — с бескорыстием. Поэтому философско-гносеологический анализ ценностно-мировоззренческого знания должен в дальнейшем сосредоточиваться на выяснении его места и значения на различных этапах исследования, а также способах проникновения и формах присутствия в содержании знаний. Указанное направление анализа научного познания особенно плодотворно в социально-экономических науках, поскольку дает возможность по-новому взглянуть на структуру и организацию научного исследования, открывает новые пути и возможности изучить регулятивы и стимулы познавательной деятельности ученого, условия выбора и предпочтения теоретико-методологических средств познания, направления научной работы. Такой подход позволяет установить специфические каналы связи между экономической наукой и культурным окружением, различными областями духовной культуры, общественного сознания, в которых находит свои мировоззренческие ориентации познающий субъект.

Литература

1. Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. М., 2004.

2. *Ананьин О.И.* Структура экономико-теоретического знания. Методологический анализ. М., 2005.
3. *Философия экономики.* Антология / Под ред. Д. Хаусмана. М., 2012.
4. *Пороховский А.А.* Политическая экономия в начале XXI века // *Экономическая теория.* 2012. № 2.
5. *Гальчинский А.С.* Начало новой парадигмы политической экономии. Постановка проблемы // *Экономическая теория.* 2012. № 2.
6. *Гиренок Ф.И.* Что такое философия? // *Философия хозяйства.* 2011. № 2.
7. *Шулевский Н.Б.* Философия и возмездие. М., 2012.
8. *Войтов А.Г.* Проблемы методологии экономической науки. М., 2013.
9. *Осинов Ю.М.* Предисловие // *София. Сто лет русской философии хозяйства.* М., 2012.
10. *Зомбарт В.* Современный капитализм. М.; Л., 1930.
11. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произв. М., 1990.
12. *Хайек Ф.А.* Дорога к рабству // *Вопросы философии.* 1990. № 10.

С.Г. КОВАЛЕВ, В.Е. САБИНИН

Философия глобализации

Аннотация. Рассмотрены дефекты капитализма, провоцирующие ухудшение качества глобальной среды обитания и социальную нестабильность. В основе этих дефектов повышенная выгодность экономии общественного труда по сравнению с экономией ресурсов природы. Результат — истощительный режим природопользования, заниженная глубина обработки ресурсов, повышенное количество отходов. Наибольший вред социальной стабильности приносят возрастающий объем природной ренты и утрата качества денег как меры труда. Потенциал самозащиты популяции от этих дефектов реализуется в форме глобализации, которая является периодом смены капитализма на последующую социально-экономическую формацию. Предложен механизм альтернативной экономики, реализующий отрицательную обратную связь между расходом ресурсов и прибылью бизнеса. Альтернативная экономика есть модель глобализации.

Ключевые слова: глобализация, экономика, философия, природная среда обитания, социальная среда обитания, популяция человека.

Abstract. Considered defects of capitalism, provoking degradation of the global environment and social instability. At the core of these defects increased profitability saving of labor as compared with the savings of natural resources. Result — the unsustainable use of nature, underestimated the depth of processing resources, an increased amount of waste. The greatest harm social stability brings increasing amount of resource rent and loss of quality of money as a measure of labor. The potential for self-protection of the population of these defects is realized in the form of globalization, which is the period of replacement of capitalism by the subsequent socio-economic formation. The mechanism of an alternative economy that provides the negative feedback between resource usage and profitability. Alternative economics is a model of globalization.

Keywords: globalization, economics, philosophy, habitat, human population.

В начале января 2013 г. эксперты ВЭФ в Давосе опубликовали перечень угроз, любая из которых, по их мнению, в состоянии запустить глобальную социальную катастрофу [1]. Среди них: 1) растущий разрыв между уровнем доходов населения; 2) возможный крах международной финансовой системы; 3) дефицит пресной воды, загрязнение атмосферы, изменение климата как возможное следствие парникового эффекта. И т. д.

Особенность их заключается в том, что все они сосуществуют одновременно, а главная опасность — в отсутствии общего мнения при определении источников этих угроз. Это значит, что защитные меры ориентированы на смягчение «симптомов», а не на устранение причин. Реакция мирового сообщества на «кризис 2008» подтверждает этот тезис.

Настоящая работа посвящена накоплению информации о внутреннем содержании и источниках угроз для цивилизации, выявлению механизмов их взаимовлияния и выработке подходов к их преодолению.

Цивилизация

Цивилизацией мы называем популяцию «человека разумного», создавшую систему социальных отношений (ССО), в основе которой расположен общественный труд (ОТ).

Основой жизнедеятельности любой популяции является потребление ресурсов природы (РП), но только человек, используя ОТ,

повышает их «потребительские качества» до уровня, при котором численность популяции, которую природа еще способна «прокормить», многократно возрастает. Поэтому фундаментальной характеристикой ССО является величина прироста потребительского качества исходных РП в процессе их обработки, имеющая экономический смысл в виде производительности труда ζ . Эта величина может служить ориентиром прогресса цивилизации, но только до тех пор, пока интенсивность изъятия ресурсов из природы не переводит режим природопользования из «равновесного» в «истощительный».

Современное обществоведение оперирует понятием производительности в денежном эквиваленте $\zeta_{\$}$, что придает ему совершенно иной смысл. Если ζ является характеристикой «цивилизации технологов», то $\zeta_{\$}$ есть критерий общества специалистов по деньгам — менеджеров. Различие между этими системами иллюстрирует сопоставление экономики СССР (где функции денег были ограничены) с экономикой капитализма.

Денежный эквивалент произведенных товаров и услуг включает расходы на оплату $OT_{\$}$ и на оплату $RP_{\$}$ (третьего нет). Используя оценки Всемирного банка [2, 24—26], можно показать, что в истории цивилизации общая стоимость $OT_{\$}$ относится к общей стоимости изъятых $RP_{\$}$ примерно как 2,5 : 1,0. То есть финансовая система человеческого сообщества (основные расходы относятся к периоду капитализма) создана такой, что на оплату труда израсходовано в 2,5 раза больше денег, чем на оплату ресурсов. Независимо от того, в какой степени методика расчета и результат корректны, отметим, что этот показатель позволяет выявить некоторые характерные особенности ССО.

Капитализм: состояние и перспективы

Капитализм есть ССО, обеспечившая резкий рост производительности труда за счет использования конкуренции, организованной по канонам «западной демократии». Но со своей спецификой. А именно, как показано выше, в оплату труда денег вложено больше, чем в обеспечение сырья. Это обстоятельство стало дополнительным аргументом для активизации конкурентной борьбы. Но при этом оказалось, что экономия OT более выгодна, чем экономия RP . Хорошо это, или плохо, каким является оптимальное соотношение $OT_{\$}/RP_{\$}$ и есть ли оно вообще — заранее определять нет смысла. Надо оценивать результаты. А они таковы: после того как капитализм стал основой организации OT , численность популяции возрастает неуправляемо до уровня, при котором глобальная система

природопользования вышла на истощительный режим. В свою очередь, избыточные количества РП в системе производства сделали относительно невыгодной их глубокую переработку, стимулировали появление завышенного количества отходов, многие из которых оказались губительными для среды обитания. Выживание человеческого сообщества теперь зависит от того, в какой степени удастся преодолеть тенденции истощения запасов РП и вернуться в состояние равновесия с природой. Мерой такой инверсии может служить уменьшение соотношения $OT_{\$/P\$_}$.

Сопутствующим компонентом конкуренции является неравенство. В конкурентной борьбе всегда кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. При этом победитель получает бонус за счет проигравшего — прибыль. В современном мироустройстве единые принципы рыночной экономики и конкуренции используются почти во всех странах (кроме, разве что Северной Кореи). А вот специфика их организации, сконцентрированная в идеологии западной демократии, осталась национальной привилегией. Возникшее на этой основе различие производительности ОТ трансформировалось в неравенство качеств условий жизни в разных странах. Повысить производительность ОТ и снизить социальную напряженность можно сменой менталитета (на что нужно не менее 2 — 3 поколений) и совершенствованием технологий.

Основой межгосударственных отношений в современном обществе является конкурентная борьба, и одним из способов такой борьбы стало навязывание принципов западной демократии в невыполнимой форме. Иначе говоря, от конкурента требуют немедленной смены менталитета, мотивируя это борьбой за «права человека». Однако насильственно ускоренная смена менталитета может только ухудшить социальное равновесие. Поэтому борьба за соблюдение этих прав вне собственной территории по смыслу есть аналог «крестовых походов». В современном мироустройстве, где такая борьба является основой внешней политики, результатом является накопление социальных противоречий.

Метрологической основой социальной организации капитализма являются деньги. Поэтому сохранение их функционального предназначения и работоспособности является приоритетной задачей. Наиболее активным источником нарушения равновесия является природная рента — плата за РП. В соответствии с функциональным предназначением денег как меры труда РП должны быть бесплатными, поскольку в их создание труд человека не вложен. В реальной жизни это условие не соблюдается, поэтому объем денежной массы

превышает объем ОТ. Природная рента есть постоянно действующей источник глобальной инфляции. *Деньги утрачивают качества меры.*

Разрушаются фундаментальные принципы социальной организации. Избыточный объем денежной массы снижает «чувствительность» рыночной экономики и производительность ОТ. Источником достижений и, одновременно, продуктом капитализма стали:

- истощительный режим природопользования;
- рост социального неравенства внутри и на межгосударственном уровне с нарастающей угрозой биологической и социальной катастрофы;
- утрата качеств меры у денег;
- нерегулируемый рост численности популяции.

Цивилизация денег, выполнив свою историческую миссию локомотива развития, перестает соответствовать требованиям прогресса. Механизмы появления угроз иллюстрируют материалы следующих подразделов.

Проявления биологической нежизнеспособности популяции, вызываемые изменением природной среды обитания

Истощительное природопользование приводит к деградации природной среды обитания, основу которой составляют воздух, вода и пища. Человек, пожизненно употребляющий хлорированную воду с остатками моющих средств, дышащий выхлопными газами двигателей и отходами химических производств, употребляющий с пищей остатки удобрений и кормовых добавок для животных, окруженный системой электрических и магнитных полей от электрооборудования, оказался в среде обитания, отличающейся от той, в которой формировался его генотип. Система охраны здоровья ориентирована на излечение больных, а не на предупреждение заболеваний. Популяция теряет запасы здоровья и генофонд. Во многих современных государствах продолжительность жизни различается на 10 или даже 20 лет. Несложно подсчитать, что уменьшение средней продолжительности жизни, например, с 77 до 70 лет эквивалентно вымиранию $\approx 10\%$ населения. И это различие не есть проявление генетической статистики или действия природных факторов. Это результат организации биологической и социальной среды обитания.

Многие биологические причины вымирания закрепляются в генофонде и передаются по наследству, так что в ряде стран доля рождающихся здоровыми детей уже не превышает нескольких процентов. Пока такие проблемы существуют в качестве

региональных, но процессы интеграции неизбежно распространят дефектный генофонд по всей популяции.

Проявления социальной неустойчивости, вызываемые изменением природной среды обитания

Деньги. Как показано выше, деньги утрачивают качества меры, тем самым разрушая ССО. Деньги обесцениваются, но в разных странах по-разному. Это означает, что негативные последствия глобальной инфляции распределяются неравномерно, демонстрируя один из способов углубления социального неравенства. Российская Федерация с ее ежегодной инфляцией на уровне 6 — 8% демонстрирует, что ее место в системе международных отношений среди тех, кто является донором.

Культура. Во все времена общество формировало идеал поведения человека, соблюдающего баланс интересов личности и общества, используя инструменты культуры, частично — религии [3]. Коммерциализация культуры меняет ее ориентиры. Воспитание умения встраиваться в систему ОТ и соблюдать правила социального сосуществования, являющиеся важнейшей составной частью «человеческого капитала», более не является приоритетом культуры. Снижение эффективности культурного воспитания в конце концов сводятся к необходимости наращивания полицейских систем противодействия «антикультурному» поведению населения. Значительные ресурсы выводятся из системы созидательного ОТ, снижая его эффективность.

Государство. Наличие в бюджете доходов, не обеспеченных трудом, например, отчислений от природной ренты, печатание бумажных и эмиссия электронных денег или длительные заимствования снижают потенциал усилий государства по эффективной организации ОТ. Потребность государства в налогоплательщиках уменьшается, связь с населением утрачивается. Минимизация значимости моральных и материальных стимулов в организации ОТ со стороны государства неизбежно проявляется в бюрократизации и коррупции. Современное государство перестает быть эффективным экономическим, политическим и идеологическим менеджером. Так же, как и в случае с инфляцией, отрицательные последствия неэффективности хозяйствования распределяются между странами неравномерно, формируя дополнительный источник роста социального неравенства.

Добавим, что режим истощительного природопользования предполагает неизбежность в будущем тотального перевода технологий на иные сырьевые источники взамен израсходованных, что

приведет к увеличению затрат ОТ. На данный момент эта проблема не слишком актуальна, хотя для будущих поколений неизбежно станет приоритетной. Это наше «послание» потомкам.

Пространство выбора стратегий защиты социальной устойчивости и биологической жизнеспособности

Первоисточником перечисленных и не упомянутых биологических и социальных угроз является действующий режим природопользования, в соответствии с которым популяция человека существует на планете «не по средствам». Были предприняты попытки защиты от неблагоприятных последствий истощительного природопользования путем создания экологии. Однако они оказались неэффективными. Одна из причин заключается в том, что экология изначально была позиционирована как техническая дисциплина, в то время как режим природопользования задан социальными и экономическими факторами. Кроме того, в действующем мироустройстве экология оказалась на содержании у государства, а потому отстаивает в первую очередь его интересы, которые не всегда идентичны интересам населения.

Если не будут предприняты действенные меры по устранению истощительного режима природопользования, у популяции человека нет будущего. Есть три варианта защитных мер. Сокращение потребления и (или) сокращение численности популяции мы не рассматриваем, поскольку для их реализации в современном мироустройстве нет соответствующих механизмов. Основным вариантом остается модернизация промышленного производства, при которой повышения потребительского качества товаров и услуг добиваются при условии сокращения расхода РП. Очевидно, что реформирование современной ССО требует очень точной регулировки, высокой управляемости, ясности целей и задач и, главное, наличия координационного центра. Пока эти процессы реализуются самопроизвольно, перспективы популяции туманны. Но они идут, и их совокупность получила название «глобализация».

Глобализация

Чаще всего глобализация ассоциируется с тенденциями интеграции, что свидетельствует об удручающем непонимании ситуации. Интеграция есть важная составная часть современного социального движения, но это лишь форма. Содержание глобализации в том, что это период очередной смены социально-экономической формации в последовательности: феодализм → капитализм → «глобализм».

Глобализация есть преобразование капитализма в социально-экономическое устройство будущего глобального общества, включающее:

- трансформацию режима изъятия ресурсов из природы в соответствии с концепцией «равновесное природопользование как основа бесконечного существования популяции»;
- реконструкцию системы общественного самоуправления в соответствии с концепцией «глобальная администрация»;
- формирование нового морально-этического и юридического статуса личности в соответствии с концепцией «гражданин мира».

Эта «триада глобализации» [4] показывает направление и желаемые пределы перестройки ССО. Рассмотрим некоторые особенности такой перестройки.

Сокращение изъятий ресурсов из природы. Защита от угрозы истощительного природопользования расположена в сфере создания механизма, при котором экономия РП институционально более выгодна, чем экономия ОТ. То есть соотношение $ОТ_{\$/РП_{\$/}$ ранее определенное равным $\approx 2,5$, необходимо уменьшать. Такое возможно путем роста $РП_{\$/}$, но только за счет уменьшения $ОТ_{\$/}$. Все остальные варианты — это просто печатание денег. Они представляются бессмысленными, но при условии, что все население планеты существует в единой финансово-социальной системе. Если этого нет (а этого нет!), то смысл сверхнормативного печатания денег, или его эквивалента — роста государственного долга, заключается в переносе негативных последствий возникающей инфляции из экономики, которая является ее источником в экономике, которые не могут от этого защититься. «Накачивание» валового продукта в одних странах сопровождается его изъятием и обострением протестных проявлений в других. Проблемы, являющиеся их источником, накапливаются, формируя потенциал глобальной социальной неустойчивости. Это еще одна из движущих сил глобализации.

Повышение расхода общественного труда. Сокращение расхода РП при условии сохранения уровня потребления возможно только за счет роста ОТ. Однако рассчитывать на то, что все захотят работать «на час дольше», нет оснований. Но этого и не требуется. Необходима модернизация экономики путем создания энерго- и ресурсосберегающих, безотходных технологий, интенсивного земледелия. Такие технологии можно определить как «информационноемкие». При этом эксплуатация технологической информации есть способ вклада труда предыдущих поколений в обслуживание действующего производства. Работа обслуживающего

персонала все более сводится к «нажиманию кнопок», что в действительности требует повышенной квалификации и образованности общества. Модернизация требует также совершенствования системы материального и морального стимулирования труда. Так, чтобы эффективность морального стимулирования опережала рост материального и была основана на воспитании новой культуры труда как условия бесконечного существования человеческой популяции.

Рост производительности ОТ в денежном исчислении более не является необходимым и достаточным признаком прогресса. Приоритетными становятся специальности технологов. Складывается ощущение, что появление советской экономической системы, которая была «цивилизацией технологов», оказалось преждевременным. Что во многом предопределило ее судьбу. Но теперь необходимо вспомнить советский опыт организации ОТ, очищая его от ненужных наслоений и критически переоценивая с позиций сегодняшних условий.

Альтернативная экономика. Итак, глобализация как методология повышения биологической и социальной устойчивости предполагает необходимость:

- удорожания сырья, увеличения финансового обеспечения сырьевых отраслей (при условии, что объем природной ренты надо минимизировать);
- увеличения расхода ОТ и его квалификации (при условии, что денег на оплату труда надо расходовать меньше).

Наличие этих противоречивых условий свидетельствует о том, что стратегия не может быть тривиальной. Однако анализ действующей ССО позволяет выявить ее особенность, которая может быть использована для решения этой проблемы на переходный период. Такое решение расположено в реконструкции налоговой системы в соответствии с Концепцией [5]: *«Одновременное и взаимосогласованное повышение цен на ресурсы природы и снижение ставок налогообложения в процессе наполнения государственного бюджета».*

Возникающую в результате применения этой Концепции методологию организации ОТ, мы назвали «альтернативная экономика» (АЭ). Для ее практического использования потребуются решение ряда проблем организационного и методологического характера. Например:

- создания исчерпывающей классификации запасов РП, методик точного количественного учета их наличия и изъятий;

- наличия методологии ценообразования, основанной на оценке системы природопользования в категориях «равновесное — истощительное»;
- создания собственника для ныне «ничейных» атмосферы и околоземного космического пространства, Мирового океана и его дна вне территориальных пределов суверенных государств;
- наличия координационного центра с правами «собственника» планеты.

Варианты решения перечисленных проблем рассмотрены нами ранее [6]. Однако к использованию АЭ любое государство может перейти уже сегодня, и этот процесс удобно реализовать постепенно и поэтапно. Постепенно — значит, начиная с малых степеней замены налогов на плату за РП; поэтапно — значит, используя АЭ на ограниченных территориях в соответствии с концепцией свободных экономических зон.

Такой подход означает создание институциональной системы модернизации экономики и формирование тенденций:

- повышения конкурентоспособности энерго- и ресурсосберегающих, безотходных технологий, интенсивного земледелия;
- уменьшения зависимости гражданина от государства в режиме налогообложения, что автоматически сказывается на содержании «прав человека» и их движении к статусу гражданина мира;
- легализации принципа предпринимательской деятельности государства путем выбора наиболее прибыльного режима использования ресурсов — в связи с этим — уменьшения потенциала взяточничества и бюрократизации. И т. д.

Эти тенденции в полной мере соответствуют выявленным ранее направлениям глобализации, и в этом смысле АЭ можно рассматривать как модель переходного периода в процессе глобализации. Государство, которое первым перейдет к ее использованию, получит преимущество в гонке за лидерство в будущем глобальном обществе. Примерно такое, какое получила Великобритания, одной из первых перейдя к использованию канонов капитализма.

Послесловие. Современный мир неустойчив, непредсказуем и опасен. «Измениться или погибнуть» — таков лейтмотив выступления на «Давосе — 2010» по проблемам глобального кризиса 2008 г. тогдашнего Президента Франции Н. Саркози. Есть все основания расценивать «кризис 2008» как старт активной фазы глобализации, и с

этих позиций мнение экспертов Давоса — 2013 свидетельствует о том, что положительных изменений с тех пор нет.

Рекомендации. Пытаясь строить капитализм по лекалам XVIII—XX вв. и в тот момент, когда он начал утрачивать свои преимущества, миновав стадии свободного и монополистического рынка, Россия угодила в цивилизационную ловушку. Попытки модернизации российской экономики соответствуют общим тенденциям прогресса цивилизации. Но выбранная модель, основанная на перераспределении «газо-нефтяных» бюджетных ресурсов, очевидно, либо уже не работает, либо имеет жесткие временные ограничения эффективности. В этой ситуации у России туманное будущее. И когда закончатся нефть и газ, население уже не сможет себя прокормить в мире, который уйдет далеко вперед. Поэтому в качестве национальной идеи правомерен предлагаемый лозунг: «Россия — навсегда!».

Эта идея предполагает необходимость модернизации экономики, при которой реализована отрицательная обратная связь между уровнем расхода ресурсов и прибыльностью бизнеса. Именно такой результат обеспечивает альтернативная экономика. Национальная идея предполагает воссоздание государственной идеологии как способа единения населения и государства в тот момент, когда такое единство особенно необходимо. Ведь переходный период — это время, когда управление со стороны государства должно быть более жестким, чем в периоды стабильности. В том числе — на основе не только принципов демократии. Идет борьба за лидерство в будущем глобальном обществе, и победа в ней возможна только на позициях суверенного эгоизма. Прежде чем объединяться в единую человеческую популяцию, необходимо четко определить свои позиции. У России есть свои преимущества: обширное пространство для жизнедеятельности, повышенная социальная мобильность, обусловленная болезненными итогами перестройки, не утраченное ощущение глобального социального лидерства, наличие полного информационного обеспечения концепции модернизации в форме альтернативной экономики.

Литература

1. <http://podrobnosti.ua/economy/2013/01/08/880564.html>.
2. Бараненкова Т.А. Человеческий капитал — важный источник экономического развития России // Материалы VII международной Кондратьевской конференции «Контурь экономики будущего» (Москва, 22 — 23 ноября 2010 г.). М., 2010.

3. Ковалев С.Г., Сабинин В.Е., Кизилова А.В. Глобализация и культура // Материалы VIII международной научной конференции «Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия» (Нижевартовск, 4 марта 2011 г.). Нижевартовск, 2011.

4. Ковалев С.Г., Сабинин В.Е. Глобализация как форма оптимизации мироустройства // Тезисы VII международной Кондратьевской конференции «Контуры экономики будущего» (Москва, 22 — 23 ноября 2010 г.). М., 2010.

5. Сабинин В.Е., Трофимов В.В., Трофимова Л.А. Региональные аспекты управления природопользованием // Ученые записки экономического факультета Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. 1997. Вып. 4.

6. Ковалев С.Г., Сабинин В.Е. Рынок ресурсов природы // Сборник докладов конференции «Глобализация экономики и энергетическая безопасность» (СПб., 11 — 12 окт. 2007 г.). СПб., 2007.

Н.А. ШАПИРО

Проблема ценности теории по С. Булгакову и политическая экономия сегодня

Аннотация. В статье рассматривается проблема реактуализации политической экономии, показываются ценностные смыслы политической экономии в ее известных исторических версиях, дается критическая оценка некоторым конкретным намерениям восстановления политической экономии марксизма в современных условиях. В основу критики положены ряд методологических положений о ценности теории, высказанных С. Булгаковым в связи с кризисом политической экономии в начале прошлого века.

Ключевые слова: ценности теории, политическая экономия, социально-классовая структура, логическое конструирование, неоклассика.

Abstract. The problem of update political economy values are shown in the meanings of the political economy of its famous historical versions, provides a critical assessment of some of the specific intentions of the restoration of the political economy of Marxism in contemporary conditions. The basis of the criticism on a number of methodological aspects of the value of the theory expressed by S.Bulgakov in connection with the crisis of political economy at the beginning of the last century.

Keywords: value theory, political economy, social-class structure, logical design, neoclassic.

Современный глобальный финансовый кризис, его продолжительность и крайне низкая степень преодоления отрицательных последствий отчетливо обнаружили ограниченность и фаллибельность экономических теорий во всех вариантах, течениях и направлениях, которые были известны ныне здравствующим экономистам.

В поисках соответствующих решений и объяснений, достигших современное общество экономических проблем, часть отечественных экономистов-теоретиков в очередной раз пытается реактуализировать политическую экономию марксизма. За два последних года проведено немало научных мероприятий, собрано значительное число сторонников политической экономии (иногда к сторонникам политэкономии относят тех, кто критичен к неоклассике, хотя здесь нельзя ставить знак тождества, противники неоклассики могут предпочитать другие формы знаний, теорий, философий и пр., но обязательно политэкономии), редколлегии некоторых журналов открыли новые рубрики, посвященные проблемам самоопределения современной политической экономии.

Нет ничего необычного в том, что подходы к объяснению новых реалий исследователи стремятся найти на базе ранее распространенных теорий, посредством их реактуализации.

Знание традиций прошлого, как отмечал Дж.М. Кейнс, позволяет понять наиболее верный и успешный выбор предшествующих поколений [1, 348]. И если этот выбор был успешен в одном случае, то почему бы не испытать его для другого?!

И. Лакатос отмечал, что ни логическое доказательство противоречивости, ни вердикт ученых об экспериментально обнаруженной аномалии не могут одним ударом уничтожить исследовательскую программу, и никакие преимущества одной из сторон нельзя рассматривать как абсолютно решающие. Не существует никакой гарантии триумфа той или иной программы. Не существует также и никакой гарантии ее крушения [2, 222, 236].

Кроме сказанного, к аргументам по реактуализации можно, в частности, добавить то, что К. Маркс, по его собственным определениям, являлся критиком политэкономии, а не ее теоретиком. Этот факт особенно трудно оспаривать, поскольку основные работы Маркса уже в названии содержат слово «критика». «К критике политической экономии», «Капитал. Критика политической экономии», «Критика Готской программы» (подробнее сюжет о

доминировании критики можно посмотреть в работах, посвященных анализу исторических условий создания «Капитала» К. Маркса [3]). Задача по выявлению экономико-теоретической составляющей и разработке целостной теории на базе критических текстов К. Маркса, бесспорно, является научной.

Но все это формальные аргументы в пользу реактуализации политэкономии и марксизма в частности.

Значительно важнее содержательные аргументы, способные убедить конкурирующих собратьев-экономистов в том, что именно политическая экономия — наиболее релевантная теория для поиска ответов на вопросы, поставленные современным глобальным кризисом. Факт участвовавших публикаций работ К. Маркса на Западе можно считать недостаточным для признания научной продуктивности политэкономии и восстановления ее образовательного статуса. Интерес к истории не ведет автоматически к адекватному пониманию реальности, он может замкнуться сам на себе (интересно знать, что же считалось успешным выбором предшествующих поколений, да и только) или привести в интеллектуальный тупик.

Для разрешения задачи отнесения тех или иных теоретических построений к политэкономическому контенту воспользуемся методологическими подходами, отражающими ценности экономической теории. Обратимся в этой связи к работе С. Булгакова «Философия хозяйства» [4]. Внимание именно к этой работе актуально и правомерно потому, что она была написана как реакция на кризис политической экономии на рубеже XIX—XX вв. И, кроме того, состояние теоретического плюрализма, характерное для современного постмодерна в науке, ставит вопросы ценности теории в разряд важнейших критериев, позволяющих определенным образом различать и упорядочивать современное многообразие теорий [5].

С. Булгаков отмечал, что ценностями экономической теории являются практическая полезность и логическая значимость [4, 282—286]. Практическая полезность состоит не в том, что теория дает рецепты по совершению конкретных действий в данный момент времени, а в том, что она формирует картину происходящего, позволяющую эти конкретные действия понять. Эта картина может быть весьма отвлеченна и конструктивна, но в то же время не отрывается от опыта и давать некую формулу для неопределенно обширного количества фактов.

В чем же состояла эта формула для политической экономии? Обратимся к истокам, к А. Смиту, чтобы увидеть преемственность в возможных вариантах современной политической экономии.

В завершении своей первой книги А. Смит излагает важнейшие классово-институциональные рамки проблемного поля политической экономики, трактуемой им как наука об общественном богатстве. Он говорит о классовой структуре общества, объективности интересов этих классов и о том, как эти интересы осознаются (субъективно) основными классами, сочетаются с общественным интересом, связанным с преумножением богатства [6, 245—248]. Представим рассуждения А. Смита в табл. 1.

Таблица 1

Классы и их интересы по работе А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов»

Классы народа	Объективные интересы класса	Субъективное восприятие интересов классом	Источник дохода	Отношение к государству/конфликт интересов
1. Те, кто живет на ренту	Тесно и неразрывно связаны с общими интересами общества	Не достает понимания связи собственных интересов с интересами общества	Доход не стоит им труда и усилий, а приходит к ним как бы самою и независимо от каких бы то ни было их собственных прожектов и планов	Ум их несведущ и неспособен к той умственной работе, которая необходима для того, чтобы предвидеть и понять возможные последствия той или иной меры регулирования
2. Те, кто живет на зарплату	Тесно связаны с интересами общества	Не способны ни уразуметь собственные интересы, ни понять их связь со своими собственниками (предпринимателями)	Зарботная плата зависит от спроса на труд, прямо пропорциональна о изменяется с изменением действительного богатства общества	Условия жизни не оставляют времени для того, чтобы приобретать необходимые сведения, образование и привычки таковы, что делают его неспособным к правильному суждению

Продолжение табл. 1

3. Те, кто живет на прибыль	В некотором отношении интересы предпринимателей расходятся с интересами общества до противоположности	Их помыслы поглощены подчинению общественного интереса соображениям собственной выгоды; заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его	Прибыль, которую приносит оборот капитала, который приводит в движение большую часть полезного труда всякого общества. Норма прибыли не повышается подобно ренте и заработной плате вместе с процветанием общества и не понижается вместе с его упадком. Она движется в противоположном направлении	Поддерживают рабочих в случае совпадения интересов, влияют на великодушные землевладельцев, заставляя их жертвовать собственными интересами
-----------------------------	---	---	---	---

Выделив, таким образом, определения интересов существующих классов по Смигу, можно сказать, что это и есть теоретически представленная картина происходящего в том историческом периоде с точки зрения практической пользы. В понимании самого А. Смита легко прослеживаются физиократические наслоения. В общей характеристике картины очевидны дальнейшие варианты логико-теоретических построений, приведших к различным направлениям политэкономии.

Суть этих построений сводилась к тому, что исследователями того времени давались различные трактовки взаимодействия интересов трех общественных классов и причин, данное взаимодействие обуславливающих. Взаимодействие трактовалось как противоречивое, как гармоничное, как нормативно не приемлемое.

Противоречивое взаимодействие основных классов Т. Мальтус, Д. Рикардо, Дж.С. Милль объясняли факторами естественно-природного свойства — высоким уровнем рождаемости, убывающим плодородием почвы и др.

В концепции трех факторов Ж.-Б. Сэя отстаивалась непротиворечивая взаимозависимость классовых интересов, в основу которой была положена идея равнозначности факторов производства

— труда, земли и капитала. Концепции гармоний настаивали на правильной политике государства, которая должна была эту гармонию поддерживать, а не разрушать. О важности свободной торговли для гармонизации интересов писал Ф. Бастиа, а Г.Ч. Кэри считал, что для этого же самого нужна политика протекционизма. Дж.С. Милль полагал, что для сдерживания развития классовых противоречий государству следует реформировать отношения распределения. Данные концепции составили направления буржуазной политэкономии.

Как нормативно не приемлемое, противоречие трех классов было представлено, во-первых, в концепциях мелкобуржуазной критики Ж.Ш-Л.С. де Сисмонди и П.Ж. Прудона, которые полагали, что противоречия в обществе имеют не естественную, а социальную природу, связанную с чрезмерным ростом капитала и прибыли крупных предпринимателей. Для устранения противоречий государству необходимо ограничить этот рост, обеспечив, таким образом, баланс классовых интересов. Это — мелкобуржуазная политэкономия.

Во-вторых, концепцию критики классовых противоречий как социальных представлял К. Маркс, который исходил из того, что никакой гармонии между тремя классами нельзя достичь мерами государственной политики в рамках существующего строя. Интересы классов находятся в непримиримом противоречии, в силу того, что и капиталисты/предприниматели и земельные собственники живут за счет труда наемных рабочих, т. е. их эксплуатации. Социальная основа такого общества порочна. Для разрешения противоречий следует уничтожить сами классы капиталистов и земельных собственников, установить власть диктатуры пролетариата. Это была пролетарская политэкономия.

Таким образом, можно утверждать, что политической экономией является такая экономическая теория, которая рассматривает экономические проблемы развития нации через призму интересов основных социальных групп или классов, т. е. базовым, обобщающим конструктом является социально-классовая картина мира.

Для подтверждения актуальности политэкономии можно пойти одним из двух путей: 1) объяснить через взаимодействие трех классов (земельных собственников, капиталистов, наемных рабочих) проблемы экономического развития современного мира или 2) предложить иную структуру классовой стратификации, определить интересы этих новых классов, их взаимодействие по достижению прогресса общественного экономического развития. И тогда можно согласиться с тем, что эта экономическая наука является *политической*

экономией в ее современном варианте. В противном случае, какими бы научно продуктивными не были предложенные отдельные конструкты/категории, но вне социально-классовой институционализации нет оснований считать, что это теория является политической экономией.

В свое время Т. Веблен, не отвергавший идей экономического детерминизма, считал, что в условиях роста промышленного производства (конец XIX — начало XX в.) появился новый класс специалистов, который развивает социальные институты и нормы социальной жизни, влекущие за собой прогрессивные изменения, а, в конечном счете, и смену общественного устройства. Однако в новую политэкономии данный посыл не вылился. Й. Шумпетер, предлагавший концепцию эволюции капитализма, его самоуничтожения в связи с наступлением большого или индустриального бизнеса, рационализирующего и ставящего на научную основу инновационный процесс, также не пришел к новой картине классовой институционализации и новой политэкономии.

Отдельно взятых категорий, не привязанных к классовым взаимоотношениям и интересам, не достаточно для содержательного развития политической экономии. В каждой из вышеуказанных версий политэкономии была своя содержательная логика трактовки основных экономических категорий: доходов, факторов производства, цены, капитала пр. Точнее содержательная логика в трактовке основных категорий отличается потому, что они вписываются в разные понимания классовой картины мира.

Если в версиях политэкономии категории отражают разный характер и способ взаимодействия классового мира, то в «неполитэкономических» теориях имеют место принципиально различные с политической экономией обобщающие картины, соответственно рождаются принципиально иные трактовки фактов действительности.

Например, утверждение Д.Ю. Миропольского о том, что «нормальное развитие науки предполагает критическое преодоление существующих теорий и, тем самым, превращение их в подчиненные моменты более сложной синтетической теории» [7, 34], — не содержит в себе никаких конструктивных политэкономических императивов¹. Кроме того, оно является неточным в отношении

¹ Упомянутая работа удивительным образом соединила в себе наиболее распространенные трактовки методологического потенциала политической экономии марксизма и проблемы, которые могли бы быть решены с ее помощью.

развития науки в целом, поскольку это лишь один из путей ее развития, существующий наряду с дифференциацией, в частности, для современного этапа развития характерен рост теоретического «разделения труда», а не только синтезирование/интегрирование подходов.

Логическая значимость как вторая составляющая ценностей экономической теории, о которых говорил С. Булгаков, взятая вне общих рамок теоретической картины действительности, практически теряет смысл, поскольку такое логическое конструирование не имеет границ.

Например, рассмотрим популярную проблему синтеза марксистской теории стоимости и маржиналистской концепции ценностей, решение которой якобы послужит современному развитию политэкономии. Безусловно, никто и ничто не заглушит индивидуальной мотивации к интеллектуальному конструированию. Можно до бесконечности предлагать разные варианты концепций стоимости и варианты их совмещения, но они будут представлять собой, по выражению С. Булгакова, «умные ненужности» или «логические игрушки», «...имеющие печальное назначение — красоваться в научном музее для любителей, как махровые цветы, взращенные в логической оранжерее» [4, 282]. Подобно булгаковским «логическим игрушкам», В. Леонтьевым, а позднее П. Кругманом было оценено избыточное экономико-математическое теоретизирование в неоклассике, которое само по себе мало что дало для понимания реальной экономики.

Две концепции стоимости/ценности логически вписаны в разные институционально-социальные рамки.

В марксизме теория стоимости логически есть предтеча теории прибавочной стоимости, а последняя нужна для объяснения эксплуатации и неизбежности пролетарской революции. Стоимость есть свойство товара, которое проявляется только в товарном обмене. Для измерения стоимости важно общественно-необходимое рабочее время, которое формируется отраслевой конкуренцией и тяготеет к среднему по отрасли. Кроме того, содержательная логика марксизма в цепочке взаимосвязи стоимости и общественно-необходимого рабочего времени оперирует еще понятием абстрактного труда, понимание которого также связано с товарно-денежными отношениями и не является универсальным, внеисторическим понятием [7, 34]. Получается, что современные сторонники марксистской политэкономии неким неомарксистским синтезом хотят преодолеть в ней то, что сам Маркс считал достоинством — создание пролетарской политэкономии.

В маржинализме же рассматриваются не интересы классов, а мотивация хозяйственных субъектов: продавцов и покупателей, которые выведены за рамки социально-классовой институционализации. Вопрос о том, кто эти продавцы или покупатели: капиталисты, наемные рабочие или земельные собственники — для маржиналистов не имеет значения. Важно, каким образом соотносится их индивидуальный выбор в оценке полезности блага, который и определяют цену. Неоклассика — это теория цены, а марксизм — это теория о производственных отношениях и законах, определяющих движение общества. Для чего надо строить системную теоретическую аргументацию для их совмещения? Маржинализм и политэкономия марксизма ищут ответы на разные вопросы в жизни.

Если исследователям хочется представить стоимость всеобщей категорией, присущей разным обществам и принимающей разные формы, то не следует идентифицировать такую теорию как марксистскую. В таком случае корректнее двигаться в собственном направлении, по созданию некоей иной, чем политическая экономия марксизма, теории, которая нужна для объяснения пока не ясно чего: либо двух процесса одновременно — ценообразования на микроуровне или взаимодействия интересов господствующих классов, или еще чего-нибудь?!

Трудно согласиться с тем, что проблема преодоления обеих теорий и создания синтетической теории стоимости как более универсальной и системной является актуальной и естественной [7, 34]. Во-первых, такие попытки в истории науки уже предпринимались русскими экономистами, в частности В.К. Дмитриевым (1868—1913), но также известны и оценки других подобных опытов. Как отмечал В. Леонтьев, теория ценности ничем не обязана марксистскому варианту классической трудовой теории стоимости и ничего не выигрывает от каких-либо попыток примирения или посредничества между двумя подходами [9, 100]. Создание более универсальной и системной теории в нынешних условиях развития науки и распадающейся глобальной экономики ассоциируется с желанием найти одно лекарство от всех болезней. «...Единство мыслей достигается жизненным единением» [4, 327], т. е. жизненное единение обеспечивает единство мысли, но жизненного единения не достичь однообразием мышления.

И еще одно критическое замечание по поводу метода. «Мы исходим из того, что такая работа будет осуществлена на базе марксистской методологии, как методологии на порядок более сильной и развитой, чем маржиналистская. Идеологическое

доминирование маржинализма сегодня ничего не значит и является временным» [7, 34], — пишет упомянутый сторонник политической экономии. Панегирик в адрес марксистской методологии не делает его авторов политэкономами. Если метод можно применять к решению широкого класса задач, то он универсален и не отражает специфики марксизма, если он специфичен, то к решению задач другого класса он не применим, и в другой системе ценностей работать не может.

С точки зрения С. Булгакова, причиной кризисного состояния политической экономии на рубеже XIX—XX вв. было отсутствие в ней критического прагматизма, что не делало метод теории значимым для поиска ответов на реально возникающие проблемы. Если дело идет не о совокупности, «...а об индивидуальном явлении, ...затруднения [политэкономии] удваиваются и становятся так велики, что в известных случаях делают прямо невозможным какое бы то ни было научное суждение», приходится пользоваться практически разумом или здравым смыслом [4, 285, 286].

В отличие от политэкономии неоклассика, при всех ее предельно абстрактных издержках, всегда могла помочь ориентироваться в вопросах практического характера конкретному бизнесмену — разорится или обогатится его предприятие, выиграет или потеряет отрасль данного производства *при прочих равных условиях*. («Прочие равные условия» стали тем фаллибильным положением теории, когда такие условия перестали воспроизводиться, а следовательно, теория не смогла отреагировать на проблемы адаптации рыночных институтов к разнообразным реальным условиям места и времени, что, по сути, лишило неоклассику статуса мейнстрима.)

Что касается *идеологического* доминирования маржинализма, то его нет со времен Дж. Кейнса, но неоклассика, сформировавшаяся на основе метода маржинализма, сегодня для экономической науки значит довольно много. «Неоклассическая теория является общим языком современной экономической науки, объединяющим многообразие ее теорий и общий мир...» [10, 767], т. е. неоклассика образует профессиональную риторику современных экономистов. Даже теории, критически позиционирующие свой статус по отношению к неоклассике (институциональная экономика), используют ее понятия для определения своих понятий.

Таким образом, успехи сторонников политэкономии будут, безусловно, зафиксированы конкурирующей стороной и сделаны достоянием общественности, если они смогут внятно объяснить ценности политэкономии, практической полезности, представив общую картину современного мира через взаимодействие интересов основных классов общества, которые обеспечивают экономическое

развитие, и логической значимости теоретических конструктов, эту картину наполняющих.

Литература

1. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1999.
2. *Лакатос И.* История науки и ее рациональная реконструкция // Структура и развитие науки. М., 1975.
3. Первоначальный вариант «Капитала» (Экономические рукописи К. Марка 1857—1859 годов). М., 1987.
4. *Булгаков С.* Философия хозяйства. М., 2008.
5. *Shapiro N.S. Bulgakov* about the Theory of Value of Economic Theories / ESHET Conference St. Petersburg, May 17—19 2012, Institutions and Values in Economic Thought / Book of Abstracts. ESHET—2012.
6. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 1. М., 1997.
7. *Миропольский Д.Ю.* Гипотеза двойственности трудовой стоимости в контексте неомарксистского синтеза // Проблемы современной экономики. 2012. № 4 (44).
8. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М., 1969.
9. *Леонтьев В.* Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990.
10. *Цветаев В.М.* Послесловие русского редактора // Мэнкью Н.Г. Принципы экономикс. СПб., 1999.

М.В. ВЪЛЕВА, Ю.А. ПЛАТОНОВА

Социальная ответственность и хозяйственная деятельность: софийное хозяйство С.Н. Булгакова и современная концепция устойчивого развития

Аннотация. В статье сравнивается современная концепция устойчивого развития, социальной ответственности бизнеса и теория софийного хозяйства, предложенная С.Н. Булгаковым. В результате сравнения делается вывод о том, что рассмотренные концепции хозяйственного отношения к миру имеют между собой много общего. Так, в рамках данных концепций рассматривается субъект

экономической деятельности, осознающий свою ответственность за результаты хозяйственной деятельности, устремленный к обретению гармонии с природой, ориентирующийся на достижение благоденствия в долгосрочной перспективе. Однако имеются и различия, ключевым из которых является признание или непризнание Бога как Участника хозяйственного процесса. Последнее и определяет несовместимость анализируемых концепций, объяснение чему и представлено авторами публикации.

Ключевые слова: философия хозяйства, софийность хозяйственной деятельности, теология хозяйства, социальная ответственность бизнеса, концепция устойчивого развития.

Abstract. The modern concept of sustainable development, corporate social responsibility and the Bulgakov's theory of sophiological economy are compared in the article. The considered concepts are concluded to be similar in some perspectives, both of them concern the actors which accept the responsibility for the results of their economical activities, which aim at the harmony with the nature and obtaining welfare for the long-term. However, there are distinctions between the concepts, the main of which is recognition/non-recognition of God as the Actor of human economical activity. The latter defines incompatibility of the considered concept of sustainable development, corporate social responsibility and the Bulgakov's theory of sophiological economy that is clarified in the article.

Keywords: philosophy of economy, sophiology of economical activity, economic theology, corporate social responsibility, sustainable development.

Угроза экологического и экономического кризиса в условиях истощения природных ресурсов и роста населения планеты, кризисогенность современной экономической системы, основанной на принципах свободы рынка и наращивания спроса, приводят к популяризации концепции мира как общего дома жителей планеты, экономики как системы, способствующей сохранению и справедливому распределению благ, предприятия как гражданина, ответственного перед обществом не только за качество предлагаемого продукта, но и за следование принципам социальной справедливости в процессе производства продукта, оказания услуги. Однако эта концепция ответственного хозяйствования, являясь новой для экономической науки, не является таковой для философии. В данной работе сравним социальный и нравственный аспекты хозяйственной активности, определяемые в религиозной философии Сергия Булгакова и в современной концепции устойчивого экономического развития.

В настоящее время в экономической науке все большее распространение получает концепция долгосрочного устойчивого развития и социальной ответственности бизнеса, в зарубежной практике именуемая *sustainability and corporate social responsibility (CSR)*. Идея устойчивого развития предприятия связана с ориентацией субъекта экономической деятельности на достижение стабильности функционирования в долгосрочной перспективе. «Устойчивое развитие — это развитие, при котором удовлетворение потребностей людей в настоящем времени не лишает представителей будущих поколений возможностей удовлетворения своих собственных потребностей» [1, 43], — одно из наиболее употребимых определений используемого нами понятия.

Стоит отметить, что понятие CSR — в российской практике часто КСО (корпоративная социальная ответственность) — используется для характеристики социального аспекта экономической деятельности на мезоуровне, т. е. на уровне организаций как субъектов экономической деятельности (в отличие от макро- и микроуровней: общества в целом и отдельных индивидов соответственно). При этом компания, согласно концепции социальной ответственности, должна в своей практике ориентироваться на так называемых стейкхолдеров (в российском переводе «заинтересованных лиц») — всех тех, на кого оказывает влияние ее деятельность, «без поддержки и одобрения которых компания прекращает свое существование» [2, 86]. Отметим, что заинтересованными лицами являются не только владельцы предприятия, его работники и клиенты, но также органы власти, инвесторы, негосударственные организации и даже простые граждане, испытывающие на себе влияние компании. Предприятие в данных условиях оказывается ответственным перед заинтересованными группами не только за качество выпускаемого продукта, но также за соблюдение прав представителей этих групп, за эффективность использования ресурсов при заботе о сохранении последних для будущих поколений и даже за благосостояние членов заинтересованных групп. Очевидно, что чем большим объемом ответственности характеризуется деятельность организации, тем большему регулированию и контролю со стороны заинтересованных групп она подвержена.

CSR-концепция сопряжена с обоснованием и применением нормативного подхода к оценке и регулированию экономической активности хозяйствующих субъектов. Так, в последние 10—15 лет происходит активное формирование институциональной среды, в рамках которой предприятие оказывается вынужденным быть

социально ответственным. Заметно увеличение числа различного рода государственных программ, стандартов социальной ответственности, задающих рамки деятельности предприятий в области экологического менеджмента, соблюдения прав человека, трудового законодательства и т. д. [3] И этому есть свое объяснение. В современном политеистическом и атеистическом мире стремление к достижению уверенности в социальной безопасности и стабильности является ключевым обоснованием применения принципов нормативного регулирования экономической деятельности хозяйствующих субъектов. Ощущение опасности возникновения экологического, экономического, социального кризиса в условиях глобализации приводит к постепенному отказу от либеральных идей свободы рынка в пользу нормативного регулирования экономической деятельности. Другими словами, все более заметным становится господство принципов утилитаризма и консеквентализма на мезо-уровне, на уровне организации. На микроуровне, уровне индивида, напротив, прослеживается сохранение влияния либертарианских идей свободы и равенства.

Таким образом, концепция устойчивого развития и социальной ответственности бизнеса претендует на то, чтобы получить свое широкое распространение в условиях глобализации экономического пространства, укрепления принципов утилитаризма и консеквентализма, популяризации нормативного способа регулирования экономической активности. Все это находит свое воплощение на макроуровне, уровне политических решений, в государственных программах развития, стандартах и рекомендациях. Однако именно предприятия (в том числе корпорации, негосударственные учреждения, общественные объединения) понимаются как ключевые субъекты хозяйственной деятельности, несущие ответственность за социальную, экологическую и экономическую составляющие мирового процесса хозяйствования.

По нашему мнению, концепция устойчивого развития и социальной ответственности бизнеса тесно сопрягается с понятием хозяйствования как процесса управления ресурсами с позиции хозяина, собственника, возлагающего на себя ответственность за результаты хозяйственной деятельности. Обратимся к идеям С.Н. Булгакова, предложившего свое понимание хозяйствования также в исторический период трансформации понимания ответственности человека за результаты своей хозяйственной активности.

Отметим, что основой философии хозяйства мыслителя является христианское, в частности, православное понимание роли человека в процессе своей экономической активности. Ключевой

характеристикой хозяйствования, по Булгакову, является его софийность, его обоснованность «реальной причастностью человека к Божественной Софии, проводящей в мир божественные силы Логоса» [4, 113]. Само же определение хозяйства, предлагаемое С.Н. Булгаковым, ставит вопрос о роли и значении этики и социального фактора в хозяйственной деятельности человека. Человек борется с «враждебными силами природы в целях защиты, утверждения и расширения, в стремлении ими овладеть, приручить их, сделаться их хозяином» [4, 39]. При этом под «защитой, утверждением и расширением» подразумевается «активная реакция житнетворного принципа против смертоносного. Это — работа Софии над восстановлением мироздания, которую ведет она чрез посредство исторического человечества» [4, 125]. Хозяйственная деятельность в таком случае глубоко социальна, поскольку она совершается не одним человеком, но совокупностью людей, объединенных на принципах соборности, и ставит своей целью победу над смертью человечества и всего тварного мира. Другими словами, ключевым субъектом софийного хозяйствования, в первом приближении, является человечество в своей соборности, где ключевое значение имеет творческая хозяйственная активность индивидов, членов общности. «Доступ к программному обеспечению хозяйственной деятельности, которое содержится в Софии мэонической, — дело гениев. Они передают этот высший смысл остальному человечеству, задача которого состоит в том, чтобы провести эти программы в хозяйственную жизнь, приняв тем самым на себя функции Софии» [5, 203; цит. по: 6, 212]. Гением в данном случае назван тот, кто способен в своей творческой хозяйственной активности к соприкосновению с Божественной Софией и трансляции божественных энергий. При этом именно Бог как Творец мира, Хранитель замысла о мире и является конечным Субъектом хозяйствования, волю Которого отражает в своей повседневной деятельности человек.

Булгаков пишет о хозяйственном отношении к миру, понимая под этим осознание человеком необходимости и возможности оживотворения неживого. Такое отношение к миру и к хозяйству возможно только в рамках религиозного мировоззрения, когда в качестве цели человеческой жизни полагается стяжание полноты богообщения, через обожение человека, а в своей совокупности человечества и, возможно обожение природы и всего тварного мира, сам процесс обожения и есть наивысшее проявление хозяйственной активности человека. В рамках нерелигиозного мировоззрения, как представлено выше, хозяйственная, экономическая активность

получает иное обоснование. Так, хозяйственная активность и социально-ответственной компании в рамках современной CSR-концепции должна привести к гармонизации взаимоотношений природы и человека, к такому их взаимодействию, при котором природные ресурсы сохраняются и преумножаются, а человек, имея доступ к ресурсам, удовлетворяет свои физиологические и эстетические потребности. Другими словами, софийное хозяйство ориентировано на достижение взаимопроникновения трансцендентной и имманентной человеку реальности, современная же концепция социальной ответственности бизнеса сосредоточена лишь на действительности «мира сего».

«Признак хозяйства — трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению. Это напряженная активность человеческой жизни, во исполнение Божьего слова: в поте лица твоего снеси хлеб свой, и притом всякий хлеб, т. е. не только материальную пищу, но и духовную: в поте лица, хозяйственным трудом, не только производятся хозяйственные продукты, но создается и вся культура» [4, 43], — читаем у Булгакова. Нет сомнений в том, что труд — необходимый инструмент хозяйственной деятельности. Современные концепции хозяйства также неминуемо предполагают трудовое участие человека в деле создания новой экономической системы управления ресурсами. Однако стоит отметить, что основным аспектом, отличающим труд софийного хозяйства от труда хозяйства «мира сего», является более широкое понимание первым трудовой активности человека. Софийное хозяйство предполагает затраты не только физической и психологической энергии, но также духовной. Труд духовный и является активностью по постижению предвечного божественного замысла о мире. В связи с этим можно сделать вывод, что труд, согласно идеям Булгакова, — это процесс в том числе и творческой активности человека.

Здесь мы подходим к центру интересующей Булгакова проблемы о природе хозяйственного творчества. По мнению ученого, «человек не обладает способностью творить из ничего все, чего захочет. В этом смысле человек вообще не может творить, сам будучи тварью. Если он может творить, то не из ничего, а из созданного уже (или предвечно существующего, по мнению пантеистов) мира... И из совокупности всего этого образуется новый мир культуры, создаваемый в хозяйстве» [4, 111]. Человек является транслятором божественного замысла лишь в том случае, если он смирен перед Богом и в своей духовной практике стремится к познанию божественного и выполнению Божьей воли. В противном же случае его творческий акт, по мнению Булгакова,

превращается в служение сатане. Таким образом сатана посредством человека создает свою реальность в земном пространстве вместо предвечно существующего замысла Творца о мире. «Присвоив таким образом призрачности некоторую реальность, следовательно, снова воруя бытие, он и становится “князем мира сего”, т. е. светотеневого состояния космоса, до тех пор пока не совершится окончательное разделение света и тьмы и теневое существование не будет изобличено в своей призрачности» [4, 114].

Таким образом, согласно мысли Булгакова, творчество, не сопряженное с духовной составляющей труда, небезопасно, поскольку содержит в себе возможность ложной, искаженной интерпретации божественного замысла, несмотря на благовидность намерений человека в творческом акте. Так, современная концепция социальной роли бизнеса, создания устойчивой экономики, основанной на сбалансированном использовании ресурсов и этичности взаимодействия субъектов экономической деятельности, согласно идее Булгакова о творчестве вне Бога, потенциально таит в себе замысел «князя мира сего», несмотря на благовидность и рациональность обоснований необходимости воплощения в жизнь данной концепции.

Анализируя философию хозяйства С.Н. Булгакова, мы приходим к парадоксальному выводу с точки зрения современного понимания роли человека в создании социально-ориентированной экономики: об ограниченной способности и как следствие ограниченной ответственности человека за результат общечеловеческого хозяйствования. «Тварный мир, согласно Булгакову, — это не более, чем “материализованная копия предзаданного в космической Софии” собственного идеального образа. А потому, в своем материальном воплощении он лишен собственной самооценности. Человек послан в этот мир управителем, выполняющим предписанную ему свыше программу. И следовательно, у него нет необходимости проявлять какую-либо особую заботу об охране выделенной ему в хозяйственное управление среды обитания... Модель Булгакова диктует человеку мораль смирения перед космическим фатумом, пассивного принятия божественного промысла в ожидании предопределенного завершения земной истории» [7, 208], — читаем у Л.В. Лескова. «Экономическая этика не получила своего развития в Православии по причине безразличия последнего к миру» [8, 56; 9], — пишет А.Е. Басс. Действительно, живущий духовной жизнью человек воспринимает себя «гражданином небесного царства» («Наше же жителство — на небесах» (Флп. 3:20), — пишет Филиппийцам апостол Павел), он ориентирован в большей степени на стяжание благ духовных,

устройство же мира земного — это то, что вершится само собой под действием Божиего Промысла, посредством человека как реализатора замысла Бога о мире.

Резюмируя вышеизложенное, представим сравнение софийного хозяйства Сергея Булгакова и современной концепции устойчивого развития и социальной ответственности бизнеса (табл. 1).

Таблица 1

Софийное хозяйство Сергея Булгакова и современная концепция устойчивого развития

	Софийное хозяйство	Концепция устойчивого развития / социальной ответственности бизнеса
Основная идея	Хозяйствование как воплощение Божиего замысла о тварном мире Цель хозяйствования — обожение человека и через него всего тварного мира, достижение бессмертия, выполнение замысла Божия о мире	Достижение эффективности использования имеющихся ресурсов с целью удовлетворения потребностей людей в долгосрочной перспективе, достижения гармонии взаимодействия природы и человека
Основной метод реализации	Труд как творческая хозяйственная активность: затраты энергии в деле поиска причастности Божественной Софии, «опознания идей умным видением» [5, 190] и их физической реализации	Труд в своем узком понимании. Возрождение и сохранение природы путем координации социальных процессов, применения нормативной практики регулирования экономики

Продолжение табл. 1

Инструменты реализации	«Икономия человеческого возрастания в Боге через его мирскую повседневную жизнь» [6, 95]	Программы действий, стандарты реализации концепции социальной ответственности, предназначенные для регулирования деятельности организаций
Основной актер	Бог как Творец мира посредством совокупного человека, выражающего Его Замысел в своей деятельности	Организация как институт, деятельность которого подвержена регулированию

Подводя итоги, отметим, что рассмотренные концепции хозяйственного отношения к миру имеют между собой много общего. Так, они предполагают осознание человеком своей ответственности за результаты хозяйственной деятельности, устремленность к обретению гармонии с природой, ориентацию на достижение благоденствия в долгосрочной перспективе. Однако имеются и различия, ключевым из которых является признание или непризнание Бога как Участника хозяйственного процесса. Последнее и определяет все прочие различия двух представленных в работе концепций.

Так, если Бог есть, то Он как Творец несет полноту ответственности за процессы мирового развития. Человек при этом как существо духовное в соработничестве с Богом разделяет данную ответственность, постигая посредством трудовой творческой активности Божественный замысел о мире и реализуя его в своей повседневной деятельности. Человек в философии хозяйства важен как совокупный человек, как единый духовный организм, способный посредством обожения достичь не только собственного бессмертия, но ософииения всего тварного мира. Иначе, целью софийного хозяйства является благоденствие (в православном понимании любовь в единение с божественным) не просто в долгосрочной перспективе, но в вечности, в отличие от концепции устойчивого развития; и не в пределах тварного мира, но за его пределами.

Реализуется же процесс хозяйствования посредством трудовой активности, которая также понимается по-разному. Труд по

ософиению мира — это труд преимущественно духовный по постижению Премудрости Божией, уже в последствии находящей отражение во внешней активности. Вера без дел мертва (Иак. 2, 14), но и одними «делами закона не оправдается никакая плоть» (Гал. 2, 16).

Литература

1. World Commission on Environment and Development. Our common future. Oxford, 1987.
2. *Freeman R.E., Reed D.L.* Stockholders and stakeholders: A new perspective on corporate governance // *California Management Review*. 1983. Vol. 25. No. 3.
3. *Dankova P., Valeva M.* Understanding International CSR Standards: A Comparative Analysis / IRDO International Conference Social Responsibility and Current Challenges, 2013.
4. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
5. *Булгаков С.Н.* Свет Невечерний. М., 1994.
6. *Козырев А.П.* Что дает современному сознанию «Философия хозяйства» отца Сергия Булгакова? // *Философия хозяйства*. 2001. № 4.
7. *Лесков Л.В.* Софийность философии хозяйства С.Н. Булгакова: синергетическая интерпретация // *Философия хозяйства*. 2001. № 1.
8. *Buss A.E.* The Russian Orthodox tradition and modernity. Leiden/Boston, 2007.
9. The Icon and the Bridge. Sophia in Orthodox Culture // *Special Issue of The Journal of Eastern Christian Studies*. 2003. Vol. 59 (3—4).

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

Философия хозяйства как парадигма инноваций Евразийского союза

Аннотация. В статье охарактеризован вклад парадигмы философии хозяйства в теорию стоимости. Сделан вывод о формировании виртуально-стоимостной системы глобальной хозяйственной власти на основе синтеза глобальных финансовых технологий и технологий по управлению интеллектуальными активами. Рекомендованы стратегические меры по формированию новой парадигмы инноваций Евразийского союза.

Ключевые слова: теория стоимости, парадигма философии хозяйства, Юрий Осипов как создатель парадигмы современной

философии хозяйства, новая парадигма инноваций Евразийского союза.

Abstract. The article described the contribution of the economic philosophy paradigm in the theory of value. It is concluded that the formation of a virtual-cost system of global economic power based on a synthesis of global financial technology and technology management of intellectual assets. Recommended strategic actions to create a new paradigm of innovation of the Eurasian Union.

Keywords: theory of value, the paradigm of economic philosophy, Yuri Osipov as the creator of the modern paradigm of economic philosophy, a new paradigm of innovation of the Eurasian Union.

Отправной точкой для осознания необходимости смены парадигмы сегодняшней научно-технической, финансовой и инновационной политики должна стать теория стоимости, т. е. анализ тех принципиальных изменений, которые произошли в производстве, распределении, распространении, да и в самой сущности стоимости.

Здесь, как нам представляется, унаследовать лучшие достижения классической политической экономии и плодотворно развить их можно и нужно при помощи парадигмы философии хозяйства, которая берет начало в трудах выдающегося русского мыслителя С.Н. Булгакова и успешно продолжена выдающимися современными учеными — профессорами МГУ имени М.В. Ломоносова Ю.М. Осиповым, В.Г. Белолипецким, Н.Б. Шулевым и др., ростовским профессором И.Р. Бугаяном, профессором Белорусского государственного университета П.С. Лемещенко, профессором из Казахстана У.Ж. Алиевым, профессорами Санкт-Петербургского университета В.Т. Рязановым, М.А. Румянцевым и др.

Стоимость в современном понимании школы философии хозяйства троична, а не монополюсна и не субстанциональна. Ее нельзя свести ни к труду, ни к факторам производства, ни к равнодействующей спроса и предложения, ни к технологиям, ни даже к финансам, взятым самими по себе.

Стоимость — это триада собственности на технологии и финансы, порожденной ею хозяйственной властью и самих финансов или — даже лучше сказать — финансов технологий как духа собственности и власти на финансы и технологии. При этом стоимость тяготеет к формированию абсолютных центров.

Стоимость на микро-, макро- и мегауровне сегодня производится финансово-технологическими центрами. Что такое современные ТНК, ФПГ, как не финансово-технологические центры микро- и

макроуровня? Что такое сегодня глобальные финансовые центры? Это центры финансовых технологий, инвестиций в технологии мегауровня, которые диктуют условия размещения производительных сил в значительной части мирового хозяйственного пространства, а также формируют магистральные стоимостные потоки в мире. Они определяют дальнейший профиль всей мирохозяйственной системы и все ключевые условия создания стоимости.

Стоимость сегодня не создается, а конструируется, конституируется, проектируется, вменяется [1, 142], причем в микро-, макро- и мегаобразе [2, 120]. Как справедливо полагает Ю.М. Осипов, «в хозяйственное пространство засылается поначалу виртуальная стоимость, имеет место некий общепространственный кредит (деньгами и их заменителями, банковскими ссудами, государственными выплатами и т. п., а потом из этого пространства изымается реальная стоимость, соответственно, и реальный доход». В мире все более просматривается и ощущается наличие «глобального стоимостного центра», «манипулирующего виртуализированной стоимостью в целостном мировом хозяйственном пространстве, то есть контролирующего хозяйство-экономику, им управляющего». Сложилась и действует «виртуально-стоимостная система глобальной власти над хозяйственной жизнью» [1, 142, 196, 201].

Следует отметить то, что эти процессы формирования виртуально-стоимостной системы глобальной хозяйственной власти так или иначе, хотя бы фрагментарно, нашли отражение в западной экономической теории в виде таких терминов, как «чампертная экономика» (или экономика силового финансирования чужого процесса третьей стороной), «экономика плацебо» (или «экономика, угодная более высокой и скрытой властной инстанции») [3, 1542]. Именно этот «дух» собственности и власти на финансы и технологии как нельзя лучше почувствовал и выразил его персонифицированный носитель Дж. Сорос в своей «Алхимии финансов». Тем самым отдельных зарубежных ученых, которые объективно и системно пытаются выразить данности современной хозяйственной жизни можно отнести к неявным представителям парадигмы философии хозяйства.

Смена парадигмы формирования стоимости на микро- и макроуровнях проявляется, на наш взгляд, в следующем.

Во-первых, именно интеллектуальная собственность на уровне предприятий (концентрированное ее выражение — бренд компании, формируемый портфелем патентов, ноу-хау, программного обеспечения), а также месторасположение предприятия в иерархии финансового рынка (финансово-инвестиционный рейтинг предприятия) являются теми определяющими структурными

факторами, от которых зависит стоимость всех других факторов производства, которыми располагает предприятие. Вне бренда и вне котировок финансовых рынков стоимость предприятия и соответственно стоимость, создаваемая предприятием, будут принципиально иными.

Стоимость в технологически развитых странах сегодня создается при помощи системы структурных финансов, которые объединяют в себе микро- и макроуровни экономики. Структурные финансы — это совместные финансы предприятий и институтов финансовой среды и инфраструктуры, в составе которых кредиты (в том числе синдицированные, внутренние и зарубежные), средства инвестиционных и инновационных фондов (отечественных, зарубежных), средства страховых и гарантийных фондов, инвестиционных компаний, в том числе рискового (венчурного) финансирования, а также компаний, отвечающих за безопасность продвижения финансов.

Во-вторых, интеллектуальная собственность приобретает системообразующее значение в совокупности факторов производства стоимости. В качестве аргумента можно привести мнение крупных зарубежных аналитиков и управляющих ведущих мировых корпораций М. Клоковски, Дж.Е. Малаковски, В. Гейза и др. В частности, по мнению Дж.Е. Малаковского, «сегодня интеллектуальная собственность, точно так же, как в эпоху индустриализма собственность на материальные активы, становится *средством производства стоимости и источником финансирования инвестиций в инновации*» [4, 3]. Корпорации по истечении небольшого срока использования новых технологий, не дожидаясь их морального устаревания, продают лицензии по использованию в менее технологически передовые регионы, менее технологически продвинутым субъектам хозяйствования транснациональной экономики, а полученные доходы направляют на финансирование новых и новых научно-технических разработок и их коммерциализацию. Это обуславливает положительное сальдо технологического баланса (т. е. сальдо продаж и покупок технологий) в развитых странах, тогда как в странах Евразийского союза технологический баланс не только отрицательный, но и сама структура инвестиций в инновации больше соответствует индустриальному, чем постиндустриальному профилю. Если в структуре технологических инноваций затраты на приобретение новых технологий и коммерциализацию собственных научно-технических и опытно-

конструкторских разработок в развитых странах приблизилась к 80% при менее, чем 20% в странах Евразийского союза.

В итоге в балансе предприятий, в структуре инвестиций в развитых странах (Япония, США, Великобритания) нематериальные активы превысили материальные. Для сравнения: в странах Евразийского союза доля нематериальных активов находилась соответственно в пределах 1 и 5%. В развитых странах доля нематериальных активов составляет 30—35% общей капитализации против 0,3% в странах Евразийского союза [5]. Рост стоимости активов повысил кредитоспособность компаний и позволил осуществлять дополнительную эмиссию корпоративных ценных бумаг, т. е. повысить капитализацию фондового рынка. Если, к примеру, в США в 1985 г. интеллектуальные активы составляли в среднем около 40% рыночной стоимости корпораций, а в 2005 — уже 75% [6, 22], то в России — максимум 15% [7].

В-третьих, — и это изменение поистине революционного значения — интеллектуальные активы в развитых странах стали приобретать характеристики полноценного финансового актива, использующегося для производства новых финансовых активов. Так, интеллектуальные активы стали объектом залога и активно проникают в схемы секьюритизации. Понятие секьюритизации означает использование одного, менее ликвидного финансового актива для производства другого, более ликвидного. Иначе говоря, интеллектуальные активы стали неотъемлемым звеном структурных финансов.

Интеллектуальные активы являются компонентами структурных финансов прежде всего в моделях кредитования под залог прав интеллектуальной собственности (collateralization) и в моделях секьюритизации прав интеллектуальной собственности, либо активов на базе прав интеллектуальной собственности. Обе эти модели являются частью более общей модели монетизации интеллектуальной собственности [8].

Участниками структурных финансов становятся не только специальные финансовые организации (СФО) (Special Proposal Vehicles (SPV)), но и патентные агрегаторы. Наряду с финансовыми холдингами создаются патентные холдинги, биржи патентов и высоких технологий, проводятся патентные аукционы.

Изменения парадигмы стоимости затрагивают и мегауровень. Профиль современных мировых финансовых центров формируется высокими финансовыми и иными технологиями мирового уровня, высокотехнологичной биржевой и платежной системой, она зиждется на информационно-коммуникационных технологиях и пронизана ими. В свою очередь, именно мировые финансовые центры формируют

мировую технологическую и инновационную политику, определяя условия функционирования и роста субъектов хозяйствования.

Поэтому отстоять сегодня финансово-технологический суверенитет республик Евразийского экономического союза, а это сегодня самое мощное интеграционное образование на постсоветском пространстве, можно лишь создав собственные финансово-технологические центры на микро-, макро- и субглобальном уровнях, сформировав единую финансово-технологическую платформу для проведения единой инновационной политики.

Какие ключевые шаги следует предпринять для того, чтобы обеспечить развитие евразийского хозяйственного пространства в духе современной мировой парадигмы инноваций?

1. Создать собственное интегрированное пространство структурных финансов, которое обеспечивает по возможности суверенное проектирование целевых приоритетных кредитных потоков и формирования тех необходимых условий, где будет создаваться реальная конкурентоспособная продукция. Это пространство должно быть результатом разумной согласованной политики заинтересованных стран-участниц.

2. Создать финансово-технологические корпорации (ФТК) в тех областях промышленного освоения научно-технических разработок, где можно обеспечить технологическое первенство.

3. Приступить к созданию Евразийского регионального финансового центра, в составе которого непременно должен быть финансово-технологический центр, резидентами которого будут евразийские ФТК; клиринговый центр (платежно-расчетный центр, который позволяет обеспечить свободные автоматизированные расчеты в национальных валютах); горизонтально-интегрированная биржевая система, включающая биржу прав интеллектуальной собственности; кредитно-финансовая система, активно использующая передовые финансовые технологии, в том числе кредитование прав интеллектуальной собственности.

4. Сформировать единое и конкурентоспособное на мировом уровне законодательное и институциональное пространство защиты, интеграции и промышленного (коммерческого) использования прав интеллектуальной собственности. Для этого следует разработать общие модельные законы, которые позволят завершить реформу интеллектуальной собственности, обеспечив многостороннюю заинтересованность в производстве и коммерциализации результатов НИОКР у бюджетных научно-исследовательских учреждений,

авторов служебных изобретений, государственных заказчиков, предприятий и банков.

5. Разработать и принять Стратегию Евразийского союза по созданию, защите и эксплуатации (коммерциализации) интеллектуальной собственности (по аналогии с аналогичными стратегиями, принятыми в Японии, США, ЕС).

6. Использовать в полной мере потенциал Евразийского патентного ведомства, обеспечив создание при нем Евразийского патентного холдинга-агрегатора, в функции которого входили бы оценка патентов на основе бизнес-планов по их коммерческому использованию, разработка инвестиционных проектов и привлечение ресурсов для проектного финансирования.

7. Проработать вопрос о расширении функций Евразийского банка развития (ЕАБР) в качестве инвестиционного и инновационного банка, с тем, чтобы он мог иметь в своей структуре подразделение (службу), важнейшей задачей которых была бы организация структурного финансирования корпораций, предлагающих свою интеллектуальную собственность для обеспечения обязательств.

8. Обеспечить под патронатом ЕАБР разработку крупных пилотных проектов по кредитованию под залог интеллектуальной собственности, в том числе с использованием механизмов секьюритизации интеллектуальной собственности.

9. Проработать вопрос о создании Евразийского комитета по технологиям и стандартизации, которому будут поручены разработка и принятие евразийских стандартов в области управления интеллектуальной собственностью (оценкой, коммерциализацией, капитализацией), учитывая уже имеющийся опыт сотрудничества и необходимость использования международной и европейской практики, возможно, с привлечением экспертов ЕЭК ООН.

10. Обеспечить подготовку кадров, отвечающих требованиям международного сертификата «Управление инновациями».

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Курс философии хозяйства. М., 2008.
2. *Осинов Ю.М.* Эпоха постмодерна. М., 2004.
3. The Formulations of Intellectual Property Reform // The University of Pennsylvania Law Review. 2009. Vol. 157. No. 6. June // <http://www.jstor.org/stable/i40016726>.
4. *McClure I.D., Malackowski J.E.* The Next Big Thing in Monetizing IP: A Natural Progression to Exchange-Traded Units. Published in *Landslide*. 2011. Vol. 3. No. 5. May—june.

5. <http://www.e-xecutive.ru/knowledge/announcement/1247008/> дата доступа 23.03.2013.
6. *Vries de D.* Leveraging Patents Financially. A Company Perspective, Gabler Verlag, Wiesbaden, 2011.
7. <http://intel-assets.h1.ru/articles/article09.htm>.
8. *Nithyanands K.V.* Alchemy and IPR — Monetization Intellectual Property rights // Journal of IP Rights. 2012. Vol. 17. Sept.

О.Г. ДОМБРОВСКИЙ

Хронотоп геоэкономики в условиях биномиальной интерпретации глобализационных процессов

Аннотация. Исследуется проблема экономики постиндустриального общества в контексте глобализации. Используется новый методологический инструментарий, дающий возможность выявить цивилизационное пространство в формах проявления экономики, в частности в измерениях глобального хронотопа.

Ключевые слова: глобализация, биномиальный, хронотоп, геоэкон, экономическое пространство, экономическое время.

Abstract. The paper reveals a problem of postindustrial economics in globalization context. New methodological tools are introduced that gives possibility to reveal civilizational space in different forms of economics, in particular in the global chronotope dimensions.

Keywords: globalization, binomial, chronotope, geocon, economic space, economic time.

Симуляция экономических явлений, виртуализация основных экономических артефактов, изменение условий труда человека, миграция, стандартизация технологических процессов — все это определяющие факторы глобализации, влияющие на условия существования постиндустриального общества. Следствиями его информатизации станут преодоление элитарности в образовании, изменение уровня производительности труда. Сочетание технологий и условий жизни компенсирует много физических и ментальных ограничений. В любой точке мира человек сможет получить мгновенный доступ к нужной информации как практического, так и научного характера, оформленной наиболее эффективным способом

для конкретного индивида. Следовательно, сотрутся информационные барьеры между так называемыми «первым», «вторым» и «третьим» мирами, поскольку образование станет доступно людям на всей планете. Вышеупомянутые следствия информатизации как части глобализационных процессов окажут позитивное влияние на становление инновационной экономики. Вместе с тем фактор стандартизации экономик вызывает многочисленную критику, которая обвиняет экономическую глобализацию в том, что она способствует упадку промышленности и научно-технического прогресса, замедляет темпы роста экономики в мировых масштабах. В силу чего выделяются две основные интерпретации глобализации, которые можно оценить как бинамиальные.

Бинамиальный характер экономики постиндустриальной эпохи обусловлен глобализационными факторами, которые имеют «двойную» интерпретацию ее перспектив и следствий. С одной стороны, они могут иметь прогрессивный характер, что предполагает построение «креативного общества», возможного в условиях глобализации инновационного типа экономики. С другой стороны, регрессивный характер возможен при стандартизации национальных экономик и чрезмерной виртуализации экономических процессов. Поэтому для поиска фундаментальных основ глобализации существенным является анализ возможностей и опасностей глобализации. В обоих случаях исследование глобализационных трансформаций современного общества должно осуществляться при учете методологического инструментария, который позволил бы проанализировать глобализацию с учетом особенностей того типа обществ, которые она порождает и в которых она существует — информационных обществ. Одним из способов такого анализа выступает картография.

Понятие «картография» введено в методологию социальных наук Ж. Делезом и Ф. Гваттари в работе «Отличие и повторение» (1969) и в дальнейших трудах мыслителей («Ризома», «Тысяча плато» и др.). Картография предусматривает альтернативу классической научной методологии и направлена на критику структуры науки. Последняя выступает способом организации научного текста и является «закрытой»: любые изменения в структуре ведут к значительным, но не всегда достаточно верифицированным изменениям всех ее частей. Вместе с тем каждая часть структуры должна отражать в теории то, что существует в реальности. Поэтому метафорой структуры в работах Ж. Делеза и Ф. Гваттари выступает «калька», которая, даже не пытаясь воспроизвести нечто другое, воспроизводит только саму себя. Зато «карта» открыта для чтения, она выступает моделью, которая

постоянно формируется. На карту можно внести изменения в любой момент, карта объединяет целостно все свои измерения, карта подвижная, ее можно изменить каким-либо образом, откорректировать в любой момент.

Отметим, что карта соответствует условиям коммуникативного общества информационной эпохи, когда науки являются не единоличными, а осуществляются в процессе получения новаций коллективами ученых и учитывают социальные трансформации общества во всех исследованиях. Такая установка отражается через метафору «карты» как способа построения науки, в изменениях которой могут участвовать как индивид, так и определенная группа. У карты всегда много способов быть реализованной, карту можно «нарисовать на стене, отнестись к ней как к произведению искусства, сделать из нее политическую акцию или материал для размышлений» (Ж. Делез). Карта является символом ризомы: это понятие фиксирует нелинейный способ организации любой целостности, и этот способ оставляет возможности как для имманентной подвижности, так и для интерпретационного плюрализма. Следует отметить, что ризома предусматривает принцип гипертекстуальности, по которому структурируются информационные потоки современности.

Важно то, что картография выступает формой символического описания современного экономического универсума. По мнению А. Неклессы, для современного мира свойственна «новая картография» — новые экономические миры. Можно сказать, что в таких условиях цивилизация отступает на второй план по сравнению с глобализацией, а пространство начинает основываться на принципах экономического пространства, состоящего теперь из нескольких «подпространств», «миров-экономик», которые различаются относительно доминирующего источника дополнительного продукта. Пространства, которые выделяются, следующие: природозатратная, геосферная экономика (экономика, направленная на эксплуатацию природы и выраженная в сочетании интересов производителей и потребителей природных ресурсов); инновационная экономика (в этой экономике на место труда приходит дар — интеллектуально-творческая активность, а сама экономика основывается на высокотехнологичном производстве и состоит из производства «инновационного ресурса» и его потребления); финансовая постэкономика (экономика, в которой капитал вытесняется кредитом и страхованием различных рисков, а денежные средства превращаются в финансовую информацию, ее развитие «ведет в перспективе к своеобразной делегитимизации частной собственности в результате расщепления правомочий между

обладателем и финансовым оператором; экономика, привлекая будущие прибыли и удачу производителей в текущую экономическую реальность, превращая таким образом время и случай в действенный (и, на первый взгляд, неистощимый) экономический ресурс...»); деструктивная параэкономика (базовый ресурс которой — накопленные богатства цивилизации, распространяет асоциальные практики, индустриализуя их на основе уголовно-террористических технологий) [1, 67—68].

У таких экономик экономическое пространство в наиболее общем приближении является отражением особенностей структурообразования человеческой жизни на социальном уровне развития. Он характеризует общество со стороны протяженности, сочетания и распределения хозяйственной деятельности и экономических отношений между индивидами. Проблема «экономического пространства» обусловлена переходом мира «из состояния целого (совокупности государств и народов) в состояние целостности (всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости), когда ни одно из заметных явлений не имеет изолированного характера, а влияет на состояние и развитие всей ноосферы» [2, 243]. Это обуславливает возникновение новой пространственной конфигурации человечества. На глобальном уровне цивилизационное пространство, согласно приведенным выше формам олицетворения экономики, выступает как способ нового символического описания универсума.

Это символическое описание обнаруживает новую структуру глобального пространства-времени (*хронотопа*). Ее суть заключается в том, что от простого (геометрического) плоскостного построения мира происходит переход к объемной, сложной, многоуровневой структуре, которая адекватно может быть описана с помощью выделения множества пространственных характеристик (определений) бытия. В методологическом плане это позволяет выделить отдельные потоки, направления, которые составляют (и определяют) мировой социально-экономический прогресс; развернуть их взаимодействие в процессе становления и движения общественной, человеческой истории; на новом уровне поставить вопрос о детерминации развития глобального социума.

Нужно исходить из того, что, как отмечает А.С. Гальчинский, экономика является «не только соответствующей коммуникативной системой, не только механизмом перераспределения богатства, но и институциональным пространством (комплексом), который функционирует в среде общественных институтов другого назначения, взаимодействует с ними» [3, 41]. Тем самым границы глобального хронотопа определяются как константами экономического

пространства и времени, так и параметрами институциональной системы экономики в целом.

Глобальный хронотоп предусматривает выделение природно-социальных пространств (*топосов*), к которым относится географический. На его основе формируется геоэкономический вектор развития, или геоэкономика. Она основывается не только на логике, но и на синтезе геополитики и геостратегии. Но приоритет, несмотря ни на что, принадлежит геоэкономике, которая оттесняет геополитику. Тем самым утверждается новое экономическое пространство, в котором выстраивается новая модель архитектуры геоэкономической конструкции (названное А. Неклессой «геоконом»).

Сущность «геокон» можно проанализировать на основе модели многоуровневого (многоярусного) «китайского шара» [4, 158]. Согласно этой модели, геокон объединяет соразмерные виды хозяйственно-экономической деятельности в единое сложно-субординированное сплетение «экономического универсума». На нижнем, географически локализованном уровне, — добыча природных ресурсов и их использования природозатратной экономикой; следующий, более высокий локус — производство интеллектуального продукта и его освоение высокотехнологичным производством. На транснациональном уровне — производство финансовых ресурсов и применение технологий «универсальной процентной дани в качестве механизма управления индустриальными объектами, которые в свою очередь производят потребности в данных ресурсах» [4, 158].

Необходимо учитывать, что низший уровень («подполье») геоэкономического мироустройства допускает проникновение в легальный сектор получения прибыли «правил игры», в которых правовой, а тем более моральный контекст теряют былое значение. Как результат, на практике «право попадает в зависимость от власти и, возможно, нравственно необоснованного имущественного статуса граждан» [5, 112], — подчеркивает П. Ульрих.

На высшем уровне геокон образует специфическое проявление экономического пространства — систему «глобального управления метаэкономикой, которая предчувствует унификацию источника легальных платежных средств, тотальный контроль над их движением и появление единой, диверсифицированной системы налоговых платежей, способной превратить со временем все земли геоэкономического универсума в плодотворную ниву Нового мира — сказочный источник специфической квазиаренты» [4, 158].

Сущность процессов социально-экономической жизни, таким образом, определяется смыслами эпохи, которые оформляются

определенным «символическим капиталом». В контексте «экономического времени» такая ситуация связана с процессом самоидентификации общества. Под этим процессом прежде всего понимается определение роли данного конкретного общества, т. е. выявление его места на «шкале» исторического развития.

Подобная процедура является крайне важной для построения моделей экономического развития, геополитических стратегий, внутренней и внешней политики и т. п. Каждая неточность в определении экономического времени обрекает общество на замедление темпов его движения вперед. Отставание от реального положения дел, непонимание сущности смыслов эпохи обуславливают стагнацию, догматизм мышления, не позволяя в полной мере мобилизовать потенциал развития, присутствующий в данном обществе. В свою очередь завышенная самооценка приводит к тому, что общество становится не готово к полномасштабным преобразованиям. Как следствие, оно «начинает отставать в своем движении, объективно отставая от других государств» [2, 246].

Таким образом, в масштабных глобальных трансформациях современности хронотоп является фактором, объединяющим большое количество динамических, изменяющихся составляющих. Вместе с тем возникает вопрос о том, что же остается неизменным в структуре цивилизационных изменений. Инварианты — неизменные элементы — составляют «матрицу» современного социоэкономического бытия и остаются вне цивилизационными трансформациями. Дать ответ можно следующим образом: структура цивилизационных изменений поливариантна, именно в ней можно обнаружить изменчивость цивилизаций.

Выделяют два типа факторов, обуславливающих изменчивость. К внутренним факторам относятся: развертывание цивилизации во времени, изменение фаз ее жизненного цикла и т. п. Внешние факторы являются изменениями природной среды при наращивании территорий, а также природные катаклизмы, крупные военные конфликты (способные изменить геополитическую картину мира), мировые религии (с радикальным влиянием на цивилизацию) [6, 83—84].

Основной проблемой при исследовании поливариантов оказывается однозначное превалирование в научной цивилиграфии западных нарративов, которые формировались с конца XIX в. Однако движение к глобализации формирует новую структуру цивилизационных трансформаций, в которой инвариантами являются отрицание правомерности доминирования Запада, с одной стороны, и, с другой — чрезвычайно радикальное чувство современности, которое имеет

заметно большее значение. В последнем случае радикализация современности, по мнению Э. Гидденса, несет такие заметные черты, как «распад эволюционизма, исчезновение телеологии в истории, признание всепроникающей, имеющей определяющий характер рефлексивности, а также постепенное исчезновение привилегированной позиции Запада», и все это вводит нас в мир «нового опыта, который выводит из равновесия. Если “мы” здесь все еще означает главным образом тех, кто живет на Западе — или, точнее, в участках мира, которые прошли индустриализацию, — то последствия этих изменений ощущаются повсеместно» [7, 173].

Цивилизационная трансформация, которая происходит — это прежде всего трансформация экономическая. Меняется мир экономический, соответственно, на смену ему приходит мир постэкономического. В.Л. Иноземцев выделяет три основные трансформации постэкономического мира — это деструкция отношений стоимости, трансформация характера собственности и преодоление эксплуатации современного работника [8]. Деструкция стоимостных отношений вытекает из информационных и креативных трансформаций виртуального общества. Трансформация характера собственности происходит за счет замещения частной собственности личной. Соответственно предполагается преодоление эксплуатации работника. Это связано с развитием креативных требований к работникам компаний, происходящим параллельно с формированием нематериальных требований к работникам как к личностям. Интеллектуально-креативная экономика вынуждена поддерживать высокую квалификацию собственных сотрудников.

Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что экономика постиндустриального общества имеет биномиальный характер, поскольку позволяет интерпретацию различных экономических явлений. Исследования глобализационных трансформаций современного общества осуществляется при учете нового методологического инструментария, в частности, такого понятия, как «картография». Последняя выступает формой символического описания современного экономического универсума. Это символическое описание обнаруживает новую структуру глобального пространства-времени (хронотопа).

Литература

1. Глобальное общество: новая система координат (подходы к проблеме) / А. И. Неклесса и др. СПб., 2000.

2. Павлов Ю.М. Социальное время // Философия хозяйства. 2002. № 2.
3. Гальчинський А.С. Економічна методологія. Логіка оновлення: Курс лекцій. Київ, 2010.
4. Неклесса А. Трансмутация истории // Вопросы философии. 2001. № 3.
5. Ульрих П. Критика экономизма. М., 2004.
6. Кузык Б.Н. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. VI: Перспективы становления интегральной цивилизации. М., 2010.
7. Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011.
8. Иноземцев В.Л. Расколота́я цивилизация // <http://lib.ru/POLITOLOG/inozemcew.txt>.

А.А. ФЕДОТОВ

Новейшая история Русской православной церкви (1943—2000) сквозь призму экономического подхода

Аннотация. В статье рассматривается новейшая история Русской православной церкви (1943—2000) сквозь призму экономического подхода с учетом наследия С.Н. Булгакова, в первую очередь, его «Философии хозяйства». Делается вывод, что при таком взгляде на нее она предстает как тесная взаимосвязь материального и духовного, не противостоящих друг другу, а взаимно дополняющих.

Ключевые слова: история, Церковь, «Философия хозяйства», экономика, формационный подход, государственно-церковные отношения.

Abstract. The article studies the contemporary history of the Russian orthodox church in 1943—2000 from economic point of view following the works of Sergei N. Bulgakov and — primarily — his «Philosophy of Household»; such approach allows for treating the church as a close connection between the material and the spiritual that do not oppose but rather complement one another.

Keywords: history, Church, «Philosophy of Household»; economics, formation approach, relations between state and church.

История Церкви может рассматриваться в двух проявлениях — вневременном, онтологическом (богословское осмысление) и в рамках конкретных процессов социальной истории.

Если исследование носит конкретно-исторический характер, то оно учитывает, что Церковь как организация включена в объективные процессы социальной истории государства и общества.

История Русской православной церкви не может быть изучена без системного подхода, который позволяет увидеть всю ее систему, ее взаимоотношения с внешней средой — советским и постсоветским государством и обществом. Это позволяет дать настоящий анализ всех проблем истории Церкви в их единстве и противоположностях.

При этом необходимо учитывать, что хотя Церковь в определенной мере и можно назвать одним из общественных институтов, она не может быть ограничена рамками этого понятия, Церковь — особая структура, которая не может изолироваться ни от общества, ни от государства. Происходящие в них процессы так или иначе оказывают влияние и на церковную жизнь. Характерно, что федеральное законодательство России 1997 г. четко разграничило религиозные и общественные организации.

Принцип историзма позволяет во всей полноте на конкретно-историческом материале рассмотреть историю РПЦ в 1943—2000 гг. в поступательном развитии, увидеть положение Русской православной церкви к 2000 г.; показать целостную картину изучаемых событий как, с одной стороны, связанных между собой, а с другой — разграниченных друг от друга этапов. Принцип историзма позволяет определиться с периодизацией исследования, выявить сходства и различия периодов 1943—1958; 1958—1964; 1964—1990 гг.; охарактеризовать 1990-е гг. как особый этап истории Русской православной церкви.

Как отмечал П. Тиллих, «история сообщает об уникальных событиях, а не о повторяющихся процессах, которые можно подвергать постоянной проверке. Исторические события не подлежат эксперименту. История не только сообщает о серии фактов. История описывает, объясняет, понимает. Историческая истина основана на вовлеченности интерпретирующего субъекта. Историческая истина — это, прежде всего, истина факта» [1, 188].

Марксистская методология отражает связь развития исторической науки с общественной практикой. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «...понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения — то есть гражданское общество на его различных ступенях — как основу всей истории...» [2, 36—37]. По

мнению В.И. Ленина, «общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития» [3, 165].

Однако как более глубокое здесь можно выделить мнение С.Н. Булгакова, который писал: «Экономическое направление в истории, хотя и часто смешивается с экономическим материализмом, в действительности совершенно ему чуждо, ибо оно всецело остается в области “исторического прагматизма” и ни на какую философию истории не притязает. И именно в этом направлении, в силу его научной непредвзятости, и проводятся ценные исследования, раскрывающие действительное значение хозяйства в историческом развитии и двигающие вперед экономическую историю» [4, 306—307].

Исходя из формационного подхода с учетом уточнения С.Н. Булгакова, в общем периоде новейшей истории Русской православной церкви 1943—2000 гг. можно выделить исторические этапы, связанные и с состоянием производства, производственных и общественных отношений в советской и постсоветской России.

1943—1958 гг. были особым периодом и в экономической истории Советского Союза. Государство, где к концу 1930-х гг., как декларировалось, социализм был в основном построен, в первые годы войны оказалось на грани краха. Важнейшим вопросом, стоявшим перед государственным руководством, было сохранение страны. В послевоенные годы решались задачи возрождения народного хозяйства, установления международных связей в условиях послевоенной реальности. Поэтому государству в этих условиях было не до борьбы с религией; наоборот, Церковь широко использовалась советским государством в вопросах внешней и внутренней политики.

Потепление в государственно-церковных отношениях в 1943 г. было неразрывно связано с изменением отношения значительной части общества к религиозной проблематике. Перепись 1937 г. показала, что значительная часть населения страны определяла себя верующими людьми. Война же способствовала выходу этой зажимаемой атеистическим прессингом религиозности наружу. Общественное настроение, существенная материальная и моральная поддержка, оказываемая Церковью в войне, необходимость иметь дополнительный плюс в глазах союзников — все это побудило Советское государство в 1943 г. произвести ряд существенных изменений в своей религиозной политике. Однако темпы возрождения

церковной инфраструктуры не соответствовали потребностям верующих даже в годы наиболее благоприятного отношения к Церкви со стороны советского правительства.

Отмечалась существенная разница в отношении властей к патриарху и его ближайшему окружению и к духовенству на местах, в том числе и к правящим архиереям. Если первых даже приглашали на правительственные приемы, то вторые продолжали находиться в крайне тяжелом и униженном положении. Кроме того, даже в эти годы оставалось большим число священнослужителей и мирян, арестованных и расстрелянных по церковным делам. Священнослужителей этого времени можно условно разделить на две группы: довоенного поставления, негативно или настороженно относящихся к Советской власти, и поставления после 1943 г., ей лояльных.

Антицерковные репрессии Н.С. Хрущева 1958—1964 гг. можно объяснить в том числе и процессами научно-технической революции, возрождением и бурным ростом экономики в послевоенные годы. Вера многих людей в быстрое построение коммунизма в условиях стремительного развития производственных и социальных отношений в стране способствовала воплощению в жизнь волюнтаристических планов главы Советского государства по активной антицерковной компании.

В это время была проведена и реформа приходского управления, отстранившая священнослужителей от участия в хозяйственной деятельности приходов. В целом вредная для Церкви, она в 1961—1964 гг. имела и позитивную сторону, так как, благодаря ей, государству в ходе антицерковных репрессий было сложнее организовывать уголовное преследование священнослужителей по обвинениям в хозяйственных нарушениях. Реформа была негативно воспринята почти всеми священнослужителями, многие из которых были рукоположены в относительно стабильное для Церкви время и, не испытав гонений за веру, могли рассматривать церковное служение как источник финансового благополучия и стабильности.

Недолговечность антицерковной политики Н.С. Хрущева объясняется тем, что надежды на быстрое построение коммунистического общества не оправдались.

1964—1980-е гг. — эпоха, с одной стороны, стабилизации производственных и общественных отношений, с другой — период стагнации, приведший в результате к кризису социалистической системы государственного и общественного устройства в Советском Союзе. В этих условиях Церковь была лишена свободы, но и

массированных гонений на нее государство не предпринимало. Данный период характерен и тем, что появился новый тип священников и даже епископов, которые родились при Советской власти и считали сложившуюся в СССР систему церковно-государственных отношений единственно возможной. Кроме того, многие иерархи и священнослужители поддерживали советскую религиозную политику. Государство всячески поощряло то, чтобы в числе прихожан было как можно больше тех, кто рассматривал церковь как «клуб по интересам». Эти люди собирали сплетни, писали многочисленные жалобы, активно участвовали в конфронтации священнослужителей и церковных советов. В церковные советы нередко проникали люди неверующие, аморального поведения, что подтверждается и данными исследований. Власти поощряли это так же, как и проникновение таких людей в среду священнослужителей, поскольку это способствовало более успешному проведению атеистической пропаганды. Со священнослужителями и членами исполнительных органов проводилась планомерная работа по их «перевоспитанию».

Общественное сопротивление в России советской атеистической политике пришлось на вторую половину 1960-х — 1980-е гг. Территориально диссиденты были связаны в основном с Москвой и Московской областью. Однако в конфликте религиозных диссидентов с государством Церковь, в лице иерархов, занимала позицию государственных структур, так как поддержка диссидентов могла навлечь на нее новые преследования. В то же время деятельность диссидентов готовила почву для перемен в отношении общества к религии. После масштабного празднования 1000-летия Крещения Руси начался процесс нового церковного возрождения.

В 1990-е г. в России произошли формационные изменения — переход от социализма к капитализму в разных его проявлениях: изменение государственного устройства, производственных и общественных отношений. В эти годы Церковь в России получила наибольшую за последние 300 лет свободу в своей деятельности, возможность активного участия в общественной жизни, плодотворного сотрудничества с государством.

Изменилось государственное законодательство о религии. Российский закон «О свободе вероисповеданий» 1990 г. не учитывал особенностей внутрицерковной жизни, основанной на строгой иерархичности. Однако на практике в 1990-е гг. представители органов государственной власти в России, несмотря на букву закона, в большинстве случаев считались с иерархическим устройством как Русской православной церкви, так и других религиозных организаций.

Децентрализация государственной власти привела к тому, что каждый глава субъекта федерации и иногда даже муниципального образования строил государственно-церковные отношения, исходя из своих симпатий и антипатий. Так, в Ивановской области, единственной в России, постановлением главы областной администрации в собственность епархии были переданы здания 135 храмов.

В то же время для того конкретного исторического периода было единственно правильным упразднение исполнительного органа государственной власти, отвечавшего за регулирование религиозных вопросов, так как существовавший Совет по делам религий дискредитировал себя в глазах большинства верующих всех конфессий общей атеистической направленностью своей деятельности.

Закон «О свободе совести и религиозных объединениях» 1997 г. был призван несколько ограничить деятельность зарубежных проповедников нетрадиционных для России религиозных учений, но в отношении православия был вполне лоялен. Государство, наконец, законодательно признало иерархичность Церкви. Православный приход уже не воспринимался государством как абсолютно обособленная единица и рассматривался как юридическое лицо, неотъемлемо входящее в структуру централизованной религиозной организации.

Новые формы приняла внутрицерковная жизнь, церковно-государственные и церковно-общественные отношения. Церковь стала восстанавливать тысячи разрушенных монастырей и храмов, духовное образование, социальную, просветительскую и издательскую деятельность. Возрождение церковной инфраструктуры шло в условиях отсутствия у Церкви централизованного финансирования, в том числе и социальных программ. Оно происходило в условиях резкого расслоения общества на сверхбогатых и полуничих, в том числе и в среде духовенства, в условиях фактического запрета финансирования Церкви из центрального или местного бюджетов. Это время способствовало появлению среди священнослужителей большого количества тех, кто смело и активно участвовал в общественной жизни, в выстраивании новой модели церковно-государственных отношений. Говоря о церковно-общественных отношениях в постсоветской России, необходимо отметить, что в 1990-е гг. появились самые разные формы таких отношений. Это и критика Церкви со стороны либералов, и резкая критика церковной иерархии внутрицерковными раскольничьими группировками. Но в то же время можно отметить и взаимопольное сотрудничество Церкви с

нравственно-здоровыми общественными силами на нелегком поприще возрождения России. Архиерейский собор РПЦ 2000 г. прославил Собор Новомучеников и исповедников российских, пострадавших за свою веру во время антицерковных репрессий в Советской России и СССР, принял ряд важнейших документов, в том числе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», сформулировавшие позицию Церкви по многим важнейшим вопросам церковно-государственных и церковно-общественных отношений.

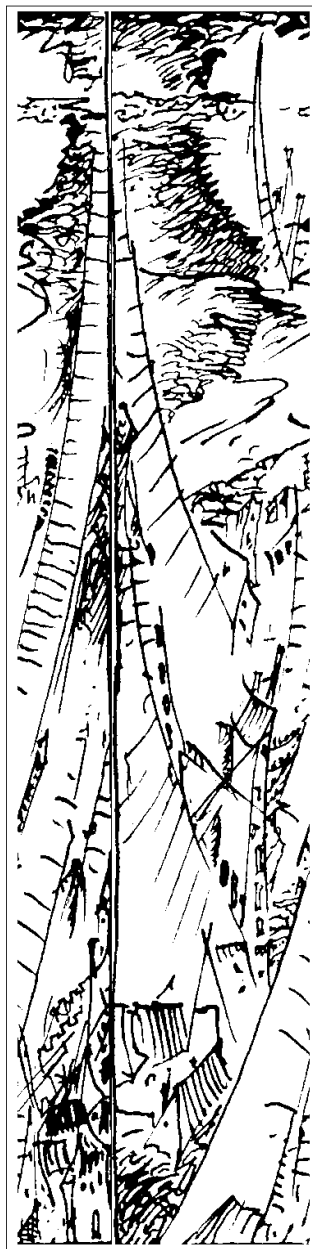
Новейшая история Русской православной церкви 1943—2000 гг., рассматриваемая сквозь призму экономического подхода, с учетом наследия С.Н. Булгакова, в первую очередь, его «Философии хозяйства», предстает как тесная взаимосвязь материального и духовного, не противостоящих друг другу, а взаимодополняющих.

Литература

1. *Тиллих П.* Избранное. Теология культуры. М., 1995.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3.
3. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1.
4. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. Нью-Йорк, 1982.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

Ю.В. ЯКОВЕЦ

Краеугольные камни стратегии научно-технологического прорыва*

Аннотация. В статье обоснованы пять узловых направлений долгосрочной стратегии научно-технологического развития в мире и в России: 1) ключевая роль научно-технологической революции XXI в. (НТР-21) в преодолении цивилизационного кризиса и выхода на траекторию устойчивого развития; 2) становление шестого технологического уклада; 3) смена мировых лидеров научно-технологического развития; 4) необходимость разработки долгосрочной научно-технологической стратегии и Национальной программы, ориентированных на освоение ТУ-6; 5) углубление научно-технологической интеграции стран СНГ, ШОС, БРИКС.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие XXI в.; шестой технологический уклад; стратегия научно-технологического прорыва; цивилизационный кризис; национальная научно-технологическая программа; научно-технологическая интеграция.

Abstract. The article substantiates the five nodal areas of a long-term strategy of scientific and technological development in the world and in Russia: 1) the key role of the scientific and technological revolution of the 21st century (STR-21) to overcome the civilizational crisis and entering the path of sustainable development; 2) establishment of the sixth technological order; 3) change of the world leaders in scientific and technological development; 4) the need to draw up a long-term scientific and technological strategy and National Program focused on the development of TO-6; 5) deepening scientific and technological integration of the CIS countries, SCO and BRICS.

Keywords: scientific and technological development of the 21st century; the sixth technological order; the strategy of scientific and technological breakthrough; civilizational crisis, National Science and Technology Program; scientific and technological integration.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России по теме «Анализ факторов научно-технологического развития в контексте цивилизационных циклов» (госконтракт № 13.521.12.1009 от 14 июня 2011 г.).

Можно сформулировать пять базисных положений — краеугольных камней долгосрочной стратегии научно-технологического прорыва на основе освоения достижений научно-технологической революции XXI в. (НТР-21) и шестого технологического уклада (ТУ-6).

Ключевая роль НТР-21 в преодолении цивилизационного кризиса и выходе на траекторию устойчивого развития

Сейчас общепризнанным становится положение о технологической революции второй четверти XXI в. как основе преодоления глобального кризиса и выхода на траекторию глобального устойчивого развития. Несколько лет назад «Rand Corporation» опубликовала прогноз «Глобальная технологическая революция 2020». В 2008 г. Международный институт П. Сорокина—Н. Кондратьева опубликовал «Прогноз инновационно-технологического развития России с учетом мировых тенденций на период до 2030 года» [1] с обоснованием этой позиции. Этот подход нашел отражение в монографиях С.Ю. Глазьева «Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса» [2], его статье «Стратегия опережающего развития и интеграции на основе становления шестого технологического уклада» [3], наших монографиях «Эпохальные инновации XXI века» [4] и «Глобальные экономические трансформации XXI века» [5].

Однако далеко не все осознают и признают, что речь идет не просто об очередном технологическом перевороте, а о научно-технологической революции, т. е. о синтезе научной и технической революции как ключевом звене перехода к новой исторической эпохе — становления интегральной, гуманистически-ноосферной мировой цивилизации, идущей на смену техногенной индустриальной цивилизации XIX—XX вв.

Такой подход изложен в нашей монографии «Великая научная революция XXI века» [6], статье «Научно-технологическая революция XXI века в ритме смены цивилизационных циклов» [7] и в коллективной монографии «Анализ факторов научно-технологического развития в контексте цивилизационных циклов» [8]. Он строится на следующих основных посылах и выводах.

Во-первых, смене исторических эпох — мировых цивилизаций — предшествует и сопутствует научная революция, итогом которой является смена преобладающей научной парадигмы, научной картины мира, лежащей в основе принимаемых стратегических решений.

Сейчас преобладающей является индустриальная научная парадигма, отражающая реалии уходящей индустриальной эпохи. Она в значительной мере исчерпала свой креативный и прогностический

потенциал, что стало главной причиной глобального кризиса науки конца XX в.

Однако это не означает конец века науки, как провозгласил американский публицист Хорган. Это лишь предшественник новой научной революции, нового взрыва научного творчества, предсказанного В.И. Вернадским.

Краеугольные камни новой парадигмы, особенно в сферах экологических и общественных наук, заложены еще в XX в. в трудах Владимира Вернадского и Никиты Моисеева, Питирима Сорокина и Николая Кондратьева, Александра Богданова и Николая Бердяева, Йозефа Шумпетера и Фернана Броделя и других великих ученых, развиты современными российскими научными школами — русского циклизма, цивилизационной, ноосферной, социодемографической, устойчивого развития.

Научная революция означает возвышение роли науки в эпоху завершения перехода биосферы в ноосферу, когда научная мысль, согласно предвидению В.И. Вернадского, становится геологической силой, и от того, какой вариант ноосферы возобладает — созидательный или разрушительный — зависит не только судьба человечества, но и судьба биосферы на уникальной планете Земля.

Во-вторых, меняется структура научного знания, его приоритеты. На передний план выходят науки о жизни (живом веществе), о человеке (медицина), о законах развития общества (обществоведение) и его взаимоотношениях с природой (экология). Возрастает значение понимания и разумного использования коэволюции природы и общества, ноосферный и цивилизационный подходы. Именно это становится ядром новой общенаучной парадигмы.

В-третьих, приоритет отдается тем фундаментальным, поисковым и прикладным направлениям научного знания, которые формируют основы технологической революции, развития базовых направлений шестого технологического уклада — нанотехнологий, фотоники, биотехнологий, информационных систем.

В-четвертых, наблюдаются признаки нового взрыва научного творчества, ускоряется поток значимых научных открытий и крупных изобретений, что является предвестником и основой волны эпохальных и базисных инноваций, которые преобразуют мир.

Второй краеугольный камень: становление шестого технологического уклада

Суть технологической революции второй четверти XXI в. — в становлении интегрального технологического способа производства, его первого этапа — шестого технологического уклада (ТУ-6). Теория

смены технологических укладов всесторонне разработана С.Ю. Глазьевым. И дело не просто в смене состава базовых направлений развития технологий — меняются направленность, целевые технологии и их функции.

Во-первых, осуществляется гуманизация технологий. На первое место выходят технологии, направленные на укрепление здоровья человека, улучшение структуры и качества жизни, развитие потребительского сектора экономики, служащего удовлетворению потребностей человека. Приоритет отдается социальным технологиям.

Во-вторых, ноосферизация технологий, их направленность не на покорение природы и противоборство с ней, а на ресурсосбережение, восстановление нарушенного экологического равновесия и обеспечение гармоничной коэволюции общества и природы.

В-третьих, ускоряется темп инновационного обновления технологий, сокращается оптимальный срок смены поколений техники и технологических укладов. Это требует повышения управляемости научно-технологическим и инновационным развитием, повышения роли и ответственности государств и международных организаций за темпы и эффективность инновационного обновления общества. Неолиберальные иллюзии о самодовлеющей роли рынка в этом процессе не только несостоятельны, но и весьма опасны, обрекая на технологическое отставание и потерю конкурентоспособности.

Именно в крупномасштабном освоении и распространении на планете ТУ-6 лежит ключ к преодолению цивилизационного кризиса, выходу на траекторию глобального устойчивого развития. К сожалению, пока этого не понимают ни международная элита (о чем свидетельствует итоговый документ Конференции ООН РИО+20), ни российская (что очевидно из двух недавно утвержденных документов — Стратегии инновационного развития России на период до 2020 г. и Государственной программы «Развитие науки и технологии» на 2013—2020 годы). В этих документах не найти даже упоминания о технологической составляющей устойчивого развития, стратегии инновационно-технологического прорыва.

Третий краеугольный камень: смена лидеров научно-технологического развития

Если в XX в. безусловными лидерами были США, Западная Европа, Япония, то в XXI в. лидерство переходит к Китаю, Бразилии, происходит предвиденный Питиримом Сорокиным и Арнольдом Тойнби сдвиг центра творческой активности на Восток. Можно подтвердить это следующими данными. За десятилетие 2000—2010 гг. число заявок на патенты в Китае увеличилось в 11 раз, по этому

показателю он вышел на первое место в мире, обогнав США и Японию. Он прочно занимает первое место в мире по экспорту высоких технологий. Численность научных работников растет темпами 12% в год. Темпы прироста производительности труда в 2008—2010 гг. составили 8,8% при 2% в среднем по миру. Китай — единственная страна в мире, где разработаны, утверждены и опубликованы 18 дорожных карт научно-технологического развития на период до 2050 г. И они успешно выполняются.

Россия является мировым лидером в формировании новой научной парадигмы в области общественных, экологических и экономических наук. Однако в области естественных и технических наук и особенно в технологической базе продолжаются процесс деградации, отрывание от авангардных стран.

Наиболее острыми глобальными проблемами являются растущая научная и технологическая поляризация между авангардными и отстающими странами, нарастающий разрыв в уровне производительности труда и конкурентоспособности продукции, что лежит в основе бедности и нищеты в отстающих странах, где производство валового национального дохода на душу населения в 2010 г. было в 74 раз ниже по текущим ценам и в 28 раз ниже по ППС, чем в странах с высоким уровнем доходов. Только совместными усилиями на принципах партнерства цивилизаций и государств можно преодолеть эту опасную пропасть.

Четвертый краеугольный камень: долгосрочная научно-технологическая стратегия и национальная программа, ориентированные на становление ТУ-6

Научно-технологический переворот открывает для догоняющих стран со средним научно-техническим уровнем, по выражению С.Ю. Глазьева, окно возможностей для осуществления стратегии опережающего развития на базе освоения нового уклада. Этим окном умело пользуется Китай, сюда устремляется Бразилия. Открывается такая возможность и для России, однако правящая и деловая элита не использует эту возможность. Огромные ресурсы, в том числе природная рента, которая составляет 20% к ВВП (при среднем по миру 4%) бездарно растрачиваются на псевдоинновации и улучшающие инновации или разворовываются. Уровень поддержки науки, изобретений и инноваций низкий, физический и моральный износ основного капитала давно перешел критически опасную черту, катастрофически падает конкурентоспособность отечественной продукции, особенно в условиях присоединения к ВТО.

Международный институт П. Сорокина — Н. Кондратьева, выполняя госзаказ Минобрнауки РФ, разработал концепцию научно-технологической стратегии, ориентированную на освоение ТУ-6, и национальной программы повышения конкурентоспособности на базе освоения и распространения ТУ-6. Суть этой концепции в следующем.

Во-первых, это стратегия опережающего развития на базе инновационно-технологического прорыва, основы которой разработаны С.Ю. Глазьевым. Она должна носить селективный характер, исходя из структуры и мировых тенденций освоения ТУ-6, и учитывать имеющиеся заделы и возможности освоения инновационных ниш, прежде всего на внутреннем рынке, где ныне доминируют ТНК и их щупальца — компрадоры. Исходя из этого подхода должна быть определена система долгосрочных приоритетов научно-технологического прорыва.

Во-вторых, основным инструментом реализации этой стратегии должна стать национальная (надведомственная, президентская) программа на период до 2030 г., обеспечивающая достижение выбранных приоритетов в сжатые сроки.

В-третьих, на выполнение национальной программы и ее составляющих — национальных проектов по базовым направлениям ТУ-6, их прикладному использованию в отраслях экономики и в макрорегионах (федеральных округах) должны быть сконцентрированы государственные и частные ресурсы, значительная доля природной ренты.

В-четвертых, национальная программа должна пройти всенародное обсуждение и получить высокое правовое признание в виде федерального закона, а также федерального закона «О государственной поддержке разработки и освоения принципиально новой техники, основанной на отечественных изобретениях» и других правовых актах.

В-пятых, реализация национальной программы и национальных проектов должна быть поддержана подготовкой инновационно ориентированных кадров всех уровней — от квалифицированных рабочих, инженеров, менеджеров до высших государственных служащих всех рангов. Сейчас кадров для базисных инноваций практически нет.

Наконец, *в-шестых*, такая программа должна получить энергичную поддержку гражданского общества, и прежде всего молодого поколения, которому придется ее осуществлять.

Будущее России, ее место в геочивилизационном пространстве XXI в. зависят от того, будут ли восприняты и реализованы рекомендации ученых.

Пятый краеугольный камень: интеграционные резервы научно-технического прорыва

В современном глобализованном мире осуществить стратегию научно-технического прорыва в одиночку, при опоре только на собственный опыт практически невозможно. В то же время включение в глобальный процесс научно-технического переворота и освоения ТУ-6 может быть двояким: либо курс на заимствование зарубежных технологий, технических средств и новых материалов (этот курс сейчас преобладает), либо стратегия захвата лидерства — совместно с партнерами — в определенных сегментах научно-технического рынка, что будет способствовать повышению конкурентоспособности и эффективности экономики.

Мы предлагаем России выступить с научно-технологической инициативой в пяти направлениях.

Во-первых, по выработке и реализации евразийской научно-технологической стратегии, ориентированной на технологический прорыв, на освоение и распространение ТУ-6. Такая стратегия не только позволила бы объединить сильно поредевший научный, изобретательский и технологический потенциал на прорывных направлениях, но и стала бы центром притяжения для возрождения евразийской цивилизации, деятельности ЕврАзЭС, Евразийского экономического союза, СНГ.

Во-вторых, опираясь на опыт Китая и его интеграцию с Россией, стоило бы совместно выступить с предложением о разработке долгосрочной научно-технологической стратегии Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Это поможет изменить ныне преобладающие тенденции, развивать научно-технические связи и проекты, совместно наполнять внутренние рынки высокотехнологичным товаром, выступать с ними на внешних рынках, в том числе в ВТО.

В-третьих, в соответствии с предложением Саммита группы БРИКС в Южной Африке было бы целесообразно выработать научно-технологическую стратегию стран БРИКС. В условиях НТР-21 это дало бы возможность скоординировать научно-технологическую политику ведущих держав пяти цивилизаций — китайской, индийской, российской, латиноамериканской, африканской — для совместного освоения базисных и прикладных направлений ТУ-6, расширить масштабы рынка на основе взаимной поставки высокотехнологичных товаров и ослабить удушающее воздействие ТНК, которые стремятся монополизировать достижения НТР-21.

В-четвертых, было бы целесообразно, чтобы Россия вступила в ВТО с инициативой о разработке научно-технической составляющей устойчивого развития и включении ее в новую систему долгосрочных целей устойчивого развития, подготовленного в соответствии с итоговым документом РИО+20, и в долгосрочную стратегию глобального устойчивого развития на базе партнерства цивилизаций. Определенные шаги в этом направлении сделал Международный институт П. Сорокина—Н. Кондратьева, подготовив и представив в ООН и Конференции РИО+20 доклад международного коллектива ученых «Основы долгосрочной стратегии глобального устойчивого развития на базе партнерства цивилизаций». В настоящее время завершается подготовка для представления для Саммита «Группы 20» в Санкт-Петербурге доклада «Научные основы стратегии преодоления цивилизационного кризиса и выхода на траекторию глобального устойчивого развития».

Мы надеемся, что видение и рекомендации российских ученых будут поддержаны ООН, восприняты и воплощены в жизнь руководством страны, что жизненно необходимо для преодоления чрезмерно затянувшегося кризиса и его последствий.

Литература

1. Прогноз инновационно-технологического развития России с учетом мировых тенденций до 2030 года. М., 2008.
2. *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М., 2010.
3. *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития и интеграции на основе шестого технологического уклада // Партнерство цивилизаций. 2013. № 1; 2.
4. *Яковец Ю.В.* Эпохальные инновации XXI века. М., 2004.
5. *Яковец Ю.В.* Глобальные экономические трансформации XXI века. М., 2011.
6. *Яковец Ю.В.* Великая научная революция XXI века. М., 2010.
7. *Яковец Ю.В.* Научно-техническая революция XXI века в ритме смены цивилизационных циклов // Философия хозяйства. 2012. № 5.
8. Анализ факторов научно-технологического развития в контексте цивилизационных циклов. М., 2012.

П.В. ПАВЛОВ

Особая экономическая зона как институт эффективного развития инновационной экономики

Аннотация. Статья посвящена решению задачи развития инновационной экономики путем возрождения института особых экономических зон (ОЭЗ). Результатом исследования проблемы стало создание концептуальной модели развития особых экономических зон в России и ряда методик совершенствования деятельности ОЭЗ с целью формирования полноценного международного механизма, способствующего развитию инновационной составляющей экономики государства.

Ключевые слова: особая экономическая зона, мировая торговля, конкурентоспособность, инновационная экономика, инвестиционная привлекательность.

Abstract. In this article author determines the goals of innovation economy progress by free economic zones. The author develops conceptual model of free economic zones advance in Russia and suggests some methods of improvement free economic zone's activity for creation international mechanism for making innovation economy in our country.

Keywords: free economic zone, world commerce, competitiveness, innovation economy, investment attractiveness.

Глубокая трансформация системы мировой экономики на фоне высокой турбулентности в сфере международных отношений выступает мощным стимулом к инновационному развитию России с ориентацией на качественную перестройку всей структуры хозяйствования. В этом процессе именно внешняя торговля России является основным «мостом» для обеспечения возможности полноценной интеграции страны в систему мирохозяйственных связей. Она позволяет участвовать в распределении мировых ресурсов, создавать и использовать конкурентные преимущества отечественной продукции, обеспечивать возможность расширения международных связей России. Однако сегодня положение России во внешней торговле товарами и услугами не столь благополучно. Несмотря на принятый в последние годы курс на модернизацию в целях диверсификации и обновления экономики, Россия де-факто продолжает следовать топливно-сырьевому сценарию развития. Низкий уровень инвестиционной активности, инновационной составляющей и научно-технического потенциала негативно сказывается на развитии многих отраслей отечественной экономики.

Как результат, одним из приоритетных векторов развития отечественной экономики должно стать кардинальное изменение структуры хозяйствования и внешней торговли за счет наращивания объемов экспорта товаров с высокой добавленной стоимостью, наукоемкой продукции, технологий и услуг [1, 26].

Сделать Россию способной конкурировать с развитыми странами в ближайшем будущем можно путем обеспечения конкурентных преимуществ в определенных отраслях народного хозяйства на местном, региональном, а потом федеральном и международном уровнях. Это предопределяет необходимость совершенствования существующих механизмов и институтов модернизации с целью преодоления дисбалансов отечественной экономики, наращивания конкурентных преимуществ страны и гармоничного встраивания ее в мировое экономическое пространство.

Зарубежный опыт показывает, что развитие национальных отраслей промышленности во многом определяется государственной политикой, направленной на создание благоприятных условий для осуществления инвестиционной деятельности, защиту внутреннего рынка, повышение конкурентоспособности отечественной продукции. В стимулировании развития отраслей народного хозяйства, в том числе работающих на экспорт, невозможно обойтись без использования общепринятых и доказавших свою эффективность инструментов: льготного кредитования и налогообложения, предоставления государственных гарантий под внешнее финансирование экспортного производства, предложения определенного «пакета» льгот и привилегий инвесторам, государственного содействия в продвижении отечественной продукции на внешние рынки [2, 53]. Наличие всех этих инструментов сочетается в механизме создания и применения *особых экономических зон (ОЭЗ)*.

Мировой опыт развития международных торговых отношений нельзя представить без функционирования особых экономических зон. В мировой практике это уникальная мастерская по формированию и производству тех экономических отношений, которые изначально отсутствуют в стране. Несмотря на очевидные экономические выгоды, особый режим на территории ОЭЗ имеет в нашей стране ограниченное применение.

Несмотря на наличие Федерального закона об ОЭЗ от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ [3], до настоящего времени окончательно не изучено влияние ОЭЗ на развитие национальной экономики и не принята концептуальная модель развития особых экономических зон в России, позволяющая определить ключевые направления функционирования различных типов зон — промышленно-производственных; технико-

внедренческих; туристско-рекреационных; портовых особых экономических зон.

Такое разграничение проводится в первую очередь в зависимости от видов деятельности, которыми резиденты могут заниматься на территориях соответствующих ОЭЗ.

Технико-внедренческие зоны предназначены для разработки и внедрения продуктов научной деятельности, стимулирования инновационного процесса в них, позволяющего при ограниченном привлечении государственных средств эффективно использовать все финансовые, материальные, научные, природные, информационные и другие ресурсы для укрепления научно-технического потенциала национальной экономики и развития высокотехнологичных производств.

Основная цель технико-внедренческих ОЭЗ заключается в разработке новых «прорывных» идей, реализации их в инновационных технологиях и товарах путем доведения до опытного, а затем до массового производства и продвижения на рынки, что активизирует экономику страны в целом. Инновационный прорыв для современной России — это реальное слагаемое быстрой модернизации страны, возможность повышения качества жизни людей и конкурентоспособности экономики.

В этих зонах предполагаются разработка принципиально новых технологий, материалов и товаров; осуществление экспериментального производства небольших партий товаров. Формирование технико-внедренческих зон в мировой практике происходит в основном вокруг крупных научных центров.

Промыленно-производственные зоны предназначены для производства высококачественной конкурентоспособной продукции с целью насыщения внутреннего потребительского рынка и производства продукции, способной конкурировать на общемировом рынке. Создание промышленно-производственных ОЭЗ направлено на привлечение в приоритетные отрасли экономики капитальных вложений (в сумме, эквивалентной не менее 120 млн р. на каждого резидента ОЭЗ) в целях насыщения внутреннего потребительского рынка и производства продукции, способной конкурировать на общемировом рынке.

Туристско-рекреационные зоны создаются для повышения конкурентоспособности туристской и другой деятельности в сфере туризма, развития лечебно-оздоровительных курортов и деятельности по организации лечения и профилактики заболеваний, по разработке и использованию природных лечебных ресурсов. Создание туристско-

рекреационных ОЭЗ имеет особое значение в силу того, что туризм — это самая мультипликативная сфера услуг с точки зрения количества занятых в ней работников и создания дополнительных рабочих мест.

Принципиальное отличие туристско-рекреационных ОЭЗ от промышленно-производственных и технико-внедренческих состоит в том, что акцент в этих зонах делается не на производстве каких-либо товаров, а на оказании услуг населению. Развитие и рациональное использование туристских и лечебных ресурсов на территории ОЭЗ должны способствовать экономическому подъему в целом в данном регионе.

Целью создания *портовых зон* является привлечение инвестиций на осуществление деятельности по строительству и реконструкции объектов инфраструктуры морского порта, речного порта, аэропорта. Суммы привлекаемых инвестиций при строительстве новых объектов инфраструктуры нового морского порта, речного порта или аэропорта должны составлять на каждого участника (резидента) не менее 400 млн р., при реконструкции объектов инфраструктуры морского порта, речного порта, аэропорта — не менее 120 млн р.

Особая экономическая зона создается на сорок девять лет. С момента вступления в силу Закона об ОЭЗ (27 августа 2005 г.) по настоящее время в России было создано 26 ОЭЗ, однако в настоящее время действуют только 17:

- шесть специализируются на развитии промышленного производства (ОЭЗ «Алабуга», ОЭЗ «Липецк», ОЭЗ «Тольятти», ОЭЗ «Моглино», ОЭЗ «Титановая Долина», ОЭЗ «Людиново»);
- пять — на технологических инновациях (ОЭЗ «Зеленоград», ОЭЗ «Дубна», ОЭЗ «Санкт-Петербург», ОЭЗ «Томск», ОЭЗ «Иннополис»);
- четыре — на развитии туристско-рекреационного бизнеса (ОЭЗ «Алтайская Долина», ОЭЗ «Байкальская гавань», ОЭЗ «Бирюзовая Катунь», ОЭЗ «Ворота Байкала»);
- две — на развитии портово-логистических и транспортных узлов (ОЭЗ «Ульяновск-Восточный», ОЭЗ «Советская гавань») [4].

С 2006 г. по настоящее время в особые экономические зоны России пришло более 430 инвесторов (резидентов) из 23 стран. Среди них есть такие транснациональные гиганты, как «Yokohama», «Itochu», «Sojitz», «Air Liquide», «Bekaert», «Rockwool», «Novartis», «Plastic Logic», NSN, «Arkrau» и др. Объем заявленных резидентами инвестиций — более 400 млрд р. [5].

Когда говорят о преимуществах, предоставляемых в ОЭЗ, в первую очередь вспоминают о налоговых и таможенных льготах. Однако

налоговые и таможенные льготы по привлекательности для инвесторов находятся только на третьем-четвертом месте.

На первом месте для потенциальных инвесторов — создание инженерной инфраструктуры за счет средств государства — дороги, коммуникации, энергетика, здания. В нашей стране создание ОЭЗ основано на государственно-частном партнерстве, заключающемся в совместном вложении средств бюджета и частных инвестиций в развитие той или иной территории. Государство отвечает за строительство инфраструктуры, а частный бизнес — за коммерческие объекты. Кроме того, рядом с территорией ОЭЗ создается социальная инфраструктура: жилье, детские сады, школы — все необходимое для жизни и деятельности специалистов-резидентов. Финансирование из федерального бюджета для создания внутренней инфраструктуры осуществляется через уставный капитал ОАО «Особые экономические зоны», которое создано весной 2006 г. и 100% акций которого принадлежит Российской Федерации. ОАО «ОЭЗ» является заказчиком — застройщиком объектов зон. В строительство инженерной инфраструктуры инвестируют и регионы.

Второй блок позитивных факторов связан с режимом дружественного администрирования, т. е. реальным снижением административных барьеров и количества контрольных мероприятий. Права резидента в сфере экономической деятельности всегда ограничены бременем исполнения обязательств, обусловленных его участием в осуществлении режима особой экономической зоны. Резидент обязан обеспечить органам государственного контроля доступ на свои объекты недвижимости, предоставлять им надлежащую информацию, исполнять иные требования, обусловленные проведением контроля. Специфика административного режима, действующего на территориях ОЭЗ, состоит, прежде всего, в закреплении особого порядка осуществления деятельности органами государственного контроля на территории ОЭЗ. Мероприятия по контролю, за исключением налогового и таможенного, осуществляются органами государственного контроля (надзора) в виде плановых комплексных проверок, по согласованию с органами управления особыми экономическими зонами. Срок проведения плановых комплексных проверок не может превышать две недели. Внеочередные проверки проводятся по согласованию с органами управления особыми экономическими зонами. Срок проведения внеочередной проверки не может превышать одну неделю. В ОЭЗ обеспечивается четкое сопровождение менеджмента проектов, вплоть до того, что в администрации должны находиться юрист, нотариус,

представители пенсионного и медицинского фондов, налоговой службы, страховые и всевозможные другие специалисты для осуществления в режиме «одного окна» всего комплекса работ, связанных с оформлением прав собственности, получением различных разрешений на строительство, урегулированием миграционных вопросов и т. д.

Особенность правового режима предпринимательской деятельности на территории ОЭЗ проявляется в особых гарантиях, которые законодатель предоставляет резидентам ОЭЗ. С точки зрения фискальной политики государство регулярно недополучает в бюджет суммы данных льгот. Но в то же время создание совместных предприятий на территории России позволяет привлечь в отечественную экономику иностранные инвестиции, обеспечить занятость российским гражданам, улучшить политический климат в стране, повысить качество производимой продукции.

Третий блок — режим свободной таможенной зоны (рис. 1), что является хорошим стимулом для импорта высокотехнологичного оборудования. Этот режим предполагает, что все сырье и технологические компоненты будут импортироваться в зону и вывозиться за рубеж без уплаты НДС и таможенной пошлины [6, 196]. Для импортозависимых производств с длительным сроком производства это хорошая инвестиционная возможность.

Рис. 1. Режим свободной таможенной зоны, применяемый в ОЭЗ

Наконец, *четвертый блок* — предоставление налоговых преференций, пусть и не самых больших в мировой практике: освобождение от земельного и имущественного налогов, льготы по налогу на прибыль, осуществляется региональными и местными законами, принимаемыми региональными и местными законодательными собраниями (рис. 2). Все эти факторы и дают уникальную синергию предпринимательского потенциала в особых зонах [7, 244].

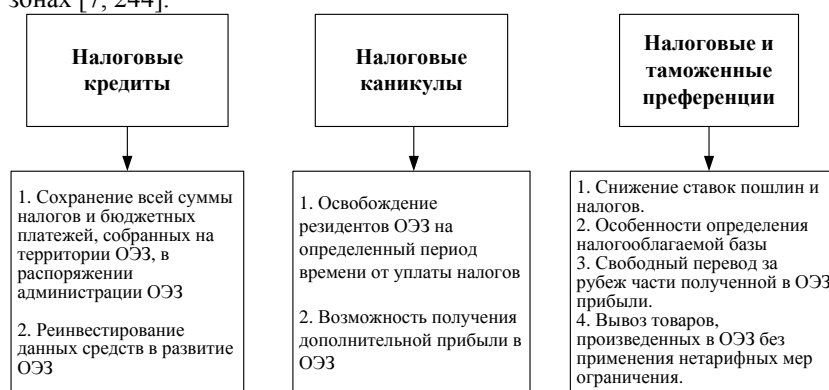

Рис. 2. Налоговые преференции в ОЭЗ

Особое внимание уделяется государственному регулированию деятельности ОЭЗ. Сфера государственного регулирования ОЭЗ охватывает все финансовые, организационно-экономические, нормативно-правовые проблемы, предвидеть и решить которые на более низком уровне хозяйствования объективно невозможно.

Непосредственное управление ОЭЗ до октября 2009 г. осуществляли Федеральное агентство по управлению особыми экономическими зонами (РосОЭЗ) и его территориальные органы, составляющие единую централизованную систему управления ОЭЗ и именуемые законодателем «органами управления особыми экономическими зонами». С 5 октября 2009 г. в целях оптимизации структуры федеральных органов исполнительной власти РосОЭЗ было упразднено, а его функции были переданы Министерству экономического развития РФ.

Минэкономразвития России осуществляет контроль предпринимательской деятельности резидентов ОЭЗ и обеспечивает проведение контроля иными публичными органами. В сфере управления публичным имуществом Минэкономразвития России

распоряжается соответствующими объектами недвижимости, расположенными на территории ОЭЗ. Минэкономразвития России также наделено полномочиями в сфере публичной контрактации и оказания государственных услуг физическим и юридическим лицам (в том числе субъектам предпринимательства). Таким образом, применительно к ОЭЗ Минэкономразвития России является органом особой публичной компетенции, наделенным эксклюзивными контрольными полномочиями, осуществляемыми, как правило, федеральными службами.

Наряду с Минэкономразвития России и его территориальными органами управление особыми экономическими зонами обеспечивают публичные органы субъекта РФ и муниципального образования, а также частноправовые субъекты — представители резидентов ОЭЗ и коммерческих организаций, входящие в состав наблюдательного совета ОЭЗ. В состав наблюдательного совета также входят представители Минэкономразвития РФ, исполнительного органа государственной власти субъекта Федерации, исполнительно-распорядительного органа муниципального образования. Наблюдательный совет в качестве координационного органа согласовывает деятельность публичных органов, участвует в проведении финансового контроля, а также в деятельности по прогнозированию развития ОЭЗ.

К числу основных целей и задач, стоящих и решаемых с помощью государственного регулирования ОЭЗ, следует отнести:

- отбор приоритетных проектов для создаваемых в стране зон, способствующих развитию экономики регионов и страны в целом;
- формирование необходимой нормативно-правовой и организационно-экономической базы для осуществления зонирования;
- обеспечение эффективного и целесообразного характера протекающих в ОЭЗ социально-экономических процессов;
- адаптация всех элементов хозяйственного механизма ОЭЗ друг к другу и складывающейся конъюнктуре в производстве и распределении;
- обоснование и установление всех видов льгот, требующихся для реализации каждой из принятых к реализации программ в ОЭЗ;
- обеспечение экономической безопасности региона и страны в целом.

Анализ опыта существования в России свободных экономических зон показал, что образование в РФ регионов ускоренного экономического роста, основой которых выступают ОЭЗ, должно подчиняться концептуальной модели развития ОЭЗ в РФ. Данная модель должна включать вопросы определения принципов создания

ОЭЗ в России, территориальной дислокации ОЭЗ, развития инфраструктуры ОЭЗ, контроля доступа в ОЭЗ, организации хозяйственно-экономической деятельности в ОЭЗ (рис. 3).

Рис. 3. Схема концептуальной модели развития ОЭЗ в России

Кроме того, разработан специальный научно-методический аппарат, включающий комплекс методик и методических положений по совершенствованию деятельности ОЭЗ (рис. 4).

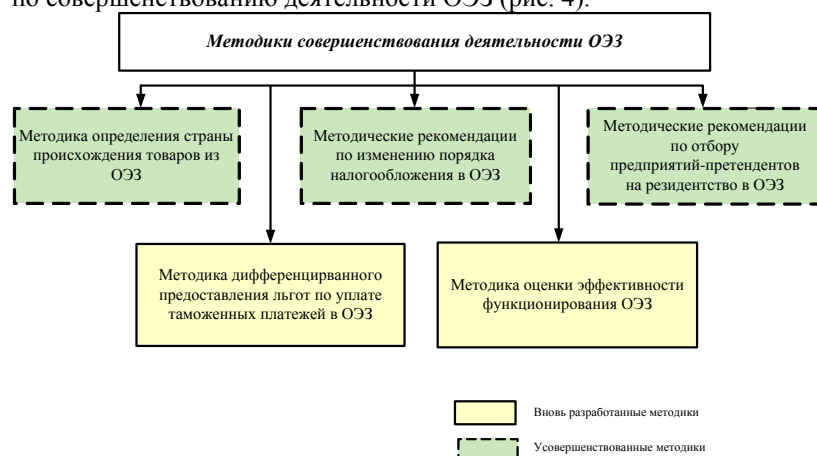

Рис. 4. Методики совершенствования деятельности ОЭЗ в России [7, 151—173]

Благодаря совершенствованию процесса регулирования деятельности ОЭЗ, курс на их организацию позволит решать насущные задачи российской экономики:

- создание условий для развития инновационной инфраструктуры, обеспечивающей использование результатов научных исследований и разработок при ограниченном привлечении государственных средств;
- применение механизмов и стимулов развития инновационных организаций, работающих в области коммерциализации технологий;
- подготовка менеджеров для инновационной деятельности в научно-технической и промышленной сферах;
- привлечение в приоритетные отрасли экономики капиталных вложений;
- повышение конкурентоспособности продукции и технического уровня производства, замещение импортной продукции продукцией собственного производства;
- повышение эффективности промышленных организаций на основе новых технологий и освоения производства наукоемкой продукции;

- расширение информационных услуг, разработка новых технологий производства продукции;
- повышение конкурентоспособности туристской и другой деятельности в сфере туризма, развитие деятельности по использованию природных лечебных ресурсов;
- создание новой и реконструкция существующей инфраструктуры аэропортов, морских и речных портов в РФ.

Литература

1. *Архипов А.Ю., Черковец О.В.* Внешнеэкономическая деятельность российских регионов. Ростов н/Д, 2005.
2. *Басенко А.М.* Свободные экономические зоны в механизме интеграции национальной экономики в систему мирохозяйственных связей. Ростов н/Д, 2002.
3. Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в РФ» // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. 2). Ст. 3127.
4. www.gossez.ru.
5. www.economy.gov.ru.
6. *Павлов П.В.* Специальные налоговые и таможенные режимы. Таганрог, 2010.
7. *Павлов П.В.* Особые административно-правовые режимы осуществления внешнеторговой деятельности. М., 2012.

С.В. КАЙМАНАКОВ

Необходимость неоиндустриализации в России: выход на безопасный технологический уровень и траекторию инновационного развития

Аннотация. Статья посвящена обоснованию необходимости и принципам проведения неоиндустриализации в России. Рассматриваются современный технологический уровень отечественной экономики, возможности его повышения и ее перевода на тренд инновационного развития. Предлагается новая модель оценки эффективности инновационных проектов.

Ключевые слова: неоиндустриализация, технологический уровень, национальная безопасность, конкурентоспособность,

инновации, стратегическое планирование, импортозамещение, инновационные проекты.

Abstract. The article is devoted to the principles of necessity and justification of neoindustrialization in Russia. We consider the modern technological level of the domestic economy, the possibilities of its increase, and the translation of the trend of innovative development. A new model of evaluating the effectiveness of innovative projects.

Keywords: neoindustrialization, technological level, national security, competitiveness, innovation, strategic planning, import substitution, innovative projects.

Современный технологический уровень российской экономики. Состояние отечественной экономической системы характеризуется разнородным технологическим уровнем ее отраслей и предприятий, причем с преобладанием устаревших (устаревающих) технологических укладов. Тогда как переход к новой экономике связан с формированием инновационного сектора. Динамика экономического роста, уровень конкурентоспособности стран в мировом сообществе определяются не столько объемом физических ресурсов, сколько достижениями науки и технологий.

Приведем некоторые статистические данные, характеризующие технологический уровень экономики России и ее инновационный сектор. В 2010 г. доля затрат на исследования и разработки составляла 1,16% от ВВП, было создано 864 передовых производственных технологий, а удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций составлял 9,3%. Соответственно доля инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженной продукции достигла лишь 4,9% [1]. Это крайне низкие показатели по сравнению развитыми странами Европы, США и Японии, имеющими высокий уровень конкурентоспособности.

В разработанной Всемирным экономическим форумом методике оценки конкурентоспособности экономик различных государств, основанной на многофакторном подходе, глобальная конкурентоспособность страны определяется индексом глобальной конкурентоспособности. Он составлен из 113 переменных, которые детально характеризуют конкурентоспособность стран мира, находящихся на разных уровнях экономического развития.

Каждая из этих групп является определяющей для характеристики экономики страны. Экстенсивно (факторно) развивающаяся экономика на 60% определяется соблюдением базовых требований, на 35% — факторами, повышающими эффективность, на 5% — инновационными характеристиками. Интенсивно развивающаяся экономика на 50%

обеспечивает свое развитие за счет факторов, повышающих эффективность, на 40% — за счет базовых параметров и на 10% — инновационных.

В соответствии с последними данными РФ попадает в группу стран с экономикой, переходной от интенсивного к инновационному типу развития. Наша страна занимала в 2006 г. 62-е место (из 125 стран мира), в 2008 — 51-е место (из 134 стран), в 2010—2011 гг. — 63-е место (из 139 стран), в 2011—2012 — 66-е место (из 142 стран), в 2012—2013 — 67-е место (из 144 стран) с величиной индекса глобальной конкурентоспособности 4,2 (1-е место у Швейцарии с индексом 5,72) [2, 304—305].

Наибольший интерес для нас представляют две позиции: технологическая готовность и инновации. Технологическая готовность определяет восприимчивость экономики к новым технологиям, ее способность к адаптации. Этот индекс характеризуется такими позициями, как наличие высоких технологий; устойчивость технологического развития; законы, направленные на ИКТ; технологический трансферт и т. д.

Показатель технологической готовности приобрел свое решающее значение именно в последнее время, когда главным условием эффективного развития любой экономики становится технологический уровень производства. Технологическая готовность формируется в контексте основного технологического назначения страны и характеризует распространение пятого технологического уклада. Именно информационно-коммуникационные технологии сегодня определяют уровень технологической готовности экономики, создавая условия для последующих технологических преобразований. В данном случае не так важно, создает ли экономика новые технологии самостоятельно или приобретает их, важен уровень технологического восприятия.

Другое дело — способность страны к инновациям и расширению границ знаний. В этом случае речь идет о создании нововведений. Инновационность экономики определяется: способностью к инновациям; качеством НИИ; расходами компаний на исследования и разработки; сотрудничеством промышленности и университетов в области научных исследований; правительственными расходами на высокотехнологичную продукцию; наличием ученых и инженеров; полезными патентами.

По показателю технологической готовности Россия в 2012—2013 гг. находилась на 57-м месте с индексом 4,1, а по показателю инноваций — на 85-м месте с индексом 3,0. Это крайне низкие

показатели для страны, которая еще двадцать лет назад была второй промышленной державой мира и обладающей до сих пор масштабным научно-технологическим потенциалом.

В экономике страны в целом продолжают нарастать структурные деформации. Быстрорастущие виды экономической деятельности: операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, торговля, финансовая деятельность — оказывают существенное влияние на структуру экономики, оттягивая на себя ресурсы и сдерживая тем самым развитие реального сектора. Для промышленности стал характерен «структурный крест»: если в 1990-х гг. доля топливной промышленности в общем объеме промышленного производства была меньше доли машиностроения (а это материальная основа повышения технологического уровня всей экономики), то в начале 2000-х гг. произошло пересечение этих двух кривых, доля топливной промышленности продолжает увеличиваться, а доля машиностроения сократилась и стабилизировалась на низком уровне.

Все эти процессы происходят на фоне замедления темпов экономического роста. В первом квартале 2012 г. рост ВВП составил 4,8%, во втором — 4,3%, в третьем — 3%, в четвертом — 2,1%. По итогам первого квартала 2013 г. темп прироста ВВП упал до 1,1%. Минэкономразвития прогнозирует рост экономики на 2013 г. 2,4% ВВП (меньше, чем рост мировых экономик), и это при высокой цене на энергоносители. Промышленность в январе 2013 г. к соответствующему периоду предыдущего года снизилась на 0,8% (к декабрю 2012 г. — на 11,8%), в феврале — на 2,1%. Российский экспорт в январе 2013 г. снизился на 4,7% по сравнению с январем 2012 г., а импорт за соответствующий период вырос на 7,6% [3]. Повидимому, кроме внутрироссийских факторов на эту динамику повлиял факт вступления РФ в ВТО в августе прошлого года.

Низкий технологический уровень российской экономики вкпе со слабостью инновационной сферы, структурной деградацией на фоне замедления темпов роста ВВП и отрицательных значений динамики промышленности представляют собой серьезную угрозу для страны и ее будущего.

Неоиндустриализация как императив для российской экономики. Выход на безопасный технологический уровень экономики как материальной основы повышения ее конкурентоспособности и занятия достойного места в ряду развитых государств мира возможен только при проведении в стране неоиндустриализации. При рассмотрении имеющихся в литературе концепций «постиндустриального общества», «постиндустриальных тенденций» нужно всегда уточнять, что конкретно имеется в виду. Если признаком «постиндустриального

общества» является более низкая доля промышленности во всей экономике, чем доля сферы услуг, то в этом случае Россия давно уже «постиндустриальная» страна. Но дело в том, что у нас часть раздутой сферы услуг фактически паразитирует на деградирующем реальном секторе экономики, прежде всего промышленности. «Постиндустриальные тенденции» возможны только на основе высокоразвитого отечественного промышленного производства, удовлетворяющего основные потребности экономики и населения страны. Далее. Насущная необходимость проведения неоиндустриализации связана и с внешними факторами. Постепенная утрата США доминирующего положения в мире делает их внешнюю политику непредсказуемой, опасной и агрессивной. Об этом свидетельствуют события в Ливии, Сирии, шантаж Ирана и КНДР. По последним данным, военные расходы США составили 682 млрд дол. Китая — 166 млрд, России — только 91 млрд дол. [4]. И США, и КНР проводят ускоренную технологическую модернизацию своих вооруженных сил. Чем мы будем защищать страну: финансовыми спекуляциями или компрадорской торговлей? Ответ очевиден.

Таким образом, альтернативы новой индустриализации страны нет, в том числе по соображениям национальной безопасности.

Каковы принципы и требования к проведению неоиндустриализации в современной России? На наш взгляд, в кратком изложении их можно свести к следующим пунктам.

1. *Проективность*. Это должен быть главный приоритет — *Большой проект* («проективно регулируемый процесс» — в терминологии Ю.М. Осипова).

2. *Научная обоснованность*. Теоретической основой неоиндустриализации может стать концепция смены технологических укладов С.Ю. Глазьева [5, 4—5]. В период глобального структурного кризиса у стран, отставших от лидеров, появляется реальный шанс для совершения экономического прорыва, т. е. быстрого подъема к уровню развитых стран, за счет опережающего развития ключевых производств и факторов нового технологического уклада. В этом случае Россия сможет «оседлать» новую волну экономического подъема. Для этого потребуется достаточно мощный иницирующий импульс обновления основного капитала на принципиально новой технологической основе. Такое обновление вполне возможно при изменении приоритетов бюджетной и денежно-кредитной политики государства.

3. *Инновационность*. Необходимо подчеркнуть, что речь идет не просто об усилении повышательной тенденции в рамках тренда

современного технологического уклада. Поток инноваций (прежде всего, в промышленности) следующего (шестого) технологического уклада позволяет перейти («перепрыгнуть») на более высокую траекторию инновационного развития, а затем перевести эту траекторию в самоподдерживающийся режим.

4. *Использование отечественного и международного опыта с учетом российской специфики.* Переход на новую магистраль экономического развития был характерен в XX в. для различных стран независимо от общественного строя. Советский опыт проведения форсированной индустриализации 1930-х гг. показал, что для нашего народа ничего невозможного нет. Послевоенные «экономические чудеса» Германии и Японии, а затем и восточно-азиатских «драконов» доказывают, что ускоренная промышленная модернизация возможна и в условиях рыночной экономики. Все из опыта СССР и других государств, что применимо для современной России, должно быть использовано.

5. *Форсированность.* Необходимость ускоренного проведения инновационной неоиндустриализации связана с дефицитом исторического времени у нашей страны. Во-первых, с точки зрения обороноспособности. Наши геополитические противники разрабатывают новейшие виды вооружений, способные преодолевать российские средства сдерживания потенциального агрессора. Во-вторых, пока новый технологический уклад находится в «эмбриональном» состоянии, открыто «окно возможностей» для тех стран, кто быстрее сможет перейти на новую долгосрочную траекторию экономического роста, вложив инвестиции в составляющие этого уклада на ранних фазах развития. Но уже через несколько лет вход на новую технологическую траекторию будет становиться все дороже или будет вообще монополизирован (или блокирован) новыми технологическими лидерами. При среднегодовом темпе роста расходов на НИОКР 20% и инвестиций в основной капитал 15% (а финансовые возможности у России для этого есть) темп роста ВВП может составить 8%, промышленного производства — 10%.

6. *Стратегический подход и стратегическое планирование.* Поскольку инвестиционный лаг составляет несколько лет, то народнохозяйственный эффект будет получен только в перспективе. Поэтому без стратегического подхода не обойтись. Более того, ускоренная неоиндустриализация на инновационной основе требует создания системы современного стратегического планирования: прогнозов, концепций, индикативных планов различных сроков действия. Эта система должна содержать и нормы экономической и

административной ответственности за достижение планируемых целевых показателей, меры экономического стимулирования и принуждения частного сектора к выполнению задач инновационной модернизации промышленности.

7. *Комплексность.* Реализация Большого проекта потребует перестройки многих сфер общественной жизни. Академическая наука будет сконцентрирована на разработке фундаментальных проблем неоиндустриализации. Будет возрождена на современной основе отраслевая наука. Быстрыми темпами начнет развиваться корпоративная наука. Прекратится отток из страны талантливой молодежи, специалистов, а также капитала. Необходимость кадрового обеспечения процессов неоиндустриализации приведет к преобразованию вузов из поставщиков «офисного планктона» в кузницу будущих ученых, инженеров и инновационных менеджеров. Возрождены будут и техникумы, готовящие высококвалифицированных рабочих, и система переподготовки и повышения квалификации. Заработает в полную силу инновационная инфраструктура. Всевозрастающая часть малого и среднего бизнеса от банального «купи-продай» переключится на инновационное предпринимательство.

8. *Импортозамещение.* На первых порах без увеличения импорта новых технологий и оборудования не обойтись. Хотя лучше всего закупать целыми заводами, как это делалось в советское время. Но любой импорт — это зависимость от иностранного поставщика в отношении комплектующих, запасных частей, зарубежных специалистов. Кроме того, возможности использования импортного оборудования крайне ограничены. Сложившиеся в отечественной экономике производственно-технологические цепочки, выстроенные с использованием определенных стандартов и технологий, нередко неспособны включить в свой состав импортные технологии и технику. Поскольку основное технологическое оборудование разрабатывалось преимущественно отечественными конструкторами и производилось отечественными машиностроителями, его модернизация возможна, прежде всего, с участием отечественных специалистов [6, 50]. Поэтому российская неоиндустриализация потребует проведения активной политики импортозамещения.

9. *«Выращивание» национальных индустриальных чемпионов.* Чтобы участвовать на равных в глобальной конкуренции, необходимо создавать вертикально-интегрированные межотраслевые корпорации, сходные по структуре с западными ТНК, японскими кейрецу. Их основу должны составлять добывающие и обрабатывающие

производства промышленности, связанные технологическими цепочками. Такие корпорации способны диверсифицировать продукцию, получать технологическую ренту, не только производить высококачественной конечную продукцию, но и обслуживать сферу эксплуатации произведенного изделия в течение его жизненного цикла [7].

Новая модель оценки экономической эффективности инновационных проектов. Пока не заработал Большой проект, спрос частного сектора на инновации невелик. В то же время в новой России реализуются федеральные целевые программы. Оформив соответствующие документы и пройдя через определенные процедуры, предприниматели могут получить доступ к бюджетным средствам для разработки и реализации инновационных проектов и, разумеется, получать прибыль.

Федеральные целевые программы (ФЦП) имеют в своем составе значительное количество плановых показателей и индикаторов. На наш взгляд, необходимо шире применять показатели, принятые в инвестиционном секторе экономики России, а также учитывать международный опыт, имея в виду решение задачи интеграции науки с процессами реальной экономики и разработку рыночно ориентированных технологий оценки и отбора НИОКР.

Нам довелось в составе творческого коллектива участвовать в разработке двух тем, связанных с формированием алгоритма комплексного анализа проектов НИОКР и оценкой экономической эффективности их исполнения с использованием современных информационных ресурсов (госконтракты с Минобрнаукой № 02.521.11.1089 и № 14.521.12.1002). Результатом этой работы стала разработка *модели оценки экономической эффективности инновационных проектов*, которая призвана обеспечить рост эффективности расходования бюджетных средств как важнейшего условия реализации научно-технологической модернизации экономики России. Преимущества модели состоят том, что она носит сквозной, унифицированный и непрерывный характер от момента выбора тематики прикладных исследований и разработок для целей бюджетного финансирования до возврата всех бюджетных средств через налоги, а также в нацеленности на гармонизацию интересов всех участников инновационного процесса.

В общем виде модель включает следующие подсистемные блоки: 1) блок разработки и утверждения необходимой нормативно-правовой документации по всему воспроизводственному циклу от объявления конкурса на определение тематики исследований и разработок до оценки экономической эффективности полученных результатов

производства инновационной продукции; 2) блок взаимодействия системы государственного управления и заявителей от имени научного или бизнессообщества по сбору, регистрации, накоплению и последующей обработке инициативных предложений в сфере научно-технической деятельности; 3) блок экспертизы, включая организационно-правовую оценку, научно-техническую экспертизу и финансово-экономический анализ, подготовку интегральной оценки полученных заявок; 4) блок проведения конкурсов, селекции, ранжирования заявок с учетом качества планируемых научно-технических результатов, включая форматы и процедуры подписания государственных контрактов; 5) блок мониторинга и поэтапного контроля над ходом выполнения контрактов, финансируемых из бюджетных или других аналогичных источников; 6) блок сдачи-приемки выполненных работ в формате защиты полученных научно-технических результатов на открытых публичных заседаниях с участием представителей бизнессообщества и выставления оценки коммерциализуемости полученных результатов; 7) блок подготовки и запуска производства новой высокотехнологичной продукции и статистического учета микроэкономического и народнохозяйственного эффекта.

Составной частью вышеуказанной целостной модели, ее стартовым элементом является «Методика определения значений начальной (максимальной) цены лота на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ». Причем все расчеты по данной методике производятся в автоматическом режиме на базе адаптированного авторами для соответствующих целей исследования сертифицированного программного продукта Альт-инвест Сумм.

Основные положения модели и методики в кратком изложении были опубликованы в 2011 г. [8]. А в сентябре 2012 г. была утверждена министерская методика, в основу которой были положены наработки нашего творческого коллектива.

Подводя итог, отметим, что от решения задачи инновационной неоиндустриальной трансформации России, диктуемой внешними и внутренними факторами, зависит, сможет ли она сохранить свой экономический и политический суверенитет и войти в число технологический лидеров. Либо она окончательно будет отброшена на периферию мирового развития. Главное — не упустить время.

Литература

1. Россия в цифрах. 2012: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2012.

2. The Global Competitiveness Report 2012—2013 // http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2012-13.pdf.
3. Социально-экономическое положение России — 2013 г. // http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_01/IssWWW.exe/Stg/d02/1-0.htm.
4. Последние тенденции в области военных расходов // <http://www.sipri.org/research/armaments/milex/Top%2015%20table%202012.pdf>.
5. Глазьев С., Фетисов Г. О стратегии устойчивого развития экономики России // Экономист. 2013. № 1.
6. Корнев А. Об обновлении активной части основного капитала производственной сферы // Экономист. 2013. № 1.
7. Губанов С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист. 2011. № 11.
8. Кайманакон С.В., Кирпичников А.А., Кондаков А.Г., Кретов С.И. Руководство по оценке экономической эффективности инновационных проектов. М., 2011.

А.А. ЗАЛЕТНЫЙ

От «активов» к «авуарам»: финансовый сектор

Аннотация. В настоящей статье, базируясь на конкретных примерах, автор обосновывает необходимость восстановления статуса понятия «авуары», как более адекватно отражающего реальную экономическую ценность имущества, в том числе для целей финансового сектора, чем общее понятие «активы».

Ключевые слова: активы, авуары, банк, кредит, стейкхолдер.

Abstract. In the present article, on the basis of the concrete examples, the author proves the necessity of restoration of the status of the notion «avours» which more adequately reflects the actual economic value of a property than the notion «assets» («actives») which is more generic.

Keywords: assets («actives»), avours, a bank, a credit, a stakeholder.

В последние два десятилетия для характеристики *имущества* в широком смысле чаще всего используется термин «активы» (восходящий — через английский — к латинскому «activus» и далее «agree» — «действовать»). В то же время примерно до конца третьей четверти прошлого века в общем-то то же самое содержание в логическом смысле («имущество в широком смысле слова») имел

термин «авуары». Происходит последний от французского «avoir» — «иметь», что, отличая его от «активов», обозначает *действительный* характер обозначаемой им экономической сущности и делает бессмысленным его отнесение к экономическим, прежде всего финансовым, фикциям как невозвратная (порой и искусственно созданная) задолженность банкам.

Такая терминологическая перемена в условиях перехода от «советской» экономики к экономике «трансформационной» не может не находить негативную реакцию у подлинно прогрессивных экономистов — как теоретиков, так и практиков, пусть хотя бы и на подсознательном уровне. Как отмечал Д.С. Львов, «люди находятся сегодня в тисках постоянно усиливающегося эмоционального стресса, связанного с резкой деформацией привычного, исторически сложившегося уклада жизни... На первое место были выдвинуты критерии *материального благополучия для себя, не сообразуясь с положением других*². *Краткосрочные* интересы текущей выгоды стали *превалировать над долгосрочными* целями возрождения и развития страны... Шоковая пересадка в душу людей новых ценностей не могла не вызвать их безудержного отторжения» [1, 17]. Понятно, что в охарактеризованной Д.С. Львовым ситуации на «рефлексию» времени хватает далеко не всегда, но произносятся слово «активы», как ученый, так и банкир представляет себе в первую очередь, по меткому выражению одного из последних премьер-министров СССР В.С. Павлова, «финансовые мышеловки» [2, 324—325] — векселя, права требования, прочие финансовые инструменты, часто не имеющие действительного наполнения, а уже лишь во вторую очередь — реальные имущественные, в том числе производственные, комплексы. Слова председателя Центрального банка России в 1992 г. Г.Г. Матюхина, что «современное цивилизованное государство давно пришло к выводу, что злоупотребление печатным станком ведет к разрушению экономики» [3, 79] (применительно к самым последним дням см. также [4] — зарубежная оценка), принципиально относимы не только к денежной эмиссии государством, но и к эмиссии хозяйствующими субъектами разного рода финансовых инструментов с чисто спекулятивными целями без того, чтобы задумываться о наполнении (обеспечении) этих инструментов реальными «авуарами», а не просто активами.

Наше рассмотрение, следующее ниже, имеет сознательный крен в сторону эмпирики. Конкретные примеры из нашей реальной практики

² Здесь и далее по тексту статьи курсив в цитатах наш. — А.З.

могут считаться репрезентативными уже потому, что наблюдаемое в них сознательное протаскивание финансовых пузырей под видом не просто активов, а именно «авуаров», как можно будет наблюдать, изначально было нацелено на уход от возврата выданных банком кредитов, осуществленный самим же банком, т. е. на выдачу заведомо невозвратного кредита: по существу (по содержанию) — то, что в свое время В. Кокорев характеризовал как «превращение скрытых издержек неэффективного распределения ресурсов и дестимуляции труда в явные транзакционные издержки...», наблюдаемое прежде всего «на первых этапах реформ» [5, 68], а по форме — по словам Р.С. Дзарасова, «инвестиционную стратегию российской корпорации», в данном конкретном (и нередко, по его же словам) случае приобретающую «ущербный характер краткосрочных вложений в отсталые технологии низкого качества» [6, 13].

Мы рассмотрим две ситуации, с одной стороны, сходные, а с другой — зеркально противоположные друг другу. В обеих ситуациях обсуждался вопрос о выдаче фактически необеспеченного кредита. В одной ситуации, при этом, кредит был выдан, и мы рассматриваем последствия этого. В другой — при непосредственном нашем участии (автор входил в орган управления того банка на момент попытки выдачи такого кредита) выдача была пресечена. Обе ситуации репрезентативны еще и тем, что в обеих из них собственно экономические, управленческие и правовые аспекты находятся в неразрывном единстве, именно так, как указывает К.А. Хубиев: экономическая власть — феномен, существующий в едином контексте правовых и экономических отношений [7, 8].

Итак, ситуация первая. За относительно короткое время до кризиса 2008 г. некий заимодавец (далее будем условно именовать его — «банк»), хотя в подобных ситуациях формальным кредитором может являться и не банк непосредственно, пусть даже только во избежание уплаты центральному банку суммы обязательных резервов) выдает группу взаимосвязанных кредитов на модернизацию одной из системообразующих отраслей экономики в одном из территориально весьма отдаленных от столицы регионов страны. В роли заемщика выступает частично сама эта организация, частично физическое лицо, неофициально полностью контролирующее названную отрасль в этом регионе. В залог (а затем и формально в собственность) он получает «актив» (но не «авуар» — имущества, кроме небольшой суммы оборотных средств, в ней нет!) — 100 % акций организации, являющейся монополистом в сфере оказания услуг в вышеназванной отрасли, при этом руководителем организации на этой и всех последующих стадиях остается лицо, подконтрольное заемщику.

Наступает время «кризиса», модернизации не происходит, и организация, и физическое лицо представляют себя неплатежеспособными и от дальнейших выплат по кредитам отказываются. При попытке распорядиться залогом (акциями), еще до начала кризиса оформленным в собственность подконтрольной банку компании, банк оказывается перед лицом ситуации, когда организация, чьи акции перешли де-факто к банку, имеет долги перед лицами, так или иначе подконтрольными... тому самому физическому лицу, о котором мы говорили в начале этого абзаца, но которые частично никак не были обозначены в отчетности компании, а частично (в части, оформленной векселями и прочими финансовыми инструментами) проигнорированы при предварительной проверке организации сотрудниками банка на этапе выдачи кредита. Причем таких лиц-«кредиторов» становится тем больше, чем активнее банк входит в процесс управления «залогом», т. е. уже своей собственностью.

Дело усугубляется тем, что банк не имеет организационных средств, в том числе подконтрольного ему квалифицированного персонала, для управления «залогом», и «не позаботился» об обеспечении возможности такого управления еще на этапе выдачи кредита. Да если бы и имел, это не изменило ситуации: долги фирмы-«залога» становятся предметом требований квази-«кредиторов», т. е. фактического должника банка, которые заявляются через государственные (в том числе впоследствии и судебные) органы, а акциями фирмы-«залога» банк распорядиться не может, ибо они заблокированы с помощью такого института, института правового, как арест имущества (в данном случае имуществом являются все 100% акций компании-«залога»). Возникает реальная угроза «управляемого банкротства» (в данном случае — управляемого фактическим должником банка) компании-«залога», по результатам которого банк остается «ни с чем», т. е. без возможности возврата денег (так как он получил компанию-«зalog» в собственность) и без компании-«залога» (так как она прекратит существование путем банкротства).

Заметим, что компания-«зalog» может быть и не единственной в своем роде, и с целью оказания должником давления на банк по некоторым таким компаниям-«зalogам» процедура банкротства может быть уже начата, а то и «успешно» (т. е. с пользой для фактического должника банка — с выводом им в свою пользу всех *авуаров* и иных сколько-нибудь ликвидных активов) проведена. «Выход» предлагает само физическое лицо-должник банка: «выкупить» компанию-«зalog» при посредничестве нескольких номинальных, а по существу по

большей части «подставных» организаций, за определенную долю совокупной (т. е. оформленной суммарно на организацию и на физическое лицо) суммы изначально предоставленного банком кредита. Банк вынужден соглашаться на этот вариант, ибо оказывается перед альтернативой «меньшего или большего зла»: получить назад часть изначально предоставленного кредита (пусть с убытком для себя) либо не получить вообще ничего.

Теоретически обсуждается и третий вариант с многоэтапным (включая соответствующие «переговоры» с держателями, в том числе и бывшими, реестра акционеров компании «залога») реоформлением «залога» на подконтрольные банку компании, разными датами (в том числе более ранними, чем арест акций) с целью «вывода» акций-«залога» из-под ареста, но он отклоняется, так как не только трансакционные, но и репутационные и прочие издержки в этом случае несопоставимы с любыми другими вариантами, так как в этом случае имеют в числе возможных последствий прекращение действия банковской лицензии (и последующее банкротство банка), а также уголовное преследование руководителей и многих сотрудников банка. В результате банк вынужден соглашаться на «наименьшее зло», т. е. на возврат банку группой фактических должников — компания (или группа компаний) плюс физическое лицо — части задолженности на условиях (к которым относятся и сроки), установленных должниками, а не банком. Понятно, что «меньшее» зло может легко перетечь в «большее» (пусть и не в «наибольшее»), т. е. в полный невозврат банку предоставленного им кредита.

Таковы факты. Они сразу вызывают следующий вопрос, ответить на который предстоит нам же. Вопрос один, но в общем-то глобальный. Почему перед выдачей кредита не просто не был проведен полный мониторинг заемщика и всех возможных его задолженностей, но и не было потребовано от заемщика создать новый экономический субъект — юридическое лицо (организацию), который будет «по определению» свободен от таких скрытых предыдущих задолженностей, с помощью которых заемщик будет управлять банком, а не банк — заемщиком? Версия об одновременной некомпетентности всех сотрудников, участвовавших в выдаче такого кредита, не представляется правдоподобной³. Так что «фильтр» на

³ Вспомним, что даже когда первый состав командования Западного фронта времен начала Великой Отечественной войны в июне 1941 г. был обвинен в том, что допустил продвижение войск противника от Бреста до Минска в течение всего лишь недели, то обвинители признавали, что если бы командова-

пути некомпетентности сотрудников среднего звена существовал, как минимум, на уровне акционеров (стейкхолдеров) банка. Поэтому поставим древний вопрос: *qui prodest*⁴? Кому в банке было выгодно, кто из состава «инсайдеров» банка был заинтересован в принятии решения о подобном кредитовании? Каким бы ни был точный ответ на него, без той или иной заинтересованности акционеров (стейкхолдеров) банка в кредитовании оно не состоялось бы. Говорить о возможном прямом коррупционном стимулировании («откате») со стороны заемщика можно, скорее, относительно (т. е. в пользу) среднего звена (в частности, кредитных менеджеров) банка. Касательно же интереса акционеров (стейкхолдеров) в данной конкретной ситуации можно сказать, скорее, обратное: они могли заведомо предвидеть и понимать возможную невозвратность данного кредита, а сам кредит являлся формой коррупционного стимулирования государственных органов того или иного уровня, того или иного региона, где то самое «физическое лицо, неофициально полностью контролирующее соответствующую отрасль в регионе», которое выступало в роли со-заемщика, возможно, играло лишь посредническую роль. Все же манипуляции по «возврату» кредита могли проводиться банком лишь как создание видимости действий по возврату, так как банк обязан проводить подобные действия в отношении неплательщиков на основании вполне формальных институциональных правил — законов и актов Центрального банка. «Заемщик» же не опасался и этих действий, так как фактически сохранял «управленческий контроль» за организацией, выступавшей в роли одновременно «со-заемщика» и «залога» по отношению к банку.

В итоге — здесь происходит вполне подобное тому, о чем пишет Г.Г. Чибриков: «Утечка капиталов происходит через операции с капиталом и внешнеторговую деятельность, <в том числе в виде> предоставления ложных зарубежных кредитов российским банкам. При получении <подобного> кредита утечка организуется путем внесения страхового депозита в иностранный банк, а затем отказа от получения кредита, в результате депозит остается за границей» [8, 565], просто в роли «иностранного банка» здесь, в описанной ситуации, выступает группа со-заемщиков.

Каковы бы ни были мотивы коррупционного стимулирования кого бы то ни было при посредничестве подобных заемщиков — от

ние не делало вообще ничего для обороны, то за ту неделю противник дошел бы не до Минска, а до подступов к Москве.

⁴ Кому выгодно? — *лат.*

возможного вхождения на рынок того региона до прямого безвозвратного вывода средств банка в пользу частично акционеров банка, частично того самого посредника-заемщика — помимо дезорганизации отношений между экономическими субъектами, каковыми являются банк и компания-заемщик, страдают интересы кредиторов, т. е., в частности, вкладчиков и векселедержателей, самого банка, чьи средства банк привлек и именно чьи средства, возможно, он и передал той самой группе заемщиков. Банк вынужден привлекать все новые и новые средства на все более и более «привлекательных» условиях, и на определенном этапе такие ситуации, вероятно, приводят к дефолту банка перед всеми его кредиторами и последующему банкротству, при котором кредиторы банка во многих случаях не получают никакого имущества. В такой ситуации и банк и его кредиторы лишаются как «авуаров», так и всех остальных активов.

Рассмотрим другой вариант развития событий. В банк обращается организация-застройщик с просьбой предоставить кредит на достройку зданий (в основном, но не исключительно, жилых домов), предлагая передать ему в залог (а то и в собственность на время пользования кредитом — в этом сходство с предыдущим рассмотренным вариантом), во-первых, те же самые здания на том этапе готовности, который существовал на момент обращения застройщика в банк (реально речь шла не более чем о 30—40%), во-вторых, свой собственный вексель, реально обеспеченный... все теми же на 30—40% построенными объектами. При этом изменение «застройщика» — будущего «первого» собственника квартир и нежилых помещений — с потенциального заемщика на банк должно согласовываться с «соинвесторами» — будущими «первыми покупателями» помещений (жилых и нежилых), при том что наибольшая часть «соинвесторов» на такое изменение не согласна. Не согласны на это и организации, предоставляющие коммунальные услуги (электроэнергия, газ и др.), чье согласие также требовалось для изменения «застройщика» по утвержденной в государственных органах документации. Даже одного сказанного достаточно, чтобы в случае невозврата кредита при его предоставлении банк был бы лишен возможности продавать «заложённые» ему или даже переданные в собственность помещения, а государственные власти места застройки признавали бы застройщиком по-прежнему застройщика-«заемщика», но не сам банк. И это уже не говоря о том, что организация-застройщик (потенциальный заемщик) и не скрывала перед банком факт, с одной стороны, наличия у нее других задолженностей (в том числе оформленных векселями, но не включенных в официальную финансовую отчетность), с другой стороны, отсутствия у нее каких-

либо «авуаров», кроме тех недостроенных помещений, которые предлагалось передать банку в залог, а потом и в «собственность».

Факты эти вызвали тогда у нас примерно те же вопросы, что и в первом случае, и варианты ответов были примерно сходными. Единственное отличие: вопросы и ответы формулировались, во-первых, на этапе формирования решения, а не *post factum*⁵, во-вторых, гласно и открыто. Частично обеспечению прозрачности (внутри банка, но для всех его сотрудников, вовлеченных в процесс формирования решения, без каких-либо разграничений «уровней доступа к информации») принятия решения способствовала пусть и ограниченная, но практика «открытых офисных пространств», существовавшая в банке на то время (см. [9] — не одна ли это из положительных сторон «изменения баланса между частным и публичным», о котором рассуждает герой публикации Си-эн-эн, при том что существуют и стороны отрицательные?). На заседании кредитного (инвестиционного) комитета (совета), который являлся формально (и должен являться действительно) ключевым органом принятия инвестиционного решения, все эти вопросы и ответы были озвучены нами, и в ситуации пусть ограниченной, но публичности решение по вопросу кредитования того заемщика было принято единственное, какое было разумно возможно в той ситуации: отрицательное.

Две ситуации. Сходные предпосылки. Разные решения. Один из главнейших моментов, к сожалению, заключается в том, что первая ситуация (с положительным решением и всеми вытекающими из него последствиями) намного более типична для современной России, чем вторая — выборка из нескольких сотен инвестиционных решений на примере нескольких банков нынешней Российской Федерации, чья экономика все еще может характеризоваться как трансформационная, может считаться, на наш взгляд, репрезентативной. Такая типичность, увы, неудивительна. Как замечает М.И. Воейков, «наша экономика после всех так называемых рыночных преобразований получается такая, какая только может получиться: мало цивилизованная, коррумпированная, перекошенная и, что самое главное, почти непригодная для развития страны» [10, 141], при этом «проблема социальных ценностей сегодня в российской экономике и политике вообще снята. Как большевики в свое время пытались снять проблему товарности, так и нынешние неолевыевики снимают проблемы нравственности (социальности)» [11, 212]. Вопрос об эффективности

⁵ В данном контексте: после того, что было <уже> совершено — *лат.*

положительного решения о выдаче невозвратного кредита для устойчивого функционирования самого банка не встает даже, не говоря об интересах его вкладчиков и иных кредиторов, ущерб которым должен иметь для акционеров (стейкхолдеров) банка конкретные институционально-правовые, не говоря уже о нравственных, последствия.

Обе ситуации индикативны в отношении того, каким образом, с одной стороны, реально функционирует, а с другой стороны, должен функционировать, как его называет Д.С. Львов, «институт системы принятия решений (включая традиции и механизмы), в том числе стратегических решений... <в том числе> система взаимных ожиданий, подразделяемая на институты *взаимной ответственности* и взаимного *доверия*» [12, 79, 83]. Когда каждый из «уровней» принятия решений в банке — как средний, так и высший — имеет свои собственные, и в очень многих случаях, коррупционные, интересы, то речи не может идти ни об их взаимном доверии, ни об их взаимной ответственности тем более⁶.

Всматриваясь в дальнейшие пути «посттрансформационного» развития экономики России, будем помнить, что они никем не предопределены. Никем, кроме наших собственных действий. В.Г. Гребенников особо подчеркивает, что принцип историзма «отрицает любую теорию о предопределенности пути исторического развития, который якобы с железной необходимостью уготован народам Земли... историческая необходимость, в отличие от природной, имеет дело с открытыми возможностями, из которых должен быть сделан выбор» [13, 95—96]. Планируя любой инвестиционный проект, сделку как на уровне такого относительно локального экономического субъекта, каким является банк, так и на уровне государства, вглядываясь следует не просто в «активы», как они записаны, например, в соответствующей колонке российского варианта бухгалтерского отчета (баланса), а в «авуары», то действительное имущество — от автомобилей до предприятий, производственных (или пусть даже добывающих) комплексов — которое стоит за записями по графам или строкам «активов» в финансовой документации. Это — пусть не достаточное, но одно из главнейших необходимых условий

⁶ Здесь вновь обратимся к метким словам В.С. Павлова: «не об амнистии украденных денег нужно речь вести, а о том, что украденное у *государства* должно быть по закону возвращено» [2, 381]. Без этого, как бы, на первый взгляд, банально это ни звучало, ни о взаимном доверии, ни о взаимной ответственности экономических субъектов действительно затруднительно даже вести речь.

устранения тех деформаций, вследствие которых трансформационная экономика современной России окончательно так и не выходит на «рельсы», ведущие к «посттрансформационным» перспективам.

Литература

1. *Львов Д.С.* Миссия России: Сбор. науч. тр. М., 2008.
2. *Павлов В.С.* Верю в Россию. М., 2005.
3. *Матюхин Г.Г.* Я был главным банкиром России. М., 1993.
4. Chile President: U.S. «Printing Money» will not Solve Economic Problems. Редакционная статья информационного агентства CNN («Си-эн-эн») от 01.10.2012. Только Интернет-версия // Официальный интернет-сайт информационного агентства CNN 'cnnmobile.com'. 01.10.2012. Время публикации: 16:38 по Гринвичу (GMT+0). Дата обращения 01.10.2012.
5. *Кокорев В.* Институциональные преобразования в современной России: анализ экономики транзакционных издержек // Вопросы экономики. 1996. № 12.
6. *Дзарасов Р.С.* Механизм накопления капитала и инвестиционные стратегии российских корпораций. Дисс. ... докт. экон. наук. М., 2010.
7. *Хубиев К.А.* Общепризнанная собственность и формы ее реализации. Автореф. дисс. ... докт. экон. наук. М., 1990.
8. *Сажина М.А., Чибриков Г.Г.* Экономическая теория: Учебник. М., 2011.
9. Do Open Plan Offices Lead to Better Work or Closed Minds? Редакционная статья информационного агентства CNN («Си-эн-эн») от 04.10.2012. Только Интернет-версия // Официальный интернет-сайт информационного агентства CNN 'cnnmobile.com'. 04.10.2012. Время публикации: 05:21 по Гринвичу (GMT+0). Дата обращения 04.10.2012.
10. *Воейков М.И.* За критический марксизм: Полемика с учеными. М., 2011.
11. Социальные реформы: иллюзии и реальность. Материалы научной конференции «Социальные реформы в современной России: роль гражданского общества» (октябрь 2005 г.). М., 2006.
12. Мезоэкономика переходного периода. Рынки, отрасли, предприятия / Под ред. Г.Б. Клейнера. М., 2001.
13. Введение в институциональную экономику: Учеб. пос. / Под ред. Д.С. Львова. М., 2005.

М.С. ТИМОФЕЕВА

**Управление качеством образования как продуцент
релевантных знаний для развития неоиндустриальной
экономики**

Аннотация. В публикации рассматривается управление качеством образования как основа развития высокотехнологичных отраслей экономики России. Предлагается модель внутреннего мониторинга качества образования высшего профессионального учреждения, реализующего направления подготовки (специальности) на основе компетентностного подхода должна учитывать компетенции выпускников, сформированные в соответствии с требованиями профессиональных стандартов и работодателей.

Ключевые слова: качество образования, человеческий потенциал, неоиндустриализация, компетенция, профессиональный стандарт, внутренний мониторинг, технология.

Abstract. In the publication education quality management as a basis of development of the knowledge-intensive and high-tech industries of economy of Russia is considered. The model of internal monitoring of quality of education of the highest professional establishment realizing the directions of preparation (specialty) on the basis of competence-based approach is offered has to consider competences of graduates of the professional standards formed according to requirements and employers.

Keywords: quality of education, human potential, competence, professional standard, internal monitoring, technology.

Состояние рынка труда, квалификация и исходное образование трудового потенциала страны являются определяющим условием для формирования «неоиндустриальной экономики», которая предполагает увеличение доли затрат для получения релевантного знания, выступающего конкурентным преимуществом для человека, фирмы и государства. Знание в условиях инновационно-ориентированной экономики становится производительной силой, мощным фактором увеличения производительности труда и признаком уровня развития рассматриваемого государства.

Новые знания представляют научно-обоснованную достоверную информацию второго уровня, которую индивид «пропустил» через свое сознание, через осмысление опыта и творческий процесс. Именно такое знание можно использовать для получения новых продуктов, а также применять при подготовке определенных управленческих решений. Приоритетность экономики знаний поможет сформировать

неоиндустриальную экономику, в которой повышается уровень интеллектуализации производства, распространяющийся на все сферы экономической деятельности.

Современное образовательное учреждение не является фирмой для производства «человеческого капитала», университет должен увеличить знания студентов, но главное — воспитать к ним определенный интерес, создать фундамент, который бы позволил в дальнейшем выпускнику университета решать проблемы в рамках полученной квалификации и специальности.

Современное высшее образование не заканчивается и в рамках крупных корпораций, оно изменяет форму и опирается на тот базис, который агент получил в высшей школе. По мнению О. Сухорукова, «видимость того, что приобретенные фундаментальные знания якобы не нужны, остается только видимостью и говорит о главном, что агенту не привито понимание задач и фундаментальности высшего образования как такового, что такое понимание отсутствует и у руководителей и собственников фирм, если они высказывают мнение, будто знания, полученные в высшей школе, никогда не пригодятся» [1, 112].

Инвестиции в развитие человеческого капитала включают инвестиции во все виды образования, способствуют модернизации инфраструктуры рынка труда. Экономика знаний, в которой сформированные навыки и компетенции позволяют решать сложные производственные задачи, актуализирует проблему оценки качества приобретенных знаний и возможности их применения и приращения.

Потребности осмысления неоиндустриализации определяют необходимость модернизации российской системы образования. Одним из направлений такой модернизации является децентрализация управления качеством образования, что позволяет более гибко взаимодействовать образовательным институтам, образовательным учреждениям, работодателям между собой и с органами управления в рамках оценки качества профессионального образования.

Федеральная целевая программа развития образования на 2011—2015 гг. предполагает качественные изменения в содержании образования, экономике образования, управлении системой образования [2]. Качество образования в условиях современной экономики определяет конкурентоспособность как отдельно взятого профессионального образовательного учреждения, так и национальной системы образования в целом.

Наиболее эффективными условиями решения этих задач являются, с нашей точки зрения, отработка новых моделей содержания

образования, новых организационно-правовых форм образовательных институтов, экономических условий деятельности, новых моделей управления образованием, а также сетевой характер взаимодействия образовательных институтов с целью формирования качественного человеческого потенциала как доминантного ресурса неоиндустриализации.

Под человеческим потенциалом мы будем понимать совокупность интеллектуальных и физических усилий отдельной личности, направленных на повышение качества социальной жизни и существующих экономических условий. Неоиндустриализация выступает важнейшим императивом современного этапа динамики экономического развития страны.

Перемены, происходящие в обществе в связи с развитием и распространением новых информационно-коммуникационных технологий, не могли не затронуть самым существенным образом производства и привести к минимизации участия живого труда в непосредственных производственных процессах, поскольку неоиндустриализация базируется на использовании инноваций, а также принципиально новом качестве человеческого потенциала.

Основой развития неоиндустриализации экономики является создание государством комплексных условий для преобразования российской науки и промышленности в конкурентоспособный, эффективный, динамично развивающийся, высокотехнологичный и восприимчивый к инновациям комплекс, интегрированный в систему международного разделения труда.

Основная задача государства должна быть в создании механизма, позволяющего в рамках законодательной базы осуществлять взаимодействие представителей российской науки, промышленности и активного экономического населения на взаимовыгодных условиях. Другими словами, необходимо создать определенные условия, которые позволят обеспечить российским промышленным и научным предприятиям конкурентоспособность выпускаемой продукции на основе использования передовых организационно-технических и управленческих внедрений, которые осуществляют высококвалифицированные научные, инженерно-технические, финансово-экономические и рабочие кадры, заинтересованные как материально, так и морально.

Работодатели заинтересованы в выпускниках, обладающих набором компетенций, присущих отраслевой направленности, т. е. профессиональные образовательные учреждения должны в процессе контроля уровня подготовки студентов опираться на компетентностный подход (как доминирующий) в совокупности с

традиционным. Традиционные методики преподавания дисциплин не могут обеспечить освоения необходимого материала на должном уровне, поэтому применение компетентного подхода означает, что преподаватели дисциплин должны сами решить, каково должно быть соотношение традиционного материала и нового, профессионально ориентированного. Наиболее эффективными условиями решения задачи оптимального соотношения компетентного и традиционного подходов могут выступить: отработка новых моделей содержания образования, новых организационно-правовых форм образовательных институтов, экономических условий деятельности, новых моделей управления образованием, а также сетевой характер взаимодействия образовательных институтов.

Образовательные учреждения профессионального образования заинтересованы в том, чтобы их выпускники были востребованы предприятиями различных отраслей, чтобы они работали по специальности и перед ними открывались большие карьерные возможности в транснациональных корпорациях, следовательно, постоянное повышение конкурентоспособности выпускников — главная задача, стоящая перед рыночно ориентированными образовательными учреждениями. Добиться этого можно только при использовании всех имеющихся современных инструментов управления через создание модели внутреннего мониторинга и оценки качества профессионального образования, учитывающей потребности российской экономики. Данная модель должна позволить оценить сформированные компетенции выпускников на соответствие потребностям работодателей различных отраслей экономики.

Компетентностная модель специалиста должна учитывать область профессиональной деятельности (отрасль), вид трудовой деятельности в этой отрасли и трудовую функцию, подкрепленную компетентностью, приобретенной на соответствующем уровне профессионального образования (высшем, среднем, дополнительном), при этом в ней должны учитываться уровень необходимой квалификации и наличие практического опыта работы.

Трудовые функции вида трудовой деятельности в компетентностной модели специалиста представляют собой иерархически связанное множество трудовых функций первого, второго и нижнего уровней. Каждой трудовой функции нижнего уровня декомпозиции соответствует компетентность, представляющая собой набор следующих компонентов: трудовые действия (умения); знания; навыки; профессионализм; личностно-деловые качества.

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования должны учитывать отраслевую специфику своего применения, которая должна проявляться не только в программах бакалавриата, но и в программах магистратуры. Работодатели должны максимально проявлять активность при установлении процедур управления качеством образования в целях устранения дисбаланса между требованиями, предъявляемыми к соискателям рабочих мест со своей стороны, и качеством подготовки выпускников высших профессиональных образовательных учреждений со стороны надзорных органов. Требования работодателей формируются в зависимости от видов деятельности.

В 2009 г. в ОАО «РЖД» были разработаны, а в 2010 г. приняты следующие корпоративные компетенции ОАО «РЖД» в рамках модели «5К+Л»: 1) компетентность; наличие профессиональных компетенций; способность учиться и развиваться; готовность делиться опытом и передавать знания; 2) клиентоориентированность; ориентация на пользу для клиентов компании; 3) корпоративность и ответственность; ориентация на интересы компании; умение работать в команде; нацеленность на результат; 4) качество и безопасность; ориентация на качество и эффективность; обеспечение безопасности; 5) креативность и инновационность; выдвижение инициатив и внедрение инноваций; поддержка инициатив других; 6) лидерство; воодушевление и вовлечение других; мотивирование и убеждение без административного давления [3].

Корпоративные компетенции распространяются на работников всех уровней управления ОАО «РЖД» и его дочерних и зависимых обществ — от президента до рабочего. Для рабочих и специалистов (четвертый уровень) компетенция клиентоориентированность требует «учитывать интересы и потребности клиентов». Для высших руководителей (первый уровень) требуются «внедрение клиентоориентированной культуры» в масштабах всей компании, создание новых процессов и систем для более полного удовлетворения нужд потребителей услуг РЖД, умение предвидеть их перспективные потребности, которые возникнут в будущем.

Для оценки компетенций в компании используется простая шкала:

- 3 (превосходит ожидания) — работник добивается успеха, применяя компетенцию для решения особо сложных задач;
- 2 (соответствует ожиданиям) — работник успешно применяет компетенцию для решения стандартных и новых рабочих задач; компетенция проявляется стабильно и систематически;

- 1 (требуются улучшения) — работник успешно использует компетенцию для решения только стандартных рабочих задач; проявляя компетенцию для решения новых задач добивается лишь частичного успеха; компетенция проявляется в работе нестабильно, от случая к случаю;

- 0 (не соответствует ожиданиям) — означает, что работник не использует компетенцию в своей работе, проявляет поведение, обратное тому, которое описано в компетенции.

Модель внутреннего мониторинга качества образования высшего профессионального учреждения, реализующего направления подготовки (специальности) на основе компетентного подхода, должна учитывать шкалу оценок компетенций, предлагаемых работодателями. Оценка уровня подготовки студентов должна осуществляться непрерывно в целях своевременного внесения корректировок в процесс обучения и выявления слабых мест в процессе образовательной деятельности профессионального образовательного учреждения. При этом профессиональное образовательное учреждение предоставляет по требованию основного работодателя доступ к результатам внутреннего мониторинга оценки качества предоставляемых образовательных услуг и систематически ведет портфолио каждого студента в целях выявления лучших выпускников.

Предприятия-работодатели должны принять активное участие в разработке квалификационного справочника должностей, который обязан отражать: область профессиональной деятельности; вид трудовой деятельности; квалификационный уровень; возможные наименования должности; обобщенное описание выполняемой трудовой деятельности; возможные места работы; условия труда; требования к профессиональному образованию; перечень единиц профессионального стандарта (наименование единицы; основные трудовые действия; средства труда; предметы труда; характеристики квалификационного уровня; необходимые знания; необходимые умения) с целью согласования компетенций выпускников с требованиями федеральных государственных профессиональных стандартов. Речь идет об особых образовательных результатах системы высшего профессионального образования, в рамках которых знания выступают необходимым, но не достаточным условием достижения требуемого качества высшего профессионального образования.

Сегодня в России сложились необходимые условия для управления качеством профессионального образования в целях обеспечения

высокотехнологичного производства товаров и услуг как основа роста стоимости национального богатства, отражаемого в финансовых балансах экономики. Значимым направлением институционализации человеческого капитала в условиях неоиндустриализации выступает, по нашему мнению, его реальная оценка — как с точки зрения социальной значимости, так и капитализации в крупные корпорации, — что, в свою очередь, определяет совокупный человеческий потенциал общества как форму его нематериального богатства, являясь органической составляющей национального богатства общества.

В этой связи особенно важно обеспечить баланс между федеральными государственными образовательными стандартами и претензиями работодателей выдвигающими единые требования к корпоративным компетенциям и специфике их применения в конкретных функциональных вертикалях и дочерних и зависимых обществах.

Новые знания и инновации в производственной сфере не только предполагают расходование дополнительных ресурсов для развития экономической системы, но и создают эти ресурсы на основе развития человека, его знаний и компетенций. Человеческий капитал в настоящее время является сложновоспроизводимым, высококонкурентным ресурсом, поэтому при его формировании и развитии необходим компетентностный подход.

Литература

1. *Сухарев О.С.* Управление экономикой. Введение в теорию кризисов и роста. М., 2012.
2. www.fcpro.ru.
3. Распоряжение ОАО «РЖД» № 1819р от 31 августа 2009 г. // www.rzd.ru.

А.В. ДОНЧЕНКО

Повышение конкурентоспособности экономики Франции в условиях развития инновационной системы страны

Аннотация. Статья посвящена особенностям политики французского правительства, направленной на развитие инноваций в стране. Рассмотрены основные направления и тенденции повышения

конкурентоспособности Франции в отраслевой сфере. Приведены статистические данные и количественные показатели выделяемых государством средств на развитие инноваций. Отмечены возможные сценарии «инновационного будущего» Франции.

Ключевые слова: инновации, нанотехнологии, отраслевая структура, конкурентоспособность, Франция.

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the policy measures undertaken by the French government directed to the development of innovations and nanotechnologies. It describes general trends of the French economy aimed at the rise of competitiveness. It includes statistical data and quantitative indices on the French government appropriated funds. It underlines possible scenarios of the country «innovation future».

Keywords: innovation, nanotechnology, industrial structure, competitiveness, France.

Франция производит свыше 5% мирового ВВП, и на ее долю приходится около 6% объема мировой торговли. Франция удерживает 2-е место в мире после США по экспорту сельскохозяйственной продукции и услуг и 4-е — по экспорту промышленной продукции. Кроме того, Франция является одним из крупнейших мировых инвесторов и занимает 3-е место в мире по объему инвестиций за рубежом. Французская экономика соответствует представлению о «нормальной» экономике, которая постоянно наращивает свои конкурентные преимущества как за счет постоянного структурного прогресса (диверсификация секторально-отраслевой структуры), так и за счет аккумуляции факторных преимуществ [1].

Во Франции экономика делится на три региональных уровня. К первому уровню относится столичный регион (Париж и регион Иль-де-Франс), выступающий локомотивом экономического роста. Здесь, на площади, составляющей 2,2% от территории Франции, сосредоточено 20% всех занятых и производится 27% всех доходов. Второй уровень составляют региональные экономики с преобладанием высокотехнологичной индустрии и сервисного сектора, расположенные в восточной части страны (вдоль границ с Германией, Швейцарией и Италией). Третий уровень составляют западные районы с аграрным хозяйством, а также ряд регионов севера, в основу экономики которых входят угольная, металлургическая и текстильная промышленность.

Одним из направлений регионального развития и повышения конкурентоспособности является создание «платформ местной инициативы» (PFIL), объединяющих директоров фирм, банкиров,

аналитиков, юристов, государственных и муниципальных служащих и других профессионалов, хорошо знающих местные условия и формирующих сетевую поддержку развития местного бизнеса.

Другим направлением принято считать развитие сети технопарков (технополисов) на базе университетов и научных центров. Технополисы начали создаваться во Франции как инструмент инновационного развития регионов более сорока лет назад. Цель — диверсификация региональной экономики, придание ей нового импульса за счет развития высоких технологий, а также создания новых рабочих мест [2; 3].

Обычно на территории технопарка располагаются несколько сот малых и средних предприятий, объединенных в отраслевые кластеры высоких технологий, исследовательские центры крупных университетов и промышленных корпораций, центры коллективного пользования дорогостоящим исследовательским и производственным оборудованием, отраслевые ассоциации промышленников и предпринимателей, представительства консалтинговых, финансовых, образовательных и других структур [4].

Французские технополисы играют большую роль в определении стратегии развития соответствующих регионов и отраслей. Здесь ведется поиск частных инвесторов. Зачастую на территории технопарков присутствуют филиалы крупных международных высокотехнологичных корпораций.

В 1999 г. во Франции был принят Закон об инновациях и научных исследованиях⁷, призванный реорганизовать и модернизировать инновационную систему Франции с упором на формирование более эффективной системы коммерциализации научно-исследовательского потенциала. Законом, в частности, предусмотрены три группы мер:

- стимулирование перехода научного персонала из государственного сектора в бизнес (учреждая собственные фирмы или переходя в фирмы, занимающиеся коммерческой эксплуатацией их научных разработок);
- поощрение сотрудничества между государственным научным сектором и коммерческими предприятиями путем создания инкубаторов, бюро трансфера технологий;
- совершенствование правовой базы с целью стимулирования участия научного персонала в новых предприятиях и развития взаимных инновационных фондов, использование льгот для новых инновационных компаний.

⁷ Loi № 99-587 du 12 juillet 1999 sur l'innovation et la recherche.

Реализация закона привела к принятию целого ряда решений правительства и специального «инновационного плана», цель которых заключается в создании общей правовой базы, стимулирующей развитие партнерства между государственным научным сектором и негосударственными участниками инновационного процесса.

На протяжении нескольких лет правительство Франции проводит в жизнь политику структурного реформирования промышленности в увязке с развитием энергоэффективности, политики энергосбережений, продвижения инновационной деятельности, технологической модернизации и т. д. В этих целях были созданы специализированные аналитические центры⁸, ответственные за развитие основных отраслей промышленности, и предусмотрено целевое финансирование в рамках реализуемой с 2010 г. амбициозной программы «Большой национальный заем»⁹ [1; 5].

Сегодня наиболее важной характеристикой французской инновационной системы является децентрализация. Органы регионального уровня наделены значительной автономией в реализации мер по поддержке инноваций, структуры же на национальном уровне только координируют эту политику, в то время как понимание особенностей местной экономики дает региональным игрокам сравнительное преимущество. Эту иерархию отношений наглядно иллюстрируют так называемые контрактные проекты типа «государство—регион».

Уже в течение нескольких лет во Франции развивается структура «кластеры конкурентоспособности». Она построена вокруг «треугольника» инноваций, а именно, научные исследования, образование и промышленная составляющая.

В марте 2011 г. Министерство экономики, финансов и промышленности Франции опубликовало четвертый доклад «Ключевые технологии»¹⁰ («Technologies des 2015»), посвященный внедрению в 2015—2020 гг. наиболее перспективных для Франции технологий. Доклад был распространен среди французских предприятий и предпринимателей с целью их ориентации на приоритетные направления развития, оценку собственных возможностей и конкурентоспособности и оказание помощи в

⁸ Instance de reflexion stratégique.

⁹ Большой национальный заем (Grand emprunt national) — заем, предназначенный для финансирования новых инвестиционных программ, ориентированных на развитие Франции (в перспективе до 2030 г.). Называется также: «Программа инвестиций в будущее».

¹⁰ Доклады «Ключевые технологии» составляются с 1995 г. каждые пять лет.

принятии ими необходимых стратегических решений, в том числе по поиску партнеров¹¹ [6; 7]. Доклад является результатом годовой работы 250 экспертов под руководством бывшего президента компании «Талес» Люка Вигьерона.

В основе доклада лежит общий обзор французской экономики, подготовленный Генеральной дирекцией конкуренции, промышленности и услуг Министерства экономики, финансов и промышленности Франции. На основе обзора экспертами были определены так называемые «технологии-кандидаты». Далее из «технологий-кандидатов» были отобраны технологии «широкого профиля» (межотраслевые) и «технологии будущего» (долгосрочные). На данном этапе отбора были задействованы представители академической науки и «полюсов конкурентоспособности» (технопарков). Обобщение собранной информации в виде доклада было сделано на заключительном этапе работы.

Доклад состоит из семи монографических (отраслевых) разделов: 1) химия—материалы—методы (12 технологий); 2) информационные технологии и коммуникации (17 технологий); 3) окружающая среда (11 технологий); 4) энергетика (17 технологий); 5) транспорт (12 технологий); 6) строительство (6 технологий); 7) здравоохранение, сельское хозяйство и продовольствие (10 технологий).

Такой порядок разделов, с одной стороны, отражает степень приближения/удаления по отношению к конечному потребителю, а с другой — подчеркивает системообразующую (базовую) роль первых двух отраслей по отношению ко всем остальным.

В каждом разделе содержатся анализ общей ситуации в отрасли и тенденций ее развития, оценка позиций Франции и общие рекомендации по развитию отраслевых технологий.

Общий контекст применения технологий. В докладе присутствует описание предполагаемых тенденций и вызовов национального и мирового развития, позволяющих оценить не только технические, но и социально-экономические условия внедрения предлагаемых технологий. Так, *применительно к мировым тенденциям* отмечаются растущая роль стран БРИКС, демографические вызовы, финансовая и валютная нестабильность, волатильность цен на сырье (при общей тенденции их роста), климатические и экологические изменения. *На европейском и*

¹¹ Основной упор сделан на так называемые *уже существующие технологии* в конкретной отрасли и *развивающиеся технологии, технологии будущего*, представляющие собой потенциал для будущего развития страны.

национальном уровне акцент делается на вопросах устойчивого развития (включая развитие альтернативных источников энергии, рынок квот парниковых газов, внедрение системы REACH и т. п.), здравоохранения и социального обеспечения (особенно в контексте «старения населения» и пандемических угроз) и развития рынка телекоммуникационных услуг.

В качестве глобальных макроэкономических тенденций указываются сокращение волн экономических циклов, смещение от стандартизации к индивидуализации нишевых продуктов и услуг (особенно благодаря интернет-технологиям), синтетическое развитие производственной сферы и сферы услуг (все больше товаров продается вместе с сопутствующими услугами), развитие сетевой модели рынка, при которой все большую роль играет взаимодействие производителя и потребителя товаров и услуг.

Анализ технологий. Обобщающий анализ каждой технологии выполнен по единой схеме:

- общее описание (с указанием, в какой степени она относится к технологии «широкого профиля», а в какой — к «технологии будущего»);
- практическое применение и наличие рынков;
- степень «зрелости» и распространения технологии;
- ожидаемые результаты от применения;
- основные французские и иностранные «игроки» (генераторы НИОКР, интеграторы, производители, потребители);
- позиции Франции;
- связь с другими технологиями, присутствующими в докладе;
- рекомендации (слабости и риски, возможные коммерческие результаты).

Предлагая панораму развития целых экономических секторов и список инновационных технологий для Франции, это издание призвано помочь субъектам инновационной деятельности выбрать наиболее выигрышные стратегии развития и разработать наиболее перспективные в будущем технологические области.

Все исследования в рамках прогнозирования можно разделить на две большие части. Первая часть исследований (их можно назвать «традиционными») ставит целью предложить пользователям конкретный конечный результат, который поможет им сориентироваться и выбрать нужное (наиболее эффективное) направление развития. Основной подход состоит в данном случае в том, чтобы предложить список ключевых технологий, которые, по мнению авторов, станут приоритетными в ближайшем будущем.

Вторая часть исследований по прогнозированию (это касается в основном новейших исследований в данной области) имеет противоположные цели. В данном случае важно не представить конечные результаты исследования, а раскрыть его основную суть и задачи. Идея заключается в том, чтобы осветить какую-то проблему с разных точек зрения, и в результате приступить к реализации проекта. Данный — новый — подход получил терминологическое обозначение «форсайт»¹². Такого рода исследования предполагают мобилизацию большого количества участников, возможно, даже создание из них сетей с целью разработки разноплановой точки зрения на ситуацию в будущем, с учетом в том числе и отраслевых характеристик.

В исследовании подчеркивается необходимость рассматривать два географических уровня прогнозирования — национальный (прогнозирование в рамках территории одного государства) и международный (в данном случае более конкретно — общеевропейский).

Таким образом, исследование «Ключевые технологии 2015» ставит своей задачей ответить на два вопроса:

- каковы те ключевые технологии, которые повысят конкурентоспособность и экономическую привлекательность Франции на мировой арене?
- какой технологический курс (направление) должны выбрать предприниматели и общественные организации, чтобы соответствовать запросам экономики страны?

Поддержание высокого уровня конкурентоспособности авангардных отраслей французской промышленности требует широкого использования новейших достижений электроники и микроэлектроники, информатики и биотехнологии, ядерной физики и композиционных материалов. Эти технологии находят свое применение как в новейших секторах промышленности, так и в традиционных отраслях, которые благодаря им модернизируются.

Франция относится к странам, ориентированным на лидерство в науке, реализацию крупномасштабных целевых проектов, охватывающих все стадии инновационного цикла, как правило, со значительной долей научно-инновационного потенциала в военной сфере.

Современное правительство Франции видит основную задачу государственной политики в области научно-технического прогресса в

¹² Форсайт — сценарное прогнозирование социально-экономического развития: возможные варианты развития — экономики, промышленности, общества — в 10—20-летней перспективе (Программа сотрудничества ЮНИДО).

стимулировании более эффективных способов использования ресурсов и поддержке распространения инноваций в реальном секторе экономики. Это позволяет достичь устойчивого экономического роста на основе внедрения и диффузии (массового использования) инноваций. Политика государства является целевой, определяющей приоритеты развития и следующей этим приоритетам.

В основе инновационной политики Франции лежат использование местной и региональной специфики¹³, опыта в отдельных отраслях, а также поддержка образования, науки и частного предпринимательства.

Франция, обладающая значительными преимуществами в ряде отраслей, сильными традициями в области сельского хозяйства, науки, малого предпринимательства, культуры, делает ставку на европейское партнерство и региональное развитие, чтобы добиться конкурентоспособности на новых и старых рынках.

Сегодня во Франции наблюдается хороший тренд: наметилась прочная взаимосвязь между миром науки и непосредственно компаниями. Финансовые гранты от исследовательских организаций постепенно исчерпывают себя. Их распределяет только Национальное исследовательское агентство (ANR) на проектной основе¹⁴.

Начиная с 2005 г., во Франции быстрыми темпами развиваются кластеры конкурентоспособности, которые можно назвать наиболее эффективной формой поддержки инноваций, действующей на нескольких уровнях и способной создать сеть между различными организациями на региональном, национальном и европейском уровнях.

Еще в 2004 г. Франция начала развивать политику полюсов конкурентоспособности как *новую промышленную политику*, ключевым фактором которой является повышение инновационной составляющей экономики страны. Необходимость проведения такой инициативы была вызвана повышением конкуренции в мировой экономике¹⁵.

¹³ Регионы Франции обладают значительной автономией в определении приоритетов развития и способов привлечения инвесторов и квалифицированных кадров.

¹⁴ Ранее каждое научное учреждение (CNRS, INRA и др.) предоставляло гранты для собственных проектов. Таким образом каждый исследователь получал минимальный грант каждый год, чтобы проводить собственные исследования.

¹⁵ В 2004 г. президент Ж. Ширак объявил активизацию промышленной политики важнейшим государственным приоритетом. Главная цель этой политики — вывод Франции на передовые позиции в мире в новых высокотехнологичных областях XXI в. Основные инструменты реализации этой политики —

Основой новой политики стали полюсы конкурентоспособности, которые представляют на конкретной территории Франции объединение предприятий, исследовательских центров, образовательных учреждений, принявших на себя партнерские обязательства по единой стратегии совместного развития в целях аккумуляции своих ресурсов в рамках инновационных проектов по одному или нескольким направлениям деятельности¹⁶ [8].

В развитии полюсов заложены *четыре ключевых момента*: 1) проведение в жизнь стратегии экономического развития, связанной с глобальной стратегией развития конкретной территории; 2) углубленное сотрудничество в рамках инновационных проектов; 3) концентрация усилий на технологиях, предназначенных для рынков с высоким потенциалом экономического роста; 4) аккумуляция капиталовложений и достижение доходности, достаточных для приобретения известности и конкуренции на международном уровне.

Отсюда *четыре долгосрочных цели*: 1) развитие конкурентоспособности французской экономики; 2) укрепление регионов, главным образом индустриальным, высокотехнологическим или инновационным наполнением; 3) усиление привлекательности Франции на международном уровне для инвестиций и предпринимательской деятельности; 4) способствование экономическому росту и созданию дополнительных рабочих мест.

В 2005 г. постановлением Межминистерского комитета по обустройству и развитию территорий (CIADT) на основе проектов, отобранных на конкурсной основе, были созданы первые 67 полюсов.

мобилизация промышленного и научно-технологического потенциала страны, стимулирование процесса нововведений (от создания до реализации) как в национальном, так и в региональном масштабе. Большое внимание при этом уделяется развитию различных форм партнерства между частными и государственными структурами, особенно взаимодействию между сферами науки, образования и бизнеса. Важнейшими принципами новой промышленной стратегии государства становятся: курс на развитие широкомасштабного инновационного процесса, затрагивающего всю территорию страны, и стимулирование взаимодействия основных участников этого процесса (предприятий, научных лабораторий, высшей школы). Для решения этой двойной задачи в стране создаются специальные региональные кластеры, так называемые полюсы конкурентоспособности, которые становятся ключевым инструментом новой промышленной, инновационной и региональной политики страны. Полюсы конкурентоспособности становятся важнейшим инструментом региональной политики.

¹⁶ Иначе — кластеры.

В 2007 г. по решению CIADT количество полюсов увеличилось до 71¹⁷. В рамках основного направления деятельности полюса проводят исследования по нескольким профильным темам в рамках соответствующих проектов.

В реализации этих программ участвуют 1300 предприятий и 94 000 служащих, в их числе мировые лидеры отрасли «Airbus», «Air France Industries», «Alcatel Alenia Space», «Alstom Transport», CNES, «Dassault Aviation», «EADS Space Transportation», «Microturbo» (groupe SAFRAN) и др., а также многочисленные малые и средние предприятия (PME\PMI).

Полюсы распределены по всей территории страны и имеют основной регион деятельности и регион (или несколько регионов) второго плана. Исходя из территориального закрепления, 47 полюсов действуют только в одном регионе, 15 полюсов — на территории двух регионов, 6 полюсов — на территории трех регионов, 1 полюс (*Elastopole*) — на территории четырех регионов, 1 полюс (*Viameca*) — на территории шести регионов и 1 полюс (*Innoviandes*) — на территории семи регионов.

В 2008 г., после трехлетнего периода деятельности полюсов, Министерство экономики, промышленности и занятости Франции поручило американской независимой компании «Бостон Консалтинг Групп» (BCG) провести анализ деятельности полюсов. Согласно аудиторскому отчету, представленному компанией, из 71 полюса конкурентоспособности 39 достигли намеченных целей, 19 полюсов лишь частично выполнили основные задачи деятельности и 13 полюсов не оправдали государственного финансирования и требуют серьезного реформирования. По каждому из последних были проведены индивидуальные обсуждения с участием государства и региональных властей, а также осенью 2009 г. была проведена еще одна независимая аудиторская проверка. Аудиторами было предложено отказаться от существующей трехуровневой градации полюсов (7 полюсов мирового уровня, 10 полюсов, планируемых к выходу на мировой уровень, 54 полюса национального значения) и

¹⁷ В настоящее время выделены 13 основных направлений деятельности полюсов: авиация, космос (3 полюса); сельскохозяйственная продовольственная промышленность (13 полюсов); товары потребления (5 полюсов); биоресурсы (3 полюса); биотехнологии, здоровье (6 полюсов); химия (4 полюса); энергетика (6 полюсов); инженерия, услуги (6 полюсов); материалы (11 полюсов); микротехника, механика (5 полюсов); оптика, светоматериалы (3 полюса); информационные технологии (11 полюсов); транспорт (8 полюсов).

ввести двухуровневую систему: полюсы мирового уровня (16) и полюсы национального значения (55) [9].

В целом проведенная «Бостон Консалтинг Групп» оценка подтвердила успех проводимой политики полюсов конкурентоспособности, которая усилила позиции Франции в области исследовательской деятельности и развития (R&D) и инновационной политики.

Политика полюсов поддерживается Генеральной дирекцией конкуренции, промышленности и услуг (DGCIS) Министерства экономики, промышленности и занятости Франции и строится на том, чтобы избежать распыления усилий, сконцентрироваться на нескольких основных направлениях, особенно на сопровождении малых и средних предприятий в полюсах, усилить конкурентоспособность участников экономической деятельности, развивать частно-государственное партнерство [2].

С целью активизации деятельности полюсов и определения стратегии проводятся заседания Межминистерского комитета по обустройству и развитию территорий (CIADT), Межминистерской рабочей группы по полюсам, национальные дни полюсов конкурентоспособности.

Созданы и поддерживаются сайты полюсов, располагающие подробной информацией о каждом полюсе.

После продолжительной динамики первого этапа по реализации и развитию промышленной конкурентоспособной политики (2006—2008) и положительной оценки, данной правительством Франции в октябре 2008 г., правительство принимает решение о переходе к новому этапу — «Poles de competitivite 2.0» [10]. Новый этап, или вторая фаза (2009—2011), помимо продолжения сопровождения исследовательской деятельности полюсов, включает три цели:

- усиление стратегического управления полюсами («контракт на достижения»);
- введение новых способов финансирования и предоставления услуг (исследовательские платформы инноваций);
- создание экосистемы развития и инновационной деятельности каждого полюса (частные источники финансирования, лучшее взаимодействие территорий и др.).

«Контракт на достижения» является многолетним, подписан государством, территориальными образованиями и полюсами. Государство и территориальные структуры принимают обязательства по стратегическому наблюдению и финансовой поддержке полюсов. Контракт содержит программу действий, календарь реализации и показатели конечных результатов. Новый контракт сроком на три года,

в первую очередь, заключен с теми полюсами, которые достигли целей. Для них подтвержден знак «Полюс».

К «контракту на достижения» прилагается *дорожная карта*. Она позволяет точно определить рассматриваемые рынки, привлеченные технологии и конкурентные или дополняющие полюса в мировом масштабе.

В дорожной карте акцент сделан не только на качество и технологические амбиции разрабатываемых проектов по исследованию и развитию, но и на развитие малых и средних предприятий (РМЕ), вовлеченных в полюсы, на привлечение талантов, а также на создание имиджа на международной арене. *Дорожная карта является главным инструментом программы действий на три года, обновляемой и пересматриваемой ежегодно* [1].

Каждый полюс определяет стратегию и план многолетней деятельности, определяет приоритетные области и тематику, основные направления деятельности, технологические задачи и целевой рынок. Полюс участвует в координации на национальном уровне, чтобы приблизиться к другим полюсам в данной области.

Для полюсов, которые еще не достигли нужного уровня, государство предоставляет срок один год, чтобы они могли доказать свою эффективность. При негативном результате доверие к ним будет утрачено и будут приняты решения об их дальнейшем существовании.

Второе направление поддержки полюсов — создание исследовательских платформ инноваций, которые будут способствовать сотрудничеству всех участников полюса и помогут устойчиво закрепиться на территории. Совместные исследовательские платформы инноваций, оснащенные оборудованием на основе долевого участия членов платформы, создаются путем перераспределения средств (как оборудования, так и человеческих ресурсов). Они предназначены для того, чтобы предоставить пользователям (особенно предприятиям) возможности, которые позволят им успешно реализовывать инновационные проекты и проводить исследования.

Чтобы ускорить введение в действие таких платформ правительство и Депозитно-сохранная касса (CDC) подписали *соглашение, определяющее способы финансирования платформ, и в октябре 2008 г. был запущен конкурс проектов по созданию платформ*. Проекты должны быть ориентированы на создание платформ по наиболее продвинутым направлениям, главным образом для полюсов международного уровня или для полюсов, планируемых к выходу на международный уровень. При отборе проектов

принимаются во внимание «эффект рычага» (положительное воздействие на повышение конкурентоспособности полюса), ожидаемые результаты в плане получения новых товаров (услуг), или степень привлечения других источников финансирования (частных или государственных)¹⁸.

Третья задача нового этапа — развивать глобальное видение экосистемы полюсов, которая подразумевает гармоничное взаимодействие всех составляющих полюса: от идей до получения конечного результата (инновационного продукта или услуги) и выхода на рынок, в конечном итоге — на международный уровень.

Эволюция полюсов конкурентоспособности в настоящие экосистемы может осуществиться только при условии предоставления в распоряжение предприятий коллективного оборудования (платформы), привлечения новых талантов, создания международной привлекательности проектов, привлечения новых предприятий [3].

Финансирование полюсов осуществляется по нескольким направлениям: государством, агентствами, территориальными структурами, частным сектором. Государственное финансирование поступает в полюсы через Единый межминистерский фонд инвестиций (ЕМФ), специально созданный для финансирования полюсов и, в первую очередь, для поддержки исследовательских проектов, направленных на развитие продукции или услуги, которые могут быть выведены на рынок в краткосрочный или среднесрочный период¹⁹.

Вектор развития. Экономика Франции XXI в. переживает период перехода от старой национальной модели к новой — общеевропейской. Это находит свое отражение и в проведении научных исследований. Цепочка от выделения средств до проведения научных исследований и выпуска готовой продукции удлинняется, научная и производственная кооперация расширяются, используется аутсорсинг. Важной задачей при этом остается стимулирование роста

¹⁸ Во Франции существуют «платформы местной инициативы», которые путем определения специфики региона или местного сообщества выбирают инструменты, позволяющие обеспечить стабильное развитие территории. Большая автономия при выборе решения достигается благодаря местным фондам займов, разнообразию участников (экспертов, инвесторов, носителей проектов), разделению финансирующих органов и органов управления, а также самостоятельному определению типов поддерживаемых предприятий и их специализации.

¹⁹ В первую фазу деятельности полюсов между 2006 и 2008 гг. через данный фонд было инвестировано 3,4 млрд евро в 626 проектов.

национального производства и его «лояльности» по отношению к новым потребностям общества.

На европейском и национальном уровне акцент делается на вопросы устойчивого развития (включая развитие альтернативных источников энергии, рынок квот парниковых газов, внедрение системы REACH и т. п.), здравоохранения и социального обеспечения (особенно в контексте «старения населения» и пандемических угроз) и развития рынка телекоммуникационных услуг [11].

На ближайшие годы правительство Франции определило следующие приоритеты научных исследований:

- фундаментальные исследования, которые должны способствовать креативности и созданию новых отраслей знания;
- технологические исследования, которые должны способствовать созданию инновационных производств;
- развитие национальной инфраструктуры (национальная сеть технологических коммуникаций, технологические площадки для физических, химических и биологических исследований).

По прогнозам экспертов, к 2025 г. конкурентоспособность экономики Франции будет основываться на интенсивном сотрудничестве между участниками национальной инновационной системы, а также на достижении необходимой критической массы для получения оптимальных эффектов. Это предполагает структурную перестройку национальной инновационной системы вокруг ограниченного числа кластеров международного значения, престиж которых позволит привлекать таланты, знания и инвестиции.

Основными участниками этих кластеров будут научные центры, учреждения высшей школы, крупные предприятия, пользующиеся международным признанием. Активное участие будут принимать также малые и средние компании, особенно новые инновационные предприятия.

Деятельность этих кластеров будет сконцентрирована в таких ключевых направлениях, как телекоммуникационные системы, биотехнологии, здравоохранение, окружающая среда, транспорт, экономика и финансы, мультимедиа, самолетостроение и космос, энергетика и безопасность. Государство будет активно участвовать в создании кластеров, однако их территориальное размещение будет определяться не решением государственных органов, а логикой их развития.

Следует отметить, что мировой экономический кризис осложнил реализацию поставленных перед страной целей, привел к сокращению

расходов на инновации и замедлил развитие французской инновационной системы.

Тем не менее сложная экономическая ситуация в кратчайшей перспективе не означает необходимости пересмотра целей долгосрочного развития, а лишь обуславливает повышение требований к темпу и качеству экономического развития.

Политика Франции по поддержке инноваций основана на стимулировании частных инвестиций в науку, улучшении взаимодействия между всеми ключевыми участниками инновационных процессов в рамках программ развития инновационных парков и технополисов, программ поддержки развития малых и средних предприятий и др.

Литература

1. www.oseo.fr.
2. Колошин А., Разгуляев К., Тимофеев Ю., Русинов В. Анализ зарубежного опыта повышения отраслевой, региональной конкурентоспособности на основе развития кластеров // http://politanaliz.ru/articles_695.html.
3. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Кластерный подход в стратегии инновационного развития зарубежных стран // Проблемы прогнозирования. 2010. № 5.
4. Инновационная Россия — 2020 / Под ред. О.В. Фомичева. М., 2012.
5. www.arep.fr.
6. Guide des Clusters Français // Edition Janvier. 2012.
7. Les cahiers de compétitivité. Magazine Hors. Serie. 2010. Nov.
8. Черноуцан Е.М. Полюса конкурентоспособности как важнейший инструмент реализации нового курса промышленной и региональной политики Франции // Проблемы государственной политики регионального развития России. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2008.
9. Synopsis of Policy Options for Creating a Supportive Environment for Innovative Development. ECE/CECI/2008/3. Geneva, 2008. 9 Sept.
10. www.ladocumentationfrancaise.fr.
11. www.cci.fr/web/international.

П.В. СКОТНЫЙ

Методология синергетического анализа экономического знания: логика обновления

Аннотация. В статье исследуются сущность и особенности синергетического подхода в экономическом познании. Обоснована методология синергетического подхода, позволяющего понять экономику как сложную нелинейную систему, которая позволяет описать и предсказать динамические экономические процессы, показать новые возможности для объяснения сложных экономических явлений.

Ключевые слова: синергетика, синергетическая методология, нелинейность, хаос, порядок, самоорганизация, открытость, синергия, экономическая динамика.

Abstract. The article deals with the essence and characteristics of synergetic approach to the economic knowledge. It is considered that the methodology of synergetic approach allows to comprehend economics as a complex nonlinear system, explain and predict the dynamic economic processes, demonstrate new possibilities for explaining economic phenomena.

Keywords: synergetics, synergetic methodology, nonlinearity, chaos, order, self-organization, openness, synergy, economic dynamics.

Сегодня экономическая наука оказалась в ситуации, когда возможность ее самосохранения, воспроизведения и развития зависит от способности научного сообщества формировать достоверное экономическое знание в условиях взаимодействия в пространстве теоретического познания множества концептуальных систем отсчета, формирования новых требований к методологической культуре мышления. Эффективность экономического знания зависит от умения и способности исследователей применять новые типы методологических рефлексий, открывающих новые возможности теоретического освоения экономической реальности. Таким типом методологической рефлексии сегодня является синергетика.

Задача методологического и теоретического освоения экономической синергетики — обобщить новые знания, накопленные экономической наукой относительно современных социально-экономических систем, и квалифицировать эти системы как синергетические, самоорганизованные, способные к саморазвитию. Необходимо показать, что синергетическая экономика — сложная открытая нелинейная система, в развитии которой чередуются

«равновесный» и «неравновесный» этапы, отображающие соотношение экономического «порядка» и «хаоса».

Выделяют несколько уровней сложности синергетической экономики, формирующих ее нелинейность: становление инновационно-информационного типа экономического роста; переход от экономической к системной рациональности, которая выражает самодостаточность экономической системы, ее способность к саморазвитию; формирование сложной иерархической структуры экономики на основе перехода базовых функций от реального к финансовому капиталу; принципиальная замена роли и места субъекта хозяйствования в экономической системе и становление ее субъектно-объектной симметрии.

В данном контексте важно учитывать «сдвиги» рыночного хозяйства, в котором, с одной стороны, происходит поиск новых подходов и концепций (эволюционная и картезианская парадигмы, неоинституционализм), имеющих некоторые ограничения и локальный характер, с другой, как отмечает А.С. Филипенко, — «рыночная метапарадигма обогащается, получает новый простор и более широкое измерение в рамках общецивилизационной метапарадигмы» [1, 16]. Важное значение в обогащении данной парадигмы имеет синергетический метод, использование которого открывает новые перспективы для познания глубинной сущности экономической реальности.

Содержательную трактовку синергетического метода предлагает В.Д. Базилевич. Он считает, что «синергетика изменяет универсальные подходы к мировосприятию и открывает широкие возможности многоаспектного освещения экономических процессов и явлений на основе объединения системно-функционального и вероятностного подходов, признания спонтанности и определенности случайного фактора в самоорганизации социально-экономической системы, отрицание модернизма и однозначной запрограммированности развития первопричинами при обосновании рациональных путей эволюции» [2, 18]. Кроме того, как подчеркивает В.Д. Базилевич, синергетический подход, «...во-первых, акцентирует внимание на процессах неустойчивого равновесия и нестабильности экономических систем, обусловленных влиянием спонтанных изменений эндогенных факторов саморазвития; во-вторых, признает сложность и нелинейность социально-экономической эволюции, исходя из того, что характер взаимосвязи внутренних элементов сложных систем может резко изменяться после достижения одним или несколькими из них критических значений; в-третьих, предполагает возможность влияния спонтанных изменений в экономической системе на

перерождение равновесных сил и возникновение кризисных ситуаций (точек бифуркации), когда остро стоит проблема выбора, а последующая эволюция неопределенна, стохастична, не детерминирована; в-четвертых, анализируются множественность, различная направленность и разное качество внутренних и внешних факторов, каждый из которых может существенно повлиять на динамику социально-экономического развития; в-пятых, исходя из того, что один и тот же эффект в экономической системе может быть достигнут под влиянием разных (иногда взаимоисключающих) импульсов, одновременно одни и те же социально-экономические факторы могут порождать разные, иногда диаметрально противоположные, результаты» [2, 18—19].

Одновременно с такой трактовкой синергетического метода в современной экономической теории утверждается категория «синергизм» как название подсистемы глобальной экономики. Синергетическая подсистема, будучи составляющей глобальной системы, включает в себя «...экономические отношения индустриально развитых стран, развитие которых происходит в основном за счет внутренних импульсов и факторов на основе саморегулирования» [3, 24—26], — отмечает А.С. Филипенко.

Методология синергетического подхода позволяет трактовать экономику как синтез различных микроединиц, что характерно для саморегулируемых связей, формирующих финансовую рыночную макроэкономику, в функционировании которой принимают участие экономические субъекты со сложной системной природой, способные к производственной, потребительской, эмиссионной и инвестиционной деятельности. Проводится четкая линия размежевания от традиционных, местами ортодоксальных методологических подходов, которые воспринимают глобальную экономику как очередной виток «диалектической спирали», являющейся универсальным способом познания общественного процесса в целом.

Однако, если исходить из «этапности канонической экономической науки», важно избежать, с одной стороны, «догматизированного восприятия ее методологических определений как системы неизменных (канонических) постулатов и алгоритмов» [4, 73], а с другой — существует необходимость «...осознания принципа последовательности, который воплощается на уровне развития экономической методологии и соответствующим образом касается способа реализации не только ее позитивной, но и нормативной функции» [4, 73], — отмечает А.С. Гальчинский.

В этом контексте заслуживает внимания соотношение между синергетической и традиционной экономикой. Поскольку первая имеет дело с экономической эволюцией, она является частью теории экономической динамики, включающей множество теорий — деловых циклов, экономического роста, а также различные аналитические методы (скажем, такие, как принцип соответствия и т. д.). Все эти теории составляют традиционную теорию экономической динамики. Синергетическая же экономика является расширением теории экономической динамики, поскольку результаты последней можно объяснить в рамках этой новой теории. Более того, она пытается объяснить и другие экономические явления, которые традиционная теория игнорирует. С точки зрения синергетической экономики теории, составляющие традиционную теорию экономической динамики, являются не универсальными, а отдельными разновидностями экономической теории. Последняя должна стать методом, а не доктриной. Ее цель — обеспечить общество «методом для систематического и планомерного изучения ряда проблем» [5, 372], — отмечал Дж.М. Кейнс.

Хотя мы не можем утверждать, что синергетическая экономика решает все проблемы экономической эволюции, можно сделать вывод, что эта новая теория позволяет экономике объяснить и даже предвидеть некоторые динамичные процессы, что не под силу традиционным теориям и методам. Синергетическая методология предлагает и обосновывает новые возможности для объяснения сложных экономических явлений. Это означает, что «...доминирующий тип методологической рефлексии не просто проявляет себя на основе предыдущей методологической “доминанты”, но также представляет собой познавательную ситуацию, в рамках которой соответствующие ей (предыдущей “доминанте”) методологические навыки реализуются субъектом познания по-новому, не так, как они функционировали на предыдущих этапах развития теоретического познания» [6, 162], — в данном случае, познание экономической реальности.

Традиционная экономическая теория предложила ряд фундаментальных экономических механизмов: конкуренцию, кооперацию, рациональное поведение экономических субъектов. основополагающими для экономики, осмысленной с позиции синергетической методологии, являются понятия «рациональное поведение», «стойкость» и «равновесие». Новая же экономика с точки зрения синергетической методологии переносит центр тяжести на такие концепции (например, неравновесие), которые не затрагиваются традиционной экономикой. Методология синергетической экономики

усматривает источники трудностей экономической эволюции больше в неравновесии и нелинейности, чем в постоянстве, равновесии и линейности, что характерно для традиционной экономики.

Основным предметом традиционной теории «экономической динамики» является теория «деловых циклов», имеющая огромное значение и для синергетической экономики. С точки зрения синергетической методологии «деловые циклы» могут быть последствием нелинейного взаимодействия между различными экономическими и политическими факторами. Они могут возникать не только в конкурентной, но и в плановой экономике. Правда, в экономических системах с «устоявшимся фокусом» (циклом) можно вызвать «слабые колебания» (неравновесие) и «приучить трудовой ресурс работать интенсивно, а руководство предприятия вынудить бороться за технические новинки и эффективно их воплощать» [7, 115]. Вместе с тем такие экономические системы «...имеют больший запас стойкости при повышении непроизводительных расходов по сравнению с устоявшимися граничными циклами. Но в то же время большие непроизводительные расходы — это и возможность большей бесхозяйственности» [7, 115]. Последнее не созвучно теории «рациональных ожиданий». Синергетическая экономика предлагает ряд аналитических методов для исследования «эндогенного хаоса» экономических систем. Тем самым «нелинейность» выступает более перспективной линией исследования экономических систем.

Важно отметить, что с помощью синергетической методологии переосмысливаются понятийно-категориальный аппарат традиционной экономической теории, а также взаимодействие сущности и явления. Изменяется ситуация — и нужно выделять другие сущностные стороны явления, ибо что-то другое становится более важным. В общем, использование методологии синергетики не отменяет существующих экономических теоретических моделей, как и категориальный аппарат, она корректирует их и развивает, создает основу для формирования общей системной парадигмы экономической теории.

Исходя из того, что динамические системы — это системы с обратной связью, они похожи на «сложные проценты»: их показатель больше единицы. В социально-экономической системе также существует своего рода обратная связь: коллективный порядок в сложной системе определяется взаимодействием ее элементов (так называемая самоорганизация). Таким образом, рядом с термодинамической, генетической, нейтральной самоорганизацией выделяем также «социальную и экономическую самоорганизацию» [8,

90], относящуюся к нелинейным динамическим системам. С одной стороны, люди обладают индивидуальной волей, с другой — поведение элементов руководствуется коллективным порядком. И хотя воля индивида влияет на «коллективный порядок», тем не менее его (индивида) «ведут» аттракторы «коллективного поведения».

В процессе синергетического анализа экономического развития существует ограничение рациональных решений человека «случайностью» рынков. Традиционная математическая теория принятия решений предусматривает абсолютную рациональность экономических агентов. Г. Саймон ввел принцип «ограниченной рациональности». Он обусловлен ограниченностью человеческого знания, информации, времени, а также сложностью нашей модели. Сегодня обилие информации не может «фильтроваться» при недостатке времени. Следует принимать во внимание реальные особенности обработки информации человеком и принятие им решений, определяемых «эмоциональными, подсознательными, своего рода аффективными и нерациональными факторами» [8, 24], — отмечает К. Майнцер.

В таком аспекте экономическая синергетика более наглядно — сравнительно с синергетикой как естественной наукой — обнаруживает свойства новой научной парадигмы. Происходит пополнение ряда хорошо изученных систем с акцентом на системы с «внутренним временем», на сочетание факторов капитала, прибыли, труда и внутреннего состояния человека в соизмерении со сложными траекториями развития. Такие системы способны к самоорганизации и саморазвитию, к накоплению внутренней энергии, которая постоянно обменивается со своим внешним окружением. В данном социоэкономическом бытии «системные связи реализуются путем постоянной коммуникации» [9, 21]. В силу этого необходимо больше знать о фактических «макроэкономических» действиях людей, об их когнитивном и эмоциональном поведении, чтобы лучше понять макроэкономические тренды и макроэкономическую динамику. Это является одним из важных аспектов развития экономической теории.

Важным аспектом содержания синергетического метода мы считаем наличие «нелинейного мышления». Его важные признаки — многовариантность и альтернативность эволюции; возможность выбора ее оптимальных путей; ускорения темпов развития, в особенности инициативность ускоренного нелинейного роста; влияние каждой личности на макросоциальные процессы; недопустимость навязывания социальным системам определенных путей развития; осуществление социальных процессов в условиях неопределенности,

нестабильности; невозвратность развития; эволюционность и целостность мира.

Литература

1. *Філіпенко А.С.* Глобальні форми економічного розвитку: історія і сучасність. К., 2007.
2. *Економічна теорія: Політекономія: Підручник / За ред. В.Д. Базилевича.* К., 2001.
3. *Світова економіка: Підручник / А.С. Філіпенко.* К., 2000.
4. *Гальчинський А.С.* Економічна методологія. Логіка оновлення. К., 2010.
5. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.
6. *Медведев В.А.* О тенденциях развития методологической культуры мышления // Вопросы философии. 2010. № 2.
7. *Милованов В.П.* Синергетика и самоорганизация: социально-экономические системы. М., 2010.
8. *Майнцер К.* Вызовы сложности в XXI веке. Междисциплинарное введение // Вопросы философии. 2010. № 10.
9. *Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.* Экономика как синергетическая система. М., 2010.
10. *Петерс Э.* Хаос и порядок на рынках капитала. Новый аналитический взгляд на циклы, цены и изменчивость рынка. М., 2000.

А.В. ТУЧА

Проблема идентификации монополии в контексте современной трансформации российской экономики

Аннотация. В статье рассматривается одна из проблем, стоящих перед лицом трансформации российской экономики – идентификация монополии как экономического явления, а также связанная с ней эффективность работы рынка. Выявлены основные параметры, свидетельствующие о наличии монополии на рынке, проведен анализ эффективности их применения в современных условиях.

Ключевые слова: экономическое развитие, экономическая трансформация, монополия, конкуренция, эффективность рынка.

Abstract. This article considers one of the problems facing transformation of the Russian economy – identification of monopoly as economic event, as well as corresponding efficiency of the market. The key parameters testifying to existence of monopoly in the market are revealed, the analysis of efficiency of their application in modern conditions is carried out.

Keywords: economic development, economic transformation, monopoly, competition, efficiency of the market.

В течение двадцати с лишним лет трансформации российской экономики в основных чертах удалось сформулировать контуры рыночной системы. Но, как это ни парадоксально, в части соотношения и эффективной взаимосвязи конкуренции и монополии продолжают иметь место и функциональные, и прикладные проблемы, без постановки и решения которых вырыв к развитию, как минимум, маловероятен. Одной из таких проблем, очевидно, является проблема *идентификации монополии*.

Мировой экономический кризис затронул все страны, вовлеченные в мировое хозяйство, но тем не менее в каждой отдельно взятой стране кризисные процессы ощущались по-разному. Сегодня кризис 2008—2009 гг. преодолен, о чем свидетельствуют макропоказатели российской экономики, такие как ВВП (уровень роста ВВП в 2012 г. составил 3,5% в сравнении с уровнем роста ВВП в 2009 г. — 0,8%), уровень инвестиций в основной капитал (темпы роста показателя в 2012 г. — 107,8%; в 2009 г. — 84,3%), уровень безработицы (2012 г. — 5,9%; 2009 г. — 8,7%), производительность труда (в 2012 г. составила 102,6%, в 2009 г. — лишь 95,9%) [1] и т. д. Однако экономика находится в состоянии неопределенности в связи с вероятностью наступления второй волны кризиса. Следовательно, сегодняшние реформы, касающиеся узловых точек развития России, должны более рационально решать поставленные перед страной экономические задачи.

Одной из таких задач является разрешение вопросов о необходимости регулирования деятельности монополий, об эффективности или неэффективности конкурентной и монополизированной среды, сфер применения антимонопольного законодательства и, наконец, функциональной идентификации монополии как экономического явления в рамках общей концепции экономического развития России.

Итак, термин «монополия» означает «исключительное право на осуществление какого-либо вида деятельности, предоставляемое только одному лицу, группе лиц или государству» [2, 227]. Но на практике не так уж и просто определить, действительно ли компания

является монополистом или же нет. Современный механизм идентификации монополии основан главным образом на изучении состояния конкурентной среды и уровня концентрации на рынке. Указанные подходы применяет как российское, так и зарубежные антимонопольные законодательства. И в силу того, что на Западе рыночные отношения сформировались гораздо раньше, антимонопольное регулирование в развитых зарубежных странах более совершенно, чем в России. Но это вовсе не означает, что оно может быть применимо в российских условиях. Экономические условия России существенно отличаются от стран ЕС и США. Для России объективно необходимо централизованное начало производства в силу наличия специфических черт самого хозяйственного уклада и непростых экономических условий, да и особенностей менталитета самих россиян.

В стране не в полной мере развивается мелкий бизнес, так как он предпочитает заниматься по большей части не самим процессом воспроизводства, а перераспределением уже произведенных экономических благ (такой тип поведения мелких частных предпринимателей целесообразно назвать предпринимательство-посредник, а не предпринимательство-производитель). Поэтому необходима государственная поддержка производства, осуществляемого в лице государственных и/или поддерживаемых государством монополий.

В проблематике эффективности механизма функционирования монополии и конкуренции главной целью является увеличение общественного благосостояния. Множество экономических моделей построено на предположении о том, что только при совершенной конкуренции достигается максимальное благосостояние общества. Именно поэтому антимонопольные органы прежде всего, стремятся приблизить реально сложившуюся в отрасли (стране) рыночную структуру к совершенной конкуренции — в полной мере «стандартному эталону оптимальности» [3, 43]. Согласно данной концепции, экономические потери благосостояния возникают по мере удаления от параметров модели совершенной конкуренции и, наоборот, по мере приближения к ним в полной мере эффективность рынка возрастает. По этой причине обозначились основные способы ограничения деятельности монополий, в первую очередь контроль над экономической концентрацией, злоупотреблением доминирующим положением, согласованными действиями фирм (сговоры) и т. д. Но дело в том, что исходя из характера рынка, общего состояния конкретной отрасли и смежных отраслей, подъема или спада деловой активности, целей и направлений экономической политики страны,

статуса государства в мировой системе и т. п., конкуренция не всегда является оптимальным вариантом ведения хозяйственной деятельности. Поэтому с точки зрения максимизации выигрышей всех участников рынка (как продавцов, так и покупателей) анализ выигрышей и проигрышей от деятельности монополии целесообразно начинать с установления соотношения между конкуренцией и монополией в конкретных условиях хозяйствования. Для достижения данной цели обратимся к наиболее часто применяемым показателям, свидетельствующим о наличии монополии на рынке.

1. Измерение монопольной власти. Осуществляется посредством расчета индексов Лернера, Бейна и Тобина. Однако последние два индекса редко применяются на практике из-за сложности расчетов. Индекс же Лернера рассчитывается как отношение разницы между ценой товара и предельными издержками его производства к цене [4]. Главным достоинством рассматриваемого показателя принято считать то, что он показывает отклонение цены продукта от предельных издержек на его производство, которое в свою очередь свидетельствует о неэффективном размещении ресурсов и наличии монопольной власти. Но в реальной хозяйственной системе, на самых разных рынках, цены всегда отклоняются от предельных издержек (так как кривые спроса не бывают совершенно эластичными), поэтому однозначный ответ на вопрос о наличии монопольной власти на рынке дать затруднительно, а, следовательно, считать подобный рынок монополизированным нельзя.

2. Измерение экономической (рыночной) концентрации, которая характеризуется «сосредоточением производства, капитала в одном месте или в одних руках, преобладанием на рынке одной или нескольких фирм» [2, 189]. Наиболее часто применяемым обобщающим показателем измерения рыночной концентрации является индекс Герфиндаля—Гиршмана — чем выше значение рассчитываемого показателя, тем сильнее концентрация и тем очевиднее неравенство между предприятиями; чем ниже его значение — тем сильнее на рынке выражена конкуренция. Но с эффективностью применения этого индекса в ракурсе ограничения монопольных тенденций тоже можно поспорить. Нужно изучить вопрос, за счет каких факторов увеличивается концентрация. Если за счет таких факторов, как: а) рост эффективности фирм, б) внедрение новых продуктов/технологий, в) образование слияний фирм с целью экономии от масштаба производства и распределения и т. п., то можно ли считать такую концентрацию неэффективной и наносящей ущерб общественному благосостоянию? Подобная концентрация может нанести вред совершенной конкуренции, но не самому конкурентному процессу.

3. Перекрестная эластичность в связке с наличием (отсутствием) монополий. Коэффициент перекрестной эластичности отражает изменение реакции покупателей одного товара вследствие изменения цены на другой товар. Иначе, если перекрестная эластичность высокая (изменение цены на один товар вызывает изменение объема продаж другого товара), то такие товары являются товарами-заменителями и конкурируют на рынке. И наоборот, если перекрестная эластичность находится на низком уровне, товары аналогами не являются и не конкурируют на рынке. Здесь следует учесть важный момент: вследствие огромной дифференциации товарного ряда сегодня на большинстве рынков действуют не монопольные структуры, а монополистическая конкуренция. На практике «ограниченной», или частичной, монополией может обладать фактически каждый производитель, который дополняет свой товар или услугу какими-либо уникальными (эксклюзивными) свойствами или функциями, привлекающими покупателей данной продукции. Поэтому однозначного ответа на вопрос о наличии монополии на данном рынке по данному критерию дать невозможно, тем более судить об эффективности или неэффективности монополии (если она присутствует).

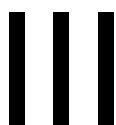
4. Барьеры для входа/выхода на рынок и монополия. Существенное отличие монополии от совершенной конкуренции заключается именно в наличии барьеров входа на рынок (чаще всего барьерами принято считать экономию от масштаба, владение уникальным ресурсом, наличие дифференциации товаров, доступность информации, рекламу и т. п.). Если рынок защищен подобными барьерами — можно констатировать, что такой рынок монополизирован. Но вновь возникает вопрос о действенности такого подхода и, следовательно, о целесообразности ограничения действия монополии, если барьеры для входа в отрасль носят естественный, а не искусственный характер, и монополия, по сути, фактически является эффективным производством. Часто наличие экономических преимуществ, которых добились определенные фирмы, — экономии на издержках за счет масштаба, улучшения качества товара или наличия гарантийного и послепродажного обслуживания или вследствие других факторов — подменяется понятием монопольной власти. Но можно ли считать подобные «монополии» неэффективными с точки зрения общественного благосостояния? Видимо, нет.

Критерии эффективности или неэффективности функционирования рынка не должны сводиться лишь к структурным параметрам среды. Структурный подход деления рынка на конкуренцию и монополию не

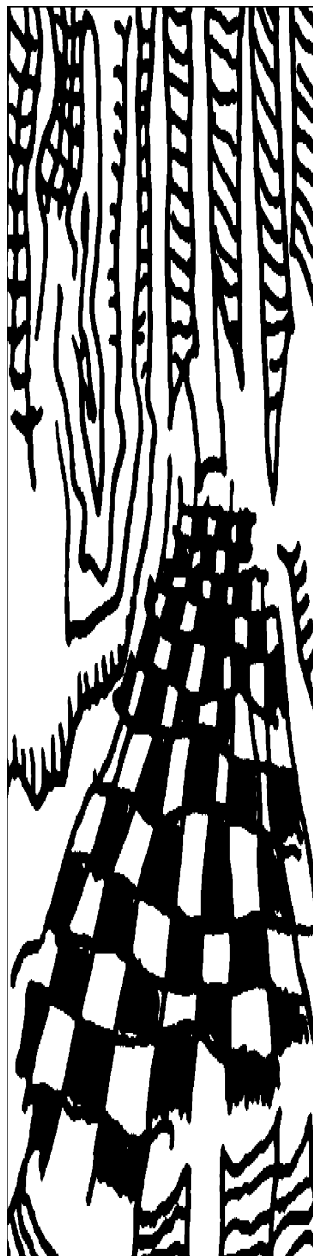
дает объективных аргументов в части эффективности функционирования рынка, особенно когда конъюнктура рынка нестабильна, так как рассматривает конкуренцию и монополию в статичном состоянии. В действительности же конкуренция и монополия — это непрерывный процесс взаимодействия и взаиморазвития. И именно поэтому целесообразно было бы поставить вопрос не о пресечении деятельности монопольных структур, а об эффективном соотношении конкуренции и монополии, с акцентом на качественные показатели функционирования экономической системы, расширяющие стимулы и возможности предпринимательской деятельности. Затронутая тема особенно актуальна сегодня, на фоне общей неопределенности развития страны, так как устранять монополию, добиваясь чистой конкурентной среды, просто опасно для России в сложившихся условиях, с точки зрения обеспечения национальной конкурентоспособности и экономической безопасности страны в мировом пространстве. Конечно, с одной стороны, на внутреннем рынке развитие конкуренции объективно и необходимо, но с другой — на внешнем рынке целесообразно создавать условия для эффективной деятельности и повышения конкурентоспособности национальных производителей (даже если они являются монополиями) перед иностранными конкурентами.

Литература

1. <http://www.economy.gov.ru>.
2. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М., 2003.
3. Арментано Д.Т. Антитраст против конкуренции. М., 2008.
4. Lerner A.P. The Concept of Monopoly and the Measurement of Monopoly Power // The Review of Economic Studies. Vol. 1 (3). 1934. June.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

Критика теории перманентного Ренессанса

Аннотация. В статье анализируются две стратегии понимания современных проблем цивилизации. Одна из них представлена теорией перманентного Ренессанса Слотердайка. Другая — идеей Нового Средневековья.

Ключевые слова: Ренессанс, Слотердайк, глобальные проблемы, Боккаччо, клиповое сознание, гуманизм, христианство.

Abstract. In article two strategy of understanding of modern problems of a civilization are analyzed. One of them is presented by the theory of the permanent Renaissance of Sloterdijk. Another — idea of the New Middle Ages.

Keywords: Renaissance, Sloterdijk, global problems, Boccaccio, clip consciousness, humanity, Christianity.

19 апреля 2013 г. в Петербурге в рамках «Недели Германии в России» выступил с докладом известный немецкий философ профессор П. Слотердайк, а также состоялась дискуссия, в которой приняли участие А. Секацкий, А. Перцев и я. Доклад Слотердайка назывался: «О счастье и несчастье в век перманентного Ренессанса». Что же мне понравилось и что не понравилось в докладе Слотердайка и почему?

Креативное мышление

Прослушав доклад Слотердайка, я понял, что Слотердайк — это не Хабермас. Хабермас склонен к понятийному мышлению, а Слотердайк — к клиповому. Что характерно для понятийного мышления? То, что оно, обнаружив в себе логические пустоты, старается их скрыть, замазать, заполняя квазипонятийными языковыми структурами.

Клиповое мышление креативно, а креативное мышление не может быть системным. Это скорее лоскутное мышление, фрагментарное. Чем больше в нем пустот, тем больше степеней свободы, подвижности. Ему нужны не логические переходы от одного фрагмента мысли к другому, а неожиданное «вдруг», игра метафор. Слотердайк, как сплавщик леса, прыгает с одного фрагмента мысли на другой, переводя их в движение, направляя поток к своей цели. Для Слотердайка важна не истина, для него важно исследовать пределы своей возможности мыслить иначе.

Рождение мира из духа чумы

В настоящее время существуют два подхода к решению глобальных проблем цивилизации. Один из них известен в виде «Докладов римскому клубу». Другой именуется «Русский космизм». В первом случае речь идет о нулевом росте цивилизации и перестройке субъективности. В другом случае людям предлагают переселиться в космос, ибо земля — это колыбель, но, по словам Циолковского, нельзя вечно жить в колыбели.

И в том, и в другом случаях никому не приходило в голову искать код решения современных проблем цивилизации в XIV в., а Слотердаjk его ищет и находит в том, что, на первый взгляд, может показаться пустой болтовней.

Чем славен XIV в. в Европе? Жорж Дюби в книге «Время соборов» пишет, что в это время в Европе кругом царил почти полное безлюдье. Европа по сравнению с Византией была бедна и провинциальна. Это был дикий мир. В XIV в. по Европе пронеслась чума. Жить в ней стало невозможно. Этим и славится XIV в. в Европе.

Правда и XI в. Европы мало чем отличается от XIV-го. В нем, по свидетельству хронистов, люди набрасывались друг на друга, многие убивали себе подобных и, словно волки, утоляли голод человеческим мясом. Нужда крепко держала человека в своих ежовых рукавицах.

Однако Слотердаjk обращает внимание на то, что в XIV в. появился Боккаччо с «Декамероном». На его взгляд, «Декамерон» — это не пустая болтовня, это событие, которое носит судьбоносный для Европы характер, а следовательно, и для всего человечества, так как в нем генерируется жизнеутверждающий взгляд на мир, раскрывшийся позднее в протестантизме, в эпохе Просвещения и в технических достижениях цивилизации. Поэтому-то Слотердаjk и попытался раскрыть окружающий мир из духа эпидемии. В русской культуре его идея формулируется так: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Замечу, что Слотердаjk в некотором смысле прав в том, что философия — это вообще странная наука, ибо она наука об изнанке мира, о том, понимание чего требует метанойи, перестройки ума, иной фокусировки взгляда. Вот такой перестройкой взгляда и занят был Боккаччо. Что мы знаем о новеллах Боккаччо? То, что это очень фривольные рассказы. Профессор Слотердаjk же смотрит на «Декамерона» иначе. Приведу пример: что мы делаем, когда ребенок плачет? Мы ему говорим: смотри, птичка пролетела. Ребенок смотрит и перестает плакать. А что делает Боккаччо во время чумы? Да то же самое. Он своими рассказами переводит читателя из одного состояния в другое. Он поднимает настроение. Вокруг свирепствует чума, лежат трупы, а Боккаччо фиксирует взгляд читателя на ином предмете, он говорит: прохожий,

живи, не унывай. Жизнь непрерывна, и в мире все еще только начинается. Вот эту философию утешения и надежды и находит Слотердаик в «Декамероне» Боккаччо, в котором, согласно Слотердаику, берут начало теплые воды ренессансного Гольфстрима и с тех пор омывают берега Европы. В результате над Европой воссияло солнечное утро, а чтобы это утро всегда оставалось солнечным, Слотердаик придумал теорию перманентного Ренессанса.

Ренессанс для неевропейцев

Суть этой теории проста: он полагает, что за одним утром обязательно последует другое солнечное утро, за одним открытием будет другое открытие, и так будет всегда. Только роль Боккаччо теперь выполняют средства массовой информации.

Но здесь напрашивается вопрос, а на чем основана такая уверенность? Слотердаик, видимо, не знает истории одной несчастной курицы, которая думала, что живет в лучшем из возможных миров. Два раза в день, утром и вечером, во дворе появлялся хозяин и насыпал ей зерно. И вот однажды он появился, но в руке его было не лукошко с просом, а топор, и вечная тьма накрыла Галилею курицы.

Я хочу спросить Слотердаика, не боится ли он этой тьмы, не накроет ли она однажды Европу? Не появится ли злокозненный гений из невидимой стороны мира, и не окажется ли так, что то, что было для Европы счастьем, станет ее несчастьем? Если же Слотердаик ничего не боится, то почему он тогда ничего не говорит о том, что теплые воды европейской культуры сегодня обогревают не тех, кто имеет отношение к ее истокам, но тех, кто не имеет никакого отношения к ренессансному духу Боккаччо.

Возникновение гуманистической перспективы

Слотердаик говорит, что Бог убил в XIV в. половину населения Европы, и народ за это восстал на Бога. Но ведь Слотердаик знает, что чума — это не Бог. Это проблема гигиены, санитарных служб и торговли. Разве Фома Аквинский был не прав, когда писал: мы должны молиться, как если бы все зависело от Бога, и одновременно мы должны действовать так, как если бы все зависело от нас. На мой взгляд, именно здесь, в этой двусмысленности, а не у Боккаччо, состоялся судьбоносный разрыв европейской культуры, внутри которого возникла перспектива гуманистического взгляда, т. е. взгляда, не искривленного присутствием Бога.

Пустой дом

Единственным неевропейцем, противоречащим ренессансному духу Европы, Слотердаик почему-то называет Иисуса Христа. Слотер-

даик по не понятным для меня причинам хочет, чтобы европейский человек только работал и не молился и читал в газетах жизнеутверждающие рассказы. Почему так, хочу я спросить Слотердайк? Ведь если человек перестанет страдать и молиться, то его трудно будет отличить от робота. И его забота о себе займет место заботы Бога о человеке. Но нет зрелища более отвратительного, чем заботящийся о себе человек. Иными словами, если Европа откажется от христианства, то она станет пустым домом, и ее пустоту смогут заполнить новые народы, у которых есть боги, которые о них заботятся.

Перманентный Ренессанс — это не саботаж против уныния, как думает Слотердайк. Это саботаж против Бога, против трансцендентного. В чем заключается этот саботаж? На этот вопрос ответ дает живопись Ренессанса: в фигуре человека, равномогущего Богу. Равно как и Просвещение — это, на мой взгляд, не саботаж против судьбы, а заключение Бога под стражу знания. В XVIII в. его поместили в прощанство, которое Эпикур называл Интермундией и в котором он был обречен на бездействие. А бездействие — это умирание Бога.

Человек как бесполезная страсть стать Богом

На мой взгляд, Слотердайк хочет самого европейского человека сделать Богом. Но зачем? Что он может сделать в дни второго творения, когда все уже сделано? Слотердайк говорит, что он будет обновлять природу. Но разве побочные продукты этого обновления не страшнее чумы? Ведь на что они указывают? На бытие, которое сопротивляется действию и дает о себе знать в виде непредсказуемых результатов, показывая, что человек — это бесполезная страсть стать Богом.

Богу для творения требовалась не логика, не рассудительность, а то, что в русской философии называют Софией. Если человеку нужен логос, то Богу — София. Логос — для жизни, София — для творения. Что потребуется человеку, для того чтобы быть Богом? Интернет? Слотердайк об этом ничего не сказал, а это интересно.

Троица

Слотердайк предлагает перестроить христианскую Троицу, сделать так, чтобы человек смотрел на Бога-Отца, а не на Бога-Сына, ибо первый — мастер творения, а второй — мастер страдания. Человеку надо учиться творить, а не учиться страдать.

Но Слотердайк ничего не сказал о том пределе, на котором заканчивается животное и начинается человеческое. Хотя сегодня уже для многих стало очевидным, что человек — это его греза, что интеллект не имеет никакого отношения к сознанию, ибо он требует вычисления,

а не самовоздействия. Человеческое в человеке начинается в момент страдания и самоограничения, дух которого передает Евангелие.

Дословное новеллы

Слотердаик второй день нового творения отдает новелле, жизнерадостной информации, сообщению. Конечно, говорить — значит, демонстрировать свою социальность, но в основе любой коммуникации лежит не смысл, а ложь. Событие может лишить любой смысл осмысленности, если ему (смыслу) не предшествовала работа по преодолению бессмысленности. А это значит, что язык самой новеллы, язык того, что Слотердаик называет микроевангелиями, рождается не из слова, а из дословного.

Фортуна на месте Духа

Рассказ Слотердаика о случайности и фортуне интересен тем, что на место Духа он ставит фортуну. Из доклада Слотердаика мы узнали, что в соответствии с Третьим Заветом дух будет дышать там, где сможет, а не там, где он захочет. Для того чтобы он смог дышать, нужно, чтобы случайное случилось, хотя оно может и не случиться. Но ведь все, что случается, имеет причины, исследует которые наука. Означает ли это, что наука не дает возможности духу дышать?

Без прошлого и будущего

Для того чтобы случился перманентный Ренессанс, нужно придумать такое время, в котором настоящему не предшествует прошлое, и будущее не подстерегает настоящее. Профессору Слотердаику волевым образом придется отказаться и от случайности прошлого, и от случайности будущего. Почему? Потому что мастерская по улучшению настроения, созданная в Европе, не нуждается в случайности как форме проявления необходимости. Она нуждается в сознании, которое поет самому себе очаровывающие песни.

В терминах перманентного Ренессанса Слотердаика невозможно понять, как из новелл Боккаччо сложилось современное европейское неприятие необходимости называть вещи своими именами, как искреннее сознание человека Возрождения стало в Европе толерантным и политически корректным.

Зачем нам непрерывный Ренессанс, если в нем новое сменяется новым так быстро, что никто не может извлечь смысл из происходящего? Мне не нравится такой Ренессанс. Есть в нем что-то от перманентной революции Троцкого.

Резюме

Доклад профессора Слотердайка я понял как высказывание о Европе и одновременно как высказывание о современном мире, изменяющемся, который сама Европа изменилась до неузнаваемости, и сегодня она ищет себя и свое место в мире и, как мне показалось из доклада Слотердайка, никак не может найти.

Нам, русским, Европа нравится, но взгляд на Европу из России не может не отличаться от того способа, которым сами европейцы смотрят на себя. В Европе считают, что Гольфстрим религиозной иллюзией, и земля стала мячом, который, как говорит Слотердайк, играет игроками.

Я думаю, что земля скоро может стать сферой, центр которой будет нигде, а поверхность везде, а это означает только одно: все мы вновь как бы оказались в начале христианской эры, и христианство снова должно метафизически завоевать мир. Либо он будет нами завоеван, либо мы его потеряем.

О.Н. КАЗАКОВА

Символ как основа культуры информационной реальности

Аннотация. Статья раскрывает проблему соотношения знака и символа в культуре информационного общества. Выясняется возможность соприкосновения семиотического и деконструктивистского подхода в интерпретации символа. Исследуются особенности символа как основы культуры информационной реальности.

Ключевые слова: знак, символ, семиосфера, культура, информационное общество.

Abstract. The paper reveals the problem of interrelations between a sign and a symbol in the information society culture. A possibility of semiotic and deconstructive approaches contact in symbol interpretation is found out. The features of symbol as a basis of information reality culture are studied.

Keywords: sign, symbol, semiosphere, culture, information society.

Становление информационного общества, являющееся следствием информационной революции, в современных условиях указывает на развитие нового типа взаимодействия человека с пространством знаков, символов и образов. Происходит переход «от Гуттенберга к Интернету» (У. Эко), рождается новый тип культуры, являющей новый тип семиосферы. Это культура *информационного мира*, в котором че-

ловец становится частью системы знаков, превращающихся в символы информационной реальности.

Информационная реальность в целом, по мнению В.М. Розина, может быть раскрыта с четырех основных позиций: это «специфическая технология, особенная знаковая система (семиозис), широкий спектр средств решения различных социальных и индивидуальных задач, наконец, значимый фактор и аспект современной среды проживания человека» [1, 3]. Все указанные значения дают возможность, во-первых, оценить социальный способ жизни человечества с позиции изменений способа построения взаимодействия по оси «человек—информация». Такой способ осмысления социальной действительности, в частности, был предложен М. Маклюэном, который всю историю человечества рассматривал с точки зрения последовательного изменения информационной среды. Человек воспринимал то текстовую информацию («галактика Гуттенберга»), то — визуальную (эпоха телевидения). Сегодня человеку доступны все вышеперечисленные средства, таким образом, на формирование культуры влияет огромное пространство информационных «текстов» разного рода, формы, не говоря уже о содержаниях. Такие направления, как структурализм и постструктурализм, семиотика, структурная антропология и деконструктивизм, дают возможность проанализировать способы формирования социокультурной среды обитания человека.

Оценка социокультурного значения, которое приписывается знакам, дает возможность отметить сущностный генезис, который происходит при каждой информационной революции: это — переходы от знаков к символам, которые в ней происходят. Знак получает свое место в системе культуры тогда, когда он становится символом. Символ — это сущность, структура которой состоит из того, что символизируется (смысл), и того, что символизирует (чувственно-предметное явление), а также из того, что объединяет первое и второе (мышление). Символ является иррациональным, поскольку интерпретации его смысла могут приумножаться до бесконечности, «также он сакрален — намекает на таинственное, что становится в нем явным» [2, 24]. В системе культуры символ раскрывает ее полноту, что, по мнению Ю. Лотмана, является способом реализации культуры как семиотической системы: «любая, как реально данная в истории культуры, так и описывающая какой-либо значимый объект лингвосемиотическая система ощущает свою неполноту, если не дает своего определения символа» [3, 211—212].

Трактуя символ, Ю. Лотман определяет возможность двух подходов — рационального и иррационального. В одном случае символ вы-

ступает как знак, во втором — как накопитель памяти культуры. Специфика такого подхода состоит в том, что символ накапливает значения, в которых когда-либо выступал — «пронзая культуру по вертикали». С одной исторической эпохи символ со свойственным для него набором значений переходит в другую, где приобретает новые смысловые значения, не потеряв предыдущих. Символ выступает как механизм «памяти культуры», как «послание других культурных эпох» (других культур), как напоминание о древних (вечных) основаниях культуры» [4, 67]. В структуре символа, таким образом, можно выделить момент соединения разных знаковых систем семиосферы, которая содержит в себе разные коды, языки, культурные миры, направления и виды человеческой деятельности.

Предложенные Ю. Лотманом рациональный и иррациональный подходы к интерпретации символа по-иному воспринимаются в традиции постмодернизма, в частности, у Ж. Делеза, который вводит понятие двух серий, «дуальности событий». Но не как традиционные бинарные оппозиции классической метафизики (материя—сознание, природа—дух), не как бинарные оппозиции неклассической философии (рациональное—иррациональное), а как характеристики такого мира, который состоит из предложений и того, что ими выражено (смыслов). В подобном прочтении «дуальности» не противостоят одна другой, а являются двумя компонентами одного целого. Они разделены только «поверхностью», на которой возможны их «столкновение», но равно и взаимные переходы одна в другую. В мире «поверхности» важным является компонент, обозначающий «говорение» — это движение «поверхности», идеальных атрибутов и «бестелесных» событий [5, 85]. Именно последние являются условием формирования символов (символического мира).

Таким образом, символам присущи две дуальности — причин и эффектов, телесных вещей и бестелесных событий (в мире «глубины»), а также вещей и предложений, тел и языка (в мире «поверхности»), поскольку смысл не существует вне предложения, которое его выражает. Вместе с тем смысл является атрибутом не самого предложения, а «состояния вещей», отображенных в нем. Событие фиксируется в языке, но оживает только в вещах, пребывающих на двух сторонах границы, репрезентированной смыслом, который не смешивает, не объединяет их. Другой тип дуальности проявляет себя при помощи смысла, поскольку предложение, будучи одним и тем же, может иметь несколько смыслов одновременно. Как указывает Ю. Лотман, символ являет собой нечто выделенное из окружающего семиотического контекста. Являя «оконченный текст, символ может не включаться в какой-либо синтагматический текст, а если и включается в него, то со-

храняет при этом смысловую и структурную самостоятельность» [4, 148].

Таким образом, в отличие от Ж. Делеза, Ю. Лотман подчеркивает момент архаичности и устойчивости, которые позволяют символу выступать свернутым генератором «культурной памяти». «Являясь важным механизмом памяти культуры, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного пласта культуры в другой» [3, 213]. У Ю. Лотмана символ — не только мост от одного уровня бытия к другому, но и определенная точка соприкосновения между миром действительным и виртуальным, реальным и «сверхреальным», рациональным и иррациональным, земным и вышним.

У Ж. Делеза момент смещения дуальности «внутри предложения» обуславливает двойственность состояния смысла, которая вызвала к жизни серию его парадоксов — регресса, раздвоения, нейтральности. Собственно, они также являются символическими мостами в дуальном раздвоении. Так, сущность парадокса «неопределенного размножения», или регресса, состоит в том, что каждый, кто говорит, уже «помещен» в смысл, иначе он не только не может говорить, но и думать. Получается нескончаемый регресс того, что имеется в виду при разговоре, который удостоверяет как бессилие того, кто говорит, так и все-силие языка. Парадокс «стерильного раздвоения», или «сухого повторения», означает, что только тела действуют и испытывают воздействие, но не бестелесные сущности, которые являются всего лишь результатами действия и испытания действий телами. Выделенный из предложения, смысл является независимым от него, поскольку приостанавливает как его утверждение, так и отрицание. Парадокс «нейтральности», или «третье состояние», сущности говорит: смысл совершенно не изменяется от предложения к предложению, которые противопоставляются с точки зрения количества, качества, отношения или модальности [5, 86].

На основании последнего парадокса Ж. Делез делает важный онтологический вывод: «Смысл равнодушен к универсальному и единичному, общему и частному, личному и коллективному, а также к утверждению и отрицанию и т. п. Иначе говоря, он равнодушен ко всем оппозициям, поскольку последние — только модусы предложения, взятые в отношениях и сигнификации, а не аспекты смысла, который выражается предложением» [6, 53]. Смысла нет без предложения, хотя предложением он не исчерпывается, поскольку он соотносится с денотатом предложения. Смысл — атрибут денотата, а не слов. «Смысл —

это поверхность, которая синтезирует и уравнивает противоположности, стягивая их в одно в своей индифферентности [2, 52].

В соответствии с размышлениями Ж. Делеза сферой функционирования смысла выступает *трансцендентальное поле*, населенное *сингулярностями*, которые опекаются генезисом индивидуальностей и лиц. Сингулярности являются «идеальными событиями», совокупность которых, а также и отношения между ними, лежат в основании структуры, которая создается в результате взаимосвязи серий. Бытие сингулярностей специфическое и не может сводиться к различию между вещами и состоянием вещей. «Сингулярность пребывает в другом измерении, а не в измерении определения, манифестации или сигнификации. Она сущностным образом доиндивидуальна, неличностна, аконцептуальна. Она совершенно равнодушна к индивидуальному и коллективному, личному и безличному, частному и общему и к их противоположности. Сингулярность нейтральна. С другой стороны, она не “нечто чрезвычайное”: сингулярная точка противоположна обычному» [6, 73]. Именно в сингулярной точке наличное состояние вещей может превратиться в другое, прямо противоположное ему; эта точка характеризует состояние нестойкого равновесия. После прохождения сингулярной точки возникает так называемое нормальное состояние, а бытие сингулярной точки определяется в «проблемной ситуации». Ж. Делез пытается выяснить место пребывания смысла, доказывая, что он порождается только там, где есть разница между поверхностью и глубиной, где существуют «события и предложения с уже знакомыми нам отношениями денотации, манифестации и сигнификации» [5, 90]. Он убежден, что классическая и неклассическая философия только прикоснулись к проблеме смысла, но не решили ее.

Символ и смысл как основания культуры играют важную роль в оценке ее смыслового значения. Вместе с этим традиционный взгляд на информационную историю человечества может быть дополнен оценкой социокультурного значения средств ретрансляции информации. При этом с каждой информационной революцией происходит генезис, который можно охарактеризовать как трансформацию знаков в символы. Символ — это такая сущность, которая в «своей современности» является побуждающим законом для действия бесконечного множества индивидуальностей [2, 24].

Культура состоит из символов, которые выступают также «той сферой смыслов, перед символическим субстратом мышления, рефлексия над которым порождает символы мышления, которые сводят душу и разум к символам сознания» [2, 28]. При этом символ не является знаком. Символ мышления понимается как отношение между «миром идеального» и «миром чувственного». Таким образом, если

знак указывает на предмет, то символ указывает на сознание. Именно в этом соотношении раскрывается проблема культуры, ведь ее смысл — «в сведении знака к символу» [2, 28]. А значит, знак раскрывает свою сущность и становится активной частью культуры тогда, когда является частью символа или символом.

Трансформировавшись в «культурный знак», символ реализует «культурный текст» как его чтение: связь осознающего с осознаваемым проявляется как связь знака и значения, и тогда «культурный текст» становится как бесконечно «возобновляемая предметность», «чтение текста, что возникает и расширяется при помощи чтения». Например, трансцендентальное Я человека, которое осуществляется в культуре в любом виде — как «человек вообще», «индивид» или «личность», — становится одним из культурных смыслов и начинает функционировать самостоятельно, независимо от «сознательного опыта и чистого Я». Как культурное явление, это «трансформированное Я вбирает в себя другие содержания, которые не имеют с ним ничего общего, за их счет продолжается в культуре и своими силами продолжает их существование [7, 253].

Проблема знака и его генезиса к символу раскрывается в информационной реальности. Возрастание количества информационных потоков приводит к осознанию первоочередной роли обмена информацией в функционировании любых систем, в том числе — социокультурной. Процессы информатизации, которые изменяют культурные, социальные и др. пласты жизнедеятельности человека, требуют переосмысления сущности современного инфомира. Семиосфера как знаковое и символическое пространство, в котором происходят процессы социализации, детерминирует развитие информационной истории человечества, трансформируя культурное пространство личности.

Наличный опыт семиотизации последних десятилетий — это опыт перевода символов сознания в знаки социального и культурного бытия. Такой переход отражается на всей семиосфере, которая, по мнению Ю. Лотмана, является пространством, заполненным знаками (аналог биосферы), и есть сама по себе культура. Последняя, рассматриваемая как «комплекс знаковых систем», и «актуализирует значимость семиотического измерения культурного пространства. Согласно семиотической парадигме, явления культуры — знаковые образования, участвующие в коммуникации. Семиосфера — пространство семиозиса, процесса порождения, функционирования, интерпретации, переработки культурных текстов» [8]. Вместе с этим, свой смысл культура обретает не тогда, когда она является набором знаков (которые для

каждой культурной среды инвариантны), а тогда, когда она становится пространством символов и смыслов.

Переход от знака к символу как от «мира вещей» до пространства смыслов отражает принятие личностью социокультурного бытия и формирования ею собственных культурных идентичностей на основе интерпретации этих символов. Но спецификой семиосферы с появлением такого носителя информации, как Интернет, является ее двойной характер: человек, который получает информацию из Интернета существует одновременно и в реальной, и в «виртуальной» семиосфере. Однако трансформация «знак—символ» как способ осмысления информационного пространства дополняется средой, от которой зависит, каким образом изменение происходит в каждом конкретном случае. Сознание и идентичность получают новые контексты в тройном смысле — символ — семиосфера».

Исследование знаково-символического пространства культуры, которое влияет на формирование личности, является чрезвычайно важным для осознания перспектив для самореализации, которые дает это пространство, а также информационное общество в целом. Человек в мире информации обретает более важные перспективы для становления собственной личности, когда осознает способ, которым эта информация структурируется, и понимает заложенные в ней уровни смыслов.

Литература

1. *Розин В.М.* Интернет — новая информационная технология, семиозис, виртуальная среда // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М., 2004.
2. *Сычева С.Г.* Проблема символа в философии. Томск, 2000.
3. *Лотман Ю.* Символ в системе культуры // Лотман Ю. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002.
4. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996.
5. *Куцепал С.В.* Французька філософія другої половини ХХ століття: дискурс із префіксом «пост». К., 2004.
6. *Делез Ж.* Логика смысла. М., 1995.
7. *Савельева М.Ю.* Введение в метатеорию сознания. К., 2002.
8. *Павлова О.Д.* Семиосфера как результат и развитие культуры // <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/15/image/15-058.pdf>.

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

Игра тезисы

Аннотация. Игра является имитацией смысла жизни и, следовательно, атрибутом бессмысленного существования. Идеология игры — мистицизм, ее инструмент — обман, цель того, кто играет, — власть.

Ключевые слова: игра, смысл жизни, социальная деятельность, вербализованная психика, коллективное бессознательное, мистицизм, финансововерие, власть, Постмодерн.

Abstract. Game is a form of imitation of the meaning of life and, therefore, is an attribute of meaningless existence. The ideology of game is mysticism, its tool — deception, the purpose of those who play games is power.

Keywords: game, the meaning of life, social activity, verbalized psychics, the collective unconscious, mysticism, finance-oriented world-view, power, Postmodern.

1. Игра (развлечение), или игровое (развлекательное) отношение к действительности, представляет собой имитацию строительства смысла жизни, или несмысложизненную деятельность, т. е. деятельность, не образующую смысла жизни.

2. Экзистенциальная значимость игры измеряется удельным весом смысложизненного компонента, входящего в ее структуру в качестве снятой (угнетенной) противоположности.

3. Социальная (отношенческая, хозяйственная) деятельность является игровой (развлекательной), так как структурирующая ее вербализованная психика (коллективное бессознательное), в отличие от сознания, не обеспечивает серьезного отношения к действительности, т. е. не обеспечивает понимания действительности.

4. Игра — исключительно человеческий феномен, потому что она представляет собой социальную (отношенческую, хозяйственную) деятельность, которая антропогенна. Животные не играют — они разрабатывают свои инстинкты.

5. Биологическая (инстинктивная) деятельность человека не является игровой, поскольку она несет в себе животное начало, которое в принципе не может перерасти в смысложизненное.

6. Биологическая (инстинктивная) деятельность животных и человека невербализована и поэтому несемантизирована. Следовательно, она не сопряжена со смыслом жизни.

7. Социальная (отношенческая, хозяйственная) деятельность вербализована и семантизирована, следовательно, сопряжена со смыслом

жизни, хотя и не образует его: она является необходимым, но не достаточным условием смысложизненной (познавательной, культурной, духовной) деятельности.

8. Игра не образует смысла жизни, однако без игры он не может сформироваться, потому что без игры нет отношений, а без отношений нет смысла жизни. Вывод: смысл жизни возникает исключительно как результат прогрессивно-качественной трансформации игры.

9. Радикальный отказ от игрового отношения к действительности — тоже игра, точнее, способ абсолютизации игры.

10. К игре не относятся, будучи ее противоположностями, биологическая (инстинктивная) и духовная (познавательная) деятельность: первая — ниже игры, вторая — выше нее.

11. Игра — несмысложизненная деятельность человека, точнее, социальная (отношенческая, хозяйственная) деятельность, которая образует инфраструктуру смысла жизни и может трансформироваться либо в биологическую (инстинктивную) деятельность (регрессивный вектор), либо в духовную (познавательную), т. е. смысложизненную деятельность (прогрессивный вектор).

Примечание: поскольку игра — социальная (отношенческая, хозяйственная) деятельность, по термину «игра» плачет бритва Оккама.

12. Субъект смысла жизни — философ (носитель сознания, представитель сознательно-психико-телесного (духовно-социально-биологического) антропологического типа, личность, ментальная мужчина), субъект игры — обыватель (носитель коллективного бессознательного, представитель психико-телесного (социально-биологического) антропологического типа, индивид, ментальная женщина).

13. Концепция «человека играющего» (Хейзинга, «Homo ludens») констатирует мнимость (виртуальность, кажимость, неподлинность, ложность) существования не людей как таковых, а обывателей. Поскольку их жизнедеятельность регулируется вербализованной психикой, или, проще говоря, иллюзиями, у Хейзинги возникает впечатление, будто люди руководимы некой мистической по происхождению (Хейзинга считает ее основополагающей и самодостаточной) потребностью в игре.

14. Ролевая концепция человеческого поведения также редуцирует человека до обывателя. Но если человек играет роль, т. е. относится к жизни как к игре, то качество этого отношения и, соответственно, поведение такого человека все же определяются смысложизненным параметром. Поэтому играть роль, вместо того чтобы жить, означает имитировать смысл жизни, вместо того чтобы его осуществлять.

15. Игра представляет собой сущностную форму антропогенной деятельности ребенка, потому что он не способен строить отношения

на предельно высоком — смысложизненном — уровне. Антропогенная деятельность взрослого обывателя также и по той же причине является игровой и, следовательно, по большому счету, отличается от детской лишь количественно.

16. Игровая сущность социальной (отношенческой, хозяйственной) деятельности актуализируется в скрытой либо явной форме, но лишь последняя идентифицируется обывателями как игра.

17. В экзистенциальном арсенале обывателей приоритетное место занимают игры, требующие максимально серьезного отношения к себе: экономика, политика, право, мораль, наука, религия, искусство.

18. Любая игра есть игра без правил, точнее, игра по правилам коллективного бессознательного (вербализованной психики).

19. Честная игра — игра, участники которой соблюдают правила обмана. Поэтому требовать честной игры означает требовать изощренного обмана.

20. Обман выступает главным инструментом игры, а игра является атрибутивной формой обмана.

21. В пределе игра представляет собой конкуренцию (соревнование) по критерию финансового интереса.

22. Формально ставка в любой игре — витальные ценности (вещи, поступки, деньги, финансы и т. п.), содержательно — власть (психическое доминирование, актуализация комплекса превосходства).

23. Игра есть психическое манипулирование, целью которого является власть (психическое доминирование, актуализация комплекса превосходства). Следовательно, игра — атрибутивная форма актуализации власти.

24. Лишь философ способен преодолеть в себе игрока.

25. Обыватель — игрок по жизни, проигрывающий жизнь.

26. Существование обывателей — игра в дурака, в которой проигравшими оказываются обе стороны: проигравшая — потому что проиграла, выигравшая — потому что считала жизнь игрой.

27. Игра неуниверсальна. Придерживаясь ее формата, становишься заложником и одновременно агентом дурной бесконечности.

28. Поскольку игра представляет собой социальный (отношенческий, хозяйственный) компонент бытия, формула «Жизнь есть игра» приемлема лишь как частное/общее руководство к действию, а не как универсальный экзистенциальный императив.

29. Тот, кто говорит: «Жизнь — игра», цитирует смерть.

30. Будучи не в состоянии адекватно отражать действительность, вербализованная психика (коллективное бессознательное) продуцирует виртуализированное (игровое) отношение к действительности и тем самым блокирует познание.

31. Истощенность ресурса вербализованной психики (коллективного бессознательного) проявляется через усиление виртуализации существования обывателей и, как следствие, через усиление их экзистенциального отчаяния, которое компенсируется за счет перманентного возрастания количества и степени изоэщенности развлечений. Эта закономерность отчетливо обнаруживает себя при капитализме, особенно на его постмодерновой (постиндустриальной, информационно-технологической) стадии, когда развлечения становятся главным принципом существования и поэтому доминирующим сектором экономики, и, таким образом, ведущей формой предпринимательства оказывается бизнес на экзистенциальном отчаянии.

32. Потребность в развлечениях, игровое отношение к действительности, а также виртуализация представления о ней производны от страха смерти и находятся в прямо пропорциональной зависимости от него и, соответственно, в обратно пропорциональной зависимости от степени актуализации смысла жизни.

33. Игра (игровое отношение к действительности) есть сублимирование (подавление) страха смерти через программирование человеческой психики на представление о том, что бессмысленное существование (отсутствие смысла жизни) не является опасным.

34. Единственная возможность преодолеть страх смерти — достижение смысла жизни (актуализация познания). Однако, поскольку такая перспектива неосуществима для обывателей, они не преодолевают страх смерти, а ослабляют его методом самовнушения, который существенно является мистическим и, значит, гедонистическим (развлекательным, игровым).

35. Идеология игры — мистицизм, в пределе — финансоверие.

36. Мистицизм имеет игровую сущность, т. е. сущность, отмежеванную от смысла жизни.

37. Игровое начало представляет собой элемент бессмысленности, наличествующий в смысле жизни как снятая (угнетенная) противоположность. Игровое начало является необходимым условием актуализации смысла жизни, но если оно начинает доминировать, то смысл жизни оказывается собственной противоположностью — бессмысленным существованием, или игрой.

38. Игра есть отвлечение от переживаний бессмысленности существования методом усугубления бессмысленности существования.

39. Игра представляет собой атрибут самоценного (замкнутого на себе) человеческого бытия (существования ради существования) и, соответственно, атрибут обеих его типологических форм — гедонизма и аскетизма.

Примечание: аскетизм, будучи по своей сути «отсроченным» гедонизмом, наряду с ним является игровым способом существования.

40. Удельный вес развлечений в жизни обывателей растет по мере прогресса социоцентрического социума и достигает своего максимума в условиях Постмодерна, когда развлечение становится главным экзистенциальным принципом обывателей и когда все сильнее утверждается их отношение к жизни как к игре.

41. Игровизация представляет собой вектор развития человечества по алгоритму коллективного бессознательного.

42. Игровизация есть экспансия игрового отношения к действительности (игры), проявляющаяся в возникновении новых видов и сфер несмысложизненной, или социальной (отношенческой, хозяйственной), деятельности, а также в прогрессировании несмысложизненного компонента в имеющихся видах и сферах социальной (отношенческой, хозяйственной) деятельности.

43. Игровизация выступает атрибутом развития социоцентрического социума, от первобытнообщинного вплоть до капиталистического. Своего пика игровизация достигает в период Постмодерна (постиндустриального, информационно-технологического капитализма).

44. Апофеоз игровизации — психиатрический апокалипсис, а именно окончательное блокирование возможности актуализации смысла жизни (познания) и, следовательно, превращение человеческого существования в гейм-существование, в условиях которого человек утрачивает психиатрическую адекватность.

В.Н. РОГОЖНИКОВА

Свобода в философии, экономике и социологии: различия интерпретаций и точки пересечения

Аннотация. В статье предпринимается анализ представлений о свободе в философии, экономике и социологии. Автор выявляет основные особенности описания феномена свободы в рамках данных дисциплин и возможности для методологического и предметного сотрудничества философии и социальных наук (экономики, социологии). С точки зрения автора, такое сотрудничество необходимо для участия в современных дискуссиях об экономической и социальной свободе, а также для создания рекомендаций по формированию адекватных проблемам современности программ экономической и социальной политики.

Ключевые слова: философия, экономическая теория, социология, свобода, экономическая свобода, междисциплинарные исследования, методология.

Abstract. In the article is based upon the analysis of the representations of freedom in philosophy, economic theory and sociology. The author reveals the main features of the description of a phenomenon of freedom within these disciplines, and analyzes an opportunity for methodological and subject cooperation between philosophy and social sciences (economy, sociology). From the author's point of view, such cooperation is necessary for the participation in the modern discussions about the economic and social freedom, and also for the creation of recommendations on development of economical and social policies programmes correspondant to modern problems.

Keywords: philosophy, economic theory, sociology, freedom, economic freedom, interdisciplinary researches, methodology.

Цель данного исследования — сформулировать концептуальные различия в подходе к проблеме свободы в рамках философии, экономики и социологии, а также найти основания для теоретического и практического сотрудничества между данными дисциплинами.

Прежде чем обратиться к описанию свободы в философии, экономике и социологии, отметим ряд важных особенностей рассматриваемой темы. Это, во-первых, специфика самой проблематики свободы: последняя связана с человеком во всем многообразии его определений (индивид, индивидуальность, личность, социальный актор, экономический агент, субъект и объект познания), т. е. является социально-гуманитарным по своему содержанию феноменом.

Во-вторых, подход той или иной науки к проблеме свободы определяется, прежде всего, предметом этой науки — совокупностью характеристик реальности, выделяемых из целостного бытия. Так, для философии предметом являются предельные основания бытия и человека; предмет социологии — социальные группы и их взаимодействия, социальные процессы и отношения; предметом экономической теории являются хозяйственные процессы и взаимоотношения экономических агентов. Таким образом, мы можем сформулировать следующее общее отличие философии от социологии и экономической теории: первая является «универсально-всеобщим» [1, 392], а вторые — «конкретно-специальным знанием о человеке, его мире и культуре» [1, 392].

Социальные науки и философия различаются также и по своим методам: в экономике и социологии применяются, наряду с общетеоретическими, также качественные (метод экспертных оценок, разработка сценариев, деловые игры — в экономике; наблюдение, биографический, исторический, герменевтический методы — в социологии) и ко-

личественные методы — статистический анализ, эконометрика, математический анализ, моделирование. Основной особенностью методов философского познания являются: ориентация на достижение максимально общего знания; постановка так называемых «вечных вопросов», процесс решения которых и представляет собой развитие философии; мировоззренческий характер философских концепций, их гуманистическая направленность. Эти черты обуславливают тот факт, что философия находится на границе социально-гуманитарных наук, одновременно разрабатывая их методологические основания.

Соответственно своеобразие подхода к описанию свободы *в рамках философии* определяется следующими чертами: теоретический характер философского знания; актуализация общетеоретических и гуманитарных — касающихся проблемы человека — аспектов свободы; целостное понимание человека в единстве его материальной и духовной природы; ориентация на постижение *смысла* изучаемого явления или предмета, в силу чего предмет гуманитарных наук не может быть изучен, как считает С.А. Лебедев, посредством наблюдения, но предполагает «реконструкцию оснований, форм человеческой деятельности, проникновение в суть характера, способа ее организации» [2, 131].

Таким образом, философия рассматривает свободу в ее предельном понимании, т. е. с точки зрения вопроса о природе и сущности свободы как таковой. В соответствии с этим подходом свобода ничем не детерминирована (беспричинна) и обозначает способность человека действовать независимо от каких бы то ни было внешних влияний и собственных индивидуальных особенностей. Так понимаемая свобода (иначе говоря — абсолютная свобода) может трактоваться двояко: с онтологической точки зрения она обосновывает любые свои относительные проявления; с точки зрения гносеологии это мысленная конструкция, призванная высветить основания той относительной свободы, которая доступна человеку.

Философия также рассматривает проблематику свободы сквозь призму социальных характеристик субъекта — без такого экскурса невозможно было бы дать сколь общее, столь и полное представление о свободе. В этом смысле философское понимание свободы — это введение в частнонаучные трактовки свободы.

Следовательно, между философией и социальными науками — в частности, экономикой и социологией — нет пропасти в подходе к описанию свободы, но есть различия, и весьма существенные. Эти различия коренятся в специфике социальных наук; их основные черты таковы: изучение различных сторон *общественной* жизни и деятельности человека; использование не только качественных, но и *количественных* методов познания; ярко выраженная *практическая* направ-

ленность. В то же время, общество как предмет социальных наук есть *общество индивидов*, в силу чего человек выступает одним из важнейших компонентов анализа социальной реальности; социальное знание приобретает гуманитарную окраску, касаясь «человеческих ценностей, свойств, качеств» [2, 127].

Прояснив специфику социальных наук, их отличие от философии и связь с ней, мы можем обратиться к анализу подхода к описанию свободы в экономике и социологии.

В экономической теории, исследующей — в широком смысле предмета данной науки — хозяйственные аспекты человеческой деятельности, свобода чаще всего описывается с использованием таких понятий, как «экономическая свобода» и «свобода выбора». Носителем экономической свободы, как и в социологии, выступает не только индивид, но также и другие экономические агенты, вплоть до мирового сообщества.

О.Г. Бодров в статье «Экономическая свобода как объективный закон» отмечает, что важнейшим элементом в исследованиях экономической свободы является определение ее цели; по мнению автора статьи, эта цель заключается в том, чтобы «быть всеобщей основой и главным законом экономического развития, выступающим одновременно в роли условия, причины и цели» [3, 75]. Такая формулировка цели экономической свободы вызывает возражения, поскольку остается неопределенной сущность и цель *экономического развития*. Развитие экономических отношений — определяющее условие существования экономической свободы. Однако современная рыночная экономика ориентирована не только на удовлетворение существующих потребностей, но и на постоянное их возобновление или даже порождение новых, лишенных объективной необходимости, потребностей. Отсюда вытекает и предлагаемое О. Г. Бодровым определение экономической свободы как «преодоленной экономической необходимости» [3, 75].

Экономическая свобода измеряема²⁰: ее уровень «определяет размер прибыли и эффективность... развития (хозяйствующих субъектов)» [3, 80]; это позволяет применять к экономическому дискурсу свободы правовую терминологию.

²⁰ См. рейтинги, обзоры и доклады московского Института экономического анализа, Cato Institute и Frazer Institute, международной неправительственной организации «Freedom House»; Индекс экономической свободы (Index of Economic Freedom), предложенный Всемирной ассоциацией сторонников экономической свободы, рассчитывается ежегодно газетой «Wall Street Journal» и исследовательским центром «Heritage Foundation».

По мнению О.Г. Бодрова, «экономическая свобода выступает не только самоцелью, но и служит основой другим свободам — (правовой, политической, социальной)» [4, 6]. Мы можем лишь отметить, что, во-первых, такое понимание экономической свободы имеет свою историю в рамках экономического либерализма, а во-вторых, данная концепция не всегда учитывает тот факт, что экономически свободные индивиды живут в социуме и экономика является частью культуры; игнорирование этого факта приводит к недопониманию реальных экономических процессов в разных странах. Тот же упрек мы можем адресовать точке зрения О.Г. Бодрова, согласно которой «источник экономического движения находится внутри самих экономических отношений, а не вне их (и процессы, происходящие в экономике), должны объясняться исходя из свойств, взаимосвязей, существующих в самих экономических отношениях» [4, 12]. Мы можем заключить, что в основе данной концепции экономической свободы лежит теория рационального выбора; при этом экономика (мы имеем в виду неоклассический мейнстрим) не только претендует на объяснение собственно экономических процессов и поведения индивида, но и стремится объяснить поведение человека в любой другой сфере жизни. Это явление известно под названием «экономического империализма»; вероятно, его корни могут быть обнаружены еще в самом начале формирования экономики как особой области знания, когда «кристаллизация представлений об экономике как объекте теоретического познания шла по двум линиям: одна выстраивалась вокруг особого предмета — *материального богатства*, другая — вокруг особого *типа поведения людей*, мотивированного исключительно их частными интересами» [2, 362]; в любом случае, как нам представляется, речь идет о неких основополагающих методологических предпосылках экономической теории.

В социологии, предметом которой в широком смысле является общество, его развитие и структура, носителем свободы может быть как индивид, так и та или иная социальная группа или общество в целом; при этом «эмпирической базой открытия и изучения законов (здесь) является непосредственное изучение поведения и деятельности живых, конкретных людей» [1, 397]. Однако личность рассматривается социологией как личность-в-обществе, социализированный человек. Свобода здесь связана с ограничениями социального характера: нормами, законами, уставами, традициями и проч. Это свобода не в философском смысле слова (онтологическая свобода), это *институционализируемая* свобода в конкретных условиях социальной реальности; поэтому специфика социологического анализа свободы также заключается в привлечении правовой и экономической терминологии к исследо-

ванию некоторых аспектов данной темы. Кроме того, работая с такими характеристиками социума, как потребности, ценности, социальная мобильность и социальная стратификация, социология стремится статистически рассчитать степень свободы индивида и общества, анализируя конкретные условия их существования.

В целом социологическое понимание свободы ближе к ее экономическому описанию, поскольку, как мы читаем в «Большом социологическом словаре», «в социологии... большинство суждений может быть прекрасно, а возможно, и лучше выражено в терминах “выбора” или “решения”» [5, 183].

Проанализированные нами подходы к описанию свободы в философии, социологии и экономике вызывают вопрос, а могут ли столь разные представления о свободе пересекаться, причем не только формально, но и сущностно? Ответ на данный вопрос прост в отношении социологии и экономики: их трактовки свободы схожи в той мере, в какой социология исходит из представления об «экономическом человеке», что происходит, когда социальная и индивидуальная свобода прочно ассоциируется с реализацией в частной и общественной жизни либеральных ценностей, связанных с понятиями рыночной экономики и демократии.

В отношении возможного сотрудничества социологии, экономики и философии в рамках анализа проблематики свободы можно сказать, что такая кооперация вероятно прежде всего в сфере методологии социальных наук. Философская рефлексия методологических оснований данных наук позволит преодолеть узость некоторых современных подходов к определению целей, методов и содержания социального знания, гуманизировать его, в том числе в области размышлений о социальной и экономической свободе. В то же время обратное влияние конкретных социальных наук на философию способствует снижению уровня абстракции в методологической рефлексии последней; такое влияние может быть проанализировано и на примере категории свободы, что позволит соотнести понятие онтологической свободы личности и конкретные формы, которые принимает свобода в индивидуальной и общественной жизни людей. Таким образом, речь идет о связи — в глобальном смысле — теории и практики, и эта связь, без сомнения, должна присутствовать и в философии, и в конкретных социальных науках как связь теоретической модели и характеристик реальности (см.: [2, 356]), методологических оснований науки и ее практических результатов и «общекультурного предназначения» [6, 438].

Литература

1. Микешина Л.А. *Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования.* М., 2005.
2. *Философия социальных и гуманитарных наук* / Под ред. С.А. Лебедева. М., 2006.
3. Бодров О.Г. Экономическая свобода как объективный закон // *Вопросы экономики.* 2006. № 15.
4. Бодров О.Г. Экономическая свобода как возможность выбора // *Вестник экономики, права и социологии.* 2008. № 5.
5. Джери Д., Джери Д. *Большой толковый социологический словарь (Collins).* Т. 2 (П — Я). М., 2001.
6. Лебедев С.А. *Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории).* М., 2008.

З.Н. ДЖАМАЛДИНОВА

Свобода в поисках своей идентичности

Аннотация. В статье рассматривается внутренняя противоречивость свободы, которая выступает высшей ценностью, истоком зла, безразличным абсолютom. Автор полагает, что к пониманию свободы можно приблизиться, лишь найдя ее объективный контекст. Свобода исследуется в контекстах судьбы, детерминизма, индетерминизма, мифологии, творчества. Вывод: органичным для свободы является контекст мудрости, в рамках которого свобода проявляет свои созидательные силы и сама же блокирует свой произвол и беззаконие. Только мудрые могут быть свободными.

Ключевые слова: свобода, мудрость, контекст.

Abstract. In article internal discrepancy of freedom which acts as the supreme value, an evil source, the indifferent absolute is considered. The author believes that it is possible to come nearer to understanding of freedom, having only found its objective context. Freedom is investigated in contexts of destiny, a determinism, an indeterminism, mythology, creativity. Conclusion: for freedom the wisdom context within which freedom shows the creative forces is organic and itself blocks the arbitrariness and lawlessness. Only the wise can be free.

Keywords: freedom, wisdom, context.

Свобода является величайшей загадкой в человеке и для человека, самой сложной и самой мучительной проблемой людей, обреченных на высшую свободу смерти, освобождающей нас даже от самой свободы или же призывающей на служение другой свободе.

Гегель заметил: «Ни об одной идее нельзя с таким полным правом сказать, что она неопределенна, многозначна, доступна величайшим недоразумениям и поэтому действительно им подвержена, как об идее свободы, и ни об одной не говорят обычно с такой малой степенью понимания ее» [1, т. 3, 291]. К этим словам философа можно добавить еще два пункта. Свобода представляет величайшую ценность не только для людей, но и для Бога, который мог бы устроить правильный мир, но вместо этого дал человеку свободу, чтобы тот добровольно избрал себе путь. Далее, свобода является соавтором всех войн, убийств и пороков, которые свершаются во имя свободы: вся история есть непрерывное кровопролитие на страшный алтарь свободы. Даже рабство, т. е. лишение свободы, тоже есть свобода для сильных закабалить слабых. Ну, а смерть свободно пожинает всех свобододолюбцев. И в этом плане свобода — соавтор величайшего зла.

Великий инквизитор у Ф.М. Достоевского говорит, что свобода является самым страшным и невыносимым грузом для людей, а поэтому всю свою жизнь они только и заняты поиском того, кто избавит их от этой пытки свободой, кто возьмет на себя ответственность за принятие решений и успокоит их совесть. Э. Фромм обнаружил у современных людей Запада синдром «бегства от свободы», когда внезапно возникает кошмарный страх перед самой жизнью, становящейся жертвой свободы. Реальные и мнимые блага и злодеяния свободы намекают, что в ней действует особая метафизика — манящая, интригующая, провоцирующая, шокирующая и карающая!

В Древнем Риме свобода изображалась в облике стоящей женской фигуры со шляпой или шапкой (*pileus*) в правой руке, держащей в левой руке копьё или, возможно, тот особый жезл, который римляне называли *rudis*, или *vindicta*: им слегка ударяли рабов в момент освобождения. В таком виде и с такими атрибутами свободу можно увидеть на императорских и консульских медальонах, иногда — монетах. На медальоне Адриана мы видим сидящую Свободу, держащую в левой руке ветвь, а в правой копьё. Монета Гальбы показывает нам эту богиню стоящей с рогом изобилия в левой руке и *pileus*, или шапкой свободы, — в правой. Свобода представлена на монетах в двух образах: женщина с непокрытой головой, олицетворяющая Римскую Свободу; женщина с покрытой головой и в диадеме — как портрет богини Свободы, храм которой находился на холме Авентине. Покрывало и диадема — символы божественности свободы.

Но почему же свобода — это «величайшее недоразумение», т. е. нечто, еще не дошедшее до своего разума? И почему люди столь плохо

ее понимают, хотя все считают себя знатоками свободы? Почему, изучая свободу, человек не постигает ее содержания, но запутывается даже в том, что знает, вообще, затуманивает свою способность понимания?

Анализ свободы как самостоятельной, автократической реалии заводит мысль в тупики неопределенностей: «Иди туда, не зная куда; получи сполна, не зная, за что; ожидай того, не зная чего». Трудно и сложно найти родовой замок свободы. Какой же вид реальности представляет свобода?

Ясно, что свобода не является материей, ибо не свобода стремится к материи, а материальные тела «мечтают» о свободе. Есть свободные радикалы в химии и на площадях столиц, свободные атомы Эпикура и частицы в физике. Чего ищут эти материальные тела в свободе?

Свобода не является законом, ибо закон всегда ограничивает свободу, которая сама по себе попирает все границы. Свобода ценит хаос и произвол, упивается ими, растворяется в них, храня в себе «тайну беззакония». Свобода находится вне пространства и времени, ибо эти реалии сами порождаются в ней, заряжаясь пустотой ее всеобъемлющей бездны. Свобода не является видом энергии, ибо она сама служит генератором позитивных и деструктивных энергий, скрывая свой творческий замысел во мраке неопределенностей. Свобода не является особой деятельностью человека, хотя и составляет ее необходимый компонент. Деятельность невозможна без свободы, но она не приемлет ответственности за свои плоды. Свобода составляет сущностный элемент сознания, души, мысли, ума, знания и слова, хотя чувствует она себя привольней в бессознании, в бессовестности, в безмыслии, в незнании и в безумии; во тьме она гуляет уже по своей природе, считаясь только со своим тайным нравом. Не является свобода и видом информации, ибо она чувствует себя полнее, творчески изобильнее и здоровее в дезинформации. Не является свобода и творчеством, хотя у них немало общих тайн; но творчество при всей своей свободе порабощено мерой, честью и числом, а свобода не приемлет никаких ограничений. Для нее портрет красивого лица и портрет того же лица, составленный из пикассоновских треугольников в равной мере хороши; треугольные лица даже свободнее, допуская большую оригинальность. Творчество созидает, отчасти зная ожидаемые плоды, а свобода творит, не зная, что и для чего.

Итак, свобода является некоей *реальностью нереального*, несуществующего; а непостижимость и неопределенность свободы делает ее неким активным призраком. (Призрак отца Гамлета, призрак рынка у Ф. Бэкона, призрак коммунизма, призрак глобализма у Дж. Сороса, вообще, призраки являются не галлюцинациями — в них скрыты, как и в свободе, неведомые силы.) И они внушают нам, что лучше быть

свободным призраком, чем несвободной жизнью; но свободной жизни не нужны даже свободные призраки. А бытие свободы самой по себе ускользает от мысли!

Подвластна ли кому-либо (или — чему-либо) свобода или же она суть полноценный абсолютизм? Увы, от фактов никуда не деться. Всякий раз, когда человечество приближалось к свободе, она тотчас же обесценивалась и обесмысливалась, превращаясь в деспотизм и тотальный терроризм. В 1793 г. Франция завоевала неслыханную (по тем временам) свободу для всех сословий, всеобщую свободу. Но каков плод этой свободы? Вот как оценивает эту свободу Гегель: «Единственное произведение и действие всеобщей свободы есть поэтому смерть, и притом смерть, у которой нет никакого внутреннего объема и наполнения; эта смерть, следовательно, есть самая холодная, самая пошлая смерть, имеющая значение не больше, чем если разрубить кочан капусты или проглотить глоток воды» [2, т. 4, 318]. Свобода, ставшая всеобщим принципом, высшей ценностью людей, предстает... «пошлой смертью». В этом нет ничего странного, ибо уже античная философия логически доказала и практически показала, что абсолютная свобода сама по себе завершается абсолютной тиранией.

А бытие, мир, люди сущие укоренены не в свободе и не в рабстве, а в некоей разумной необходимости, спасаясь в ней от агрессии свободы и спасая свободу от ее же неразумия. Жизнь питается свободой, но свобода-смерть ее пожирает. И, кажется, что свобода выступает самой общей родовой категорией, которая определяет все реалии жизни, сама ускользая от пытливого мысли. И не только люди желают свободы, но и свобода желает сделать людей рабами смерти! И не столько мы ее определяем, сколько она определяет по своей тайной шкале нашу ценность для смерти и ничто.

Вывод — несколько шокирующий! Люди ценят свободу, стремятся к ней, погибают за нее, а реально-то они изводят себя в «безумствах губительной свободы» (А.С. Пушкин), которая вершит над ними ужасающий суд.

Целостное исследование и понимание любого предмета требуют прежде всего выявления того контекста, в котором этот предмет возникает и служит, обретая свои общие и уникальные свойства. Все проблемы людей (вещей, идей) возникают вследствие утраты ими своего целостного контекста. Проблема (вопрос) — это часть вне целого. И решение любой проблемы состоит в нахождении человеком своего целостного контекста, в ответе на зов его исцеляющих смыслов. И все недоразумения, ложтолкования свободы обусловлены забвением людьми ее подлинного контекста. Ведь если мозг и сердце начнут свободно работать только по своим программам, то вскоре их свобода станет средством избавления организма от других органов для нужд мозга и сердца. Посредством чистой, абсолютной свободы человек

обманывает самого себя, совершает над собой неведомое ему возмездие!

Итак, каков может быть тот контекст, в котором свобода родилась, сохраняет свой творческий позитив, пресекая все свои беззакония? Каковы основные метафизические и миротворные контексты свободы открыл, испытал человеческий ум? И что ищет сама свобода в искателях ее благ?

Первую модель свободы человек искал в контексте *судьбы* — непознаваемой и неподвластной человеку силе. Но судьба не такая уж слепая и безразличная к человеку: да, делая свой выбор, она не всегда карает злодеев, и не всегда награждает добрых, чаще поступая наоборот. Но иногда она попадает в точку, поражая наглых и награждая смиренных! В судьбе мечется, ищет выход какое-то неразрешимое противоречие самой свободы.

Видимо, непрозрачность, непостижимость судьбы, ее внешняя несовместимость со свободой обусловлены тем, что сама судьба тоже есть неизвестная и непознанная свобода, действующая среди бессознательных и слепых желаний жизни. Свободу невозможно найти, ибо она не реальность, а неведомый исток реальности. Только избранники судьбы свободны и без свободы, ибо им ведомо то, что скрывает свобода от людей в судьбе. Судьба — это суд человека над своим беззаконием. Стоики и Ф. Ницше воспевали «Amour fati!»²¹, ибо они прозорливо видели в ней мудрую свободу, от которой люди трусливо защищаются призраком измышленной ими судьбы. Судьба — это всевидящая свобода, а свобода человека — это его слепая судьба. Судьба не упраздняет, а распределяет свободу в мире по своему неизвестному закону. Судьба от слова «суд-ить»; именно судьба через свободу судит людей, которые ищут в свободе не мудрость ее, а право на свои безумства.

Немало трудов положил человек на постижение свободы в контексте *детерминизма*. Высший плод этих усилий созрел в учениях Спинозы и Энгельса: «Свобода есть действие согласно познанной необходимости». Да, бывает такая свобода, но человек не удовлетворен ею. Река течет вниз, камень падает с горы, но человек, изобретя машины, действует вопреки необходимости, плавает против течения, водружает здания выше гор, следуя необходимости, присущей свободе своих желаний. Люди свержают личное и властное рабство, полагая, что рабство у свободы более им к лицу.

²¹ «Возлюби судьбу!». «Кто покоряется судьбе, тех она везет, а кто сопротивляется ей, тех она заставляет тащить ее колесницу!». Можно сказать и так: «Тот, кто подчинил себя всезнающей свободе, тому она дарит жизнь, а кто ее все ищет, тех она принуждает тащить колесницу со своим гробом в никуда».

Нет, природный и социальный детерминизм не порождает, не обуславливает свободу, а всего лишь служит средством проявления и реализации внутреннего закона самой же свободы. Свобода — не плод детерминизма, а наоборот, сей старец безразличен как к свободе, так и к рабству. Убийца по закону свободы есть преступник, а по детерминизму — винтик-жертва-следствие в цепях необходимости природы и общества.

Не спасают свободу уловки *индетерминизма*, который внешне вроде бы совместим с ней. Эпикур признавал спонтанное отклонение атомов в любом направлении: они могут дружным строем идти в могилу, могут стайкой веселых душ вспорхнуть на небеса бессмертия, могут стать неатомами, могут делать, не зная, что и для чего. Но их свободу направляет произвол, который в итоге подчиняет свободу слепому случаю!

Итак, в контекстах индетерминизма и детерминизма свобода легко и незаметно становится тотальным произволом, который использует эти контексты в качестве ужасающих средств террора. Все революции и гражданские войны ведет свобода-произвол через детерминизм оружия.

Особый интерес представляет феномен свободы в контексте *мифологии*. Мифы являются самым ярким примером всевластия свободы, выступающей демиургом самой реальности, в которой возможны любые трансформации, метаморфозы и превращения. Можно сказать, что мифы — это царство свободы и только свободы, в которой ничего кроме свободы нет. Свободы полной, разнузданной, превосходящей любое воображение, так что даже либералы в мифах предстанут замшелыми консерваторами. Можно допустить, что в мифах мыслит сама свобода. Но что именно она мыслит?

Древнегреческая культура оформила дикую первобытную свободу, ограничив и выразив ее смысл посредством искусства, философии и закона. В Афинах был воздвигнут огромный храм Афины Паллады — богини мудрости. В храме стояла восьмиметровая, облаченная в золотые одежды и военные доспехи статуя богини, которая держала в руке, как дите, малую статую свободы. Смысл скульптурной композиции гласил: «Только мудрые могут быть свободными!». Афина была покровительницей семьи, городов, гражданских ценностей и мудрости; а это означало, что свободными могут быть только семейные граждане, защищающие свою страну, хранящие заветы дружбы, следующие добродетелям героизма и знания.

Итак, мифологический контекст свободы привел нас к порогу истины. В эту эпоху были открыты не только земледелие, скотоводство, строительство, мореплавание, числа, календарь, язык, сознание, мысль, семья, но в эту эпоху был найден и закреплен в социокультурных традициях сакральный контекст свободы, заложены смысловые

основания ее познания и *praxis*. Только мудрые могут быть свободными; а поскольку мудрость лишь у богов, то свободны лишь боги, а люди свободны в меру своего приближения к сакральной мудрости. Свобода — вид и часть знания; свобода есть средство понимания мира, человека, законов их развития, средство согласования интересов человека и бытия.

Близко подошел к пониманию свободы Аристотель, разделивший людей на «рабов по положению», «рабов по природе» и «свободных по природе». Рабы по положению — это военнопленные, должники; участь их ужасна, но без них не будет досуга и у свободных, занятых управлением, войной, добродетелями, мудростью. Свобода греков от труда, для мудрости, власти и добродетели, покупается рабством негреков. Но эта свобода опасна, ибо незаметно разлагает свободных, делая их рабами своих страстей и подлостей. Рабы по положению могут бунтовать, победить и вернуть утраченную ими свободу. А вот «рабам по природе» свободы не видать, ибо они не умеют управлять самими собою, навсегда оставаясь орудиями внешних сил. Они рабы в силу своей природной закваски, ибо лишь понимают мысли других людей, но не могут иметь собственные мысли.

Аристотель искал понимание свободы в своем учении о *мере* как творящем принципе космоса, человека и мудрости. Мере угрожают две аномалии, два преступления — *избыток* и *недостаток*. Если в мере и мерой живет вечное, то в избытке и в недостатке действуют силы разрушения, зла, порока. Наслаждения всегда находятся в режиме избытка, а страдания — в режиме недостатка. Так, храбрость есть среднее между трусостью и безрассудством; щедрость — среднее между скупостью и расточительностью; истина — среднее между заблуждением и незнанием; благо — среднее между богатством и нищетой. Найти меру трудно, ибо искать нужно среди множества пороков. У-мер-енных людей мало, много — конформистов, живущих суетой, а большинство живет крайностями, потакая своим слабостям. Поэтому и у-мер-енные люди примерно одинаковы, а дурные — крайне разнообразны, как чистая вода — бесцветна, а грязная — играет всеми цветами нечистот. Безмерным быть легче, чем у-мер-енным, как промахнуться легче, чем попасть в цель. *Рабство как раз и есть недостаток меры, а свобода — это выход за пределы меры в мир хаоса. Свобода и хаос — два опаснейших порока человека, потерявшего меру, которая хранит мудрость и справедливость.* Поэтому человеку угрожают два врага: избыток свободы и недостаток самообладания. И этих врагов человек должен сам победить, дабы привести свое тело, душу, ум и нрав в соответствие с мерой. Мера служила самодисциплиной тела, ума и души, не стесняя свободных дерзаний, а укрепляя их границами ума. Мера была для древних и самоцелью, и средством, и благом, и

условием, и самой жизнью. Мера — это свободное подчинение закону Космоса; это и ответственность, и кара за отклонение от этого закона. Свобода возможна лишь в контексте меры и как мера ответственности жизни сообразно логосу мудрости.

Странно и непонятно, почему же древний мир, обладая столь мощным практическим идеалом устроения общей и личной жизни, все же отошел от меры и рухнул в пучину самых невозможных пороков свободы и рабства? Идеал неосуществим или же люди оказались «не те»? Или время для таких идеалов еще не созрело? Античный мир рухнул под грузом этих безответных вопросов свободы, которая даже не пыталась спасти его, а лишь ускорила его крах. Но идея свободы в контексте меры не пропала. Шекспир, выражая понимание свободы в свою эпоху, писал:

Так за неумеренной свободой
Нас цепи ждут. Томимы грешной жаждой,
Как крысы, что отравы обожрались,
Мы жадно пьем — и, выпив, умираем

(В. Шекспир, «Мера за меру»).

Трагическая мысль поэта видела, что неумеренная свобода, свобода без спасительной меры, становится отравой самовозрастающей; а умеренная свобода человеку необходима. Но весь вопрос в том, кто, чем и как сумеет у-мер-ить свободу, сделать ее житнетворной, а не тлетворной силой?

Средневековье рассматривало свободу в религиозном контексте. В Боге свобода есть волевая мудрость, преобразующая ничто в бытие. И человек как божественное творенье тоже отчасти наделен этой чудотворной силой. Но свободный человек может преступить этот закон; он может посредством разума творить навыворот — превращать бытие в ничто. Без свободы воли нет человека, но свобода вне связи с Богом несет ему гибель.

Новые аспекты свободы выявила эпоха Возрождения, которая рассматривала ее в контексте творчества; мыслители, ученые и художники того времени справедливо полагали, что наиболее полно натура человека проявляется в художественном, научном, философском, поэтическом, политическом, техническом творчестве. Действительно, творчество — необходимый атрибут свободы. Но достаточный ли? Творят и бюрократы, и преступники. Творчество же вне контекста мудрости незаметно становится рабом произвола, разрушающего реальность и человека.

Рассмотрение свободы самой по себе вне контекста мудрости порождает бесплодные споры, социальные конфликты и суицидные тупики, которые убедительно продемонстрировал инженер Кириллов в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». Инженер рассуждал так: если бог свободен, значит, нет свободы у человека; если есть свободный чело-

век, значит, нет бога²². У Кириллова были инженерный ум и математическая логика. Поэтому он промыслил и прошел этот тупик до конца: если есть свободный человек, то он становится богом. А фактически доказать это он может лишь путем самоубийства. Со страхом, с дрожью, но инженер с помощью револьвера доказал не свою свободу, а свободу смерти. Все размышления инженера о свободе идут вне ее контекста, в рамках чистой субъективности. Свобода вне регулирующего и просветляющего ее контекста мудрости вещь опасная, суицидная. А мудрость соединяет в себе ум, любовь, меру и творчество. Христианство предупредило людей, что они не смогут жить по закону чистой свободы, а перебьют, изведут друг друга в бесконечных войнах. Но чистая свобода ни с чем не считается, а только вершит свой произвол.

Везде и мудрость — вот те софийные слова, которые являются властелином свободы, ее благ, соблазнов, коварных и мнимых ценностей. Без свободы человек невозможен, но свобода нужна ему для обретения и смыслового общения с мудростью как размыслительное средство понимания. А сама по себе свобода есть самая опасная сила человека.

Свобода стала основанием, высшим законом США. И этот конститутивный статус свободы призвана выразить статуя—символ Свободы, которая представляет собой женщину, но... но с факелом в руке даже в самый солнечный день. Кому и что она освещает при свете ясном? О чем вещает своим поклонникам? Что завещает своим наследникам? Поскольку скульптура не имеет глаз, то все ее изваяния — слепые, незрячие, невидящие. Что же зрит статуя Свободы своими огромными незрячими зеницами, но с факелом в руке? Пожары? Терроризм? Голубую американскую мечту?

Вне социокультурного контекста смысл этой статуи-символа становится неопределенным, ибо нет рядом со свободой никакой охраняющей ее мудрости, а сама по себе она провозглашает, что только свободные могут быть мудрыми. Опыт же показывает, что только и только свободные могут быть всем, чем угодно, но только не мудрыми. Чаще всего они становятся изобретателями и производителями чудовищных видов оружия. Но для США мудрость не представляет про-

²² Кредо его зловещей веры гласит: «Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен сметь себя убить. Сознать, что нет Бога, и не сознать в тот же момент, что сам богом стал — есть нелепость, иначе непременно убьешь себя сам. Дальше нет свободы; тут все, а дальше нет ничего. Кто смеет убить себя, тот бог» [2, 94].

блемы, ибо недостающие их свободе интеллект и мозги они покупают в иных странах.

Свобода представляет всеобщее качество и субстанцию субъекта, жизнедеятельность которого непосредственно обусловлена не природными, социальными, межличностными, коммуникативными, индивидуально-внутренними или родовыми факторами, а духом и ответственностью за служение (или — неслужение) ценностям его истины. Свобода — это независимая субстанция духа, обладать которой в полной мере невозможно и опасно. Она желанна и притягательна, а мысли о ней толкают людей на безумства. Люди жаждут того, чего до конца не осознают. Стремясь к свободе, человек незаметно становится ее рабом и агрессором, насильственно принуждая других жить по свободе, которой сам не понимает. Нужно иметь свободу, быть свободным, но еще более важно понимать ее безграничность, неопределенность, уметь находить и пользоваться ее внутренними ограничителями и регулятивами. Свобода является творческой силой лишь в контексте мудрости и ответственности за ее неправильное использование. Свобода — это не только причина, но и следствие с последствием возмездия.

И в современном мире мудрый контекст свободы хранят в себе русская философия, философия хозяйства и софиология. Но это уже тема другой работы.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Соч.: В 14 т. М., 1956—1959.
2. Достоевский Ф.М. Бесы. Л., 1974.

А.А. КРАВЧЕНКО

Творчество учителя в структуре архетипа

Аннотация. Исследуются особенности творческой деятельности учителя, обусловленной духовными генами, взаимосвязанными с архетипами, выступающими мыслительными формами человечества. Показывается, что архетипы являются своеобразными социальными константами, образующими основание функционирования института учительства.

Ключевые слова: архетип, учитель, творчество, экзистенциальная структура, «коллективное бессознательное», духовное.

Abstract. The article investigates the features of the creative activity of teacher provoked by «spiritual genes» interlinked with archetypes and act-

ing as forms of mankind thought. Author shows that the archetypes are a kind of social constants, which form the basis of functioning of the institute of teaching.

Keywords: archetype, teacher, creativity, existential structure, the «collective unconscious» spiritual.

Особенностью современного мира является динамика изменений. Духовная энергия этих изменений — активный, образованный, знающий, творческий человек. Его существование обусловлено в свою очередь определенными *конструктами мыслительной деятельности*, которые владеют свойством универсального моделирования отношения человека с миром. Предполагая возможные стремления (идеи, нормы, установки) личности в соответствии с уровнем и актуальными потребностями культурно-исторического развития социума, такие конструкты можно рассматривать как специфические поведенческие архетипы, формирующие способы и формы самоосуществления человека.

Особое место среди этих конструктов принадлежит архетипу учителя, который выделяется в процессе творческого, продуктивного освоения мира. Творчество, как правило, является спонтанным, нелинейным процессом. Нелинейный принцип освоения мира вынуждает обратиться к глубинным пластам в культурном и психоисторическом развитии человечества. С.Б. Кримский обращает внимание на необходимость изучения «духовных генов», «пресуппозиций», т. е. склонностей, которые «создают определенные прототипы» или могут быть «реконструированы в определенные прототипы» [1, 75—80]. Внимание акцентируется также на «кумулятивных социальных феноменах», являющихся фундаментом для последующего «поступательного развития человеческой цивилизации, антропо- и социогенезиса» [2, 8].

Понятие *архетип учителя* является метафорой, открывающей богатство содержания его образовательной деятельности. Последняя может быть охарактеризована как априорная экзистенциальная структура, задающая опыт человека. Эта структура определяет смысл деятельности учителя. Ответ на вопрос о причинах недостаточности, узости этой матрицы можно найти в теории экзистенциального психоанализа. Его позиция отличается от принципиальных положений классического экзистенциализма. Действительно, экзистенциалы у М. Хайдеггера функционируют «аналогично кантовским категориям в том значении, что они — формы, с помощью которых онтическая реальность может проявиться для Dasein (здесь — бытия. — А.К.)» [3, 28]. В экзистенциальном психоанализе указанные экзистенциалы — «не формы», не «пустые формулы», а скорее матрицы, которые пред-

ставляют собой возможные модусы. В них Dasein, рассматриваемое исключительно как бытие, устанавливает свою связь с миром, который также воспринимается как бытие. «Я выбираю здесь слово “матрица”, потому что оно подчеркивает особенную роль этих “форм” более точно, чем “формула”. Матрицу можно понимать как место, в котором развивается организм или вещь» [3, 29], — писал Д. Нилдман. Относительно смысла матрица проявляется как «смысловая матрица».

В контексте такого подхода понятие «архетип» по отношению к учителю является архетипом учителя, поскольку содержит, несет в себе экзистенциальный смысл. Ведь экзистенциалы «бытие-в-мире» и тревогу могут назвать «частичными или вторичными априори, поскольку они являют собой бытие в мире в индивидуальных модусах» [3, 29]. Индивидуальных, поскольку «онтологические априори» трактуются «в мире индивидуального, существующего Dasein» [3, 29]. Способ, которым применяются эти «онтологические априори», можно назвать понятием экзистенциального архетипа, ведь он формируется в априорной плоскости. Хотя онтологически «бытие-в-мире» является одинаковым и должно быть одинаковым для всех людей (мы помним, что [матрица]-формула М. Хайдеггера является «пустой»), «целесообразно они могут сильно отличаться» [3, 29]. Так же будет отличаться архетип учителя от других архетипов, которые сформировались в процессе развития культуры, общества, человека.

Архетип находит выражение в профессиональной деятельности учителя, формирующей под воздействием *коллективного бессознательного*. На протяжении веков происходит становление универсальных черт учителя как специфического вида человеческой активности. Она может находить выражение в разных формах, однако каждая из них содержит в себе общие, архетипические черты. Деятельность учителя является способом проявления *социального архетипа*, который, существуя в сознании, выступает выражением *бессознательных культурных структур* как ценностных коллективных представлений, сформировавшихся в обществе на протяжении тысячелетий. Социальные архетипы заложены в основе типических действий людей, определяют их этнический, а также индивидуальный характеры. Более того, они являются матрицами чаще всего встречающихся, наиболее личностных и «важных для нас систем отношений» [4, 32]. Социальные архетипы являются теми своеобразными фундаментальными *социальными константами*, которые составляют основу функционирования института образования.

Архетип по своей сущности как «духовно-душевный» способ отношения к социокультурной реальности, как определенный психосознательный опыт не тождествен инстинкту. Его влияние может активизировать то или другое инстинктивное влечение, действие, однако

«инстинкт сам по себе может быть ограничен и даже подавлен архетипической силой» [5, 256]. Поэтому исследование архетипа учителя как индивидуально бессознательного направлено на выявление бессознательных паттернов деятельности, свойственных учительству, наставничеству, образовательной деятельности вообще. Важность архетипа в контексте проблемы ролевой функциональности учителя обусловлена содержанием в нем символической составляющей человеческой жизнедеятельности. Ведь бессознательное как архаическое культурное наследие человечества предоставляет символический смысл индивидуальной активности. Человек не выдумывает символический образ, скорее образ охватывает его и наполняет духовной энергией творчества, созидания, видения нового.

Безусловно, человеческий дух (духовное) не выводится непосредственно из глубинных инстинктов. Понятия «дух» и «инстинкт» по своей сущности несравнимы, и именно их несоразмерность оправдывает существование обоих понятий, каждого в своей собственной сфере. Более содержательным в этом плане является учение К. Юнга об индивидуализации как освобождении «Я» от «ошибочных наслоений личности, с одной стороны, и суггестивной силы бессознательных образов, с другой» [6, 214]. Но, невзирая на понимание индивидуализации как процесса психологического развития, фундаментальное содержание индивидуализации скрыто тем обстоятельством, что расхождение между сном и активным состоянием, между существованием в своем индивидуальном мире и в мире социальном понимается не как различие между образом и чувством (которые всегда составляют одно целое), с одной стороны, и интеллектом, с другой. Попытка вывести эту разницу (отличие) из компенсаторной функции сознательного и бессознательного является неудовлетворительной, поскольку главная проблема размывается в теоретических размышлениях.

Примером может быть понятие *коллективного бессознательного*, которое одновременно является чем-то подобно эйдетическому расовому сознанию, и этическим соотношением с универсальным — с миром или объектом. В коллективном бессознательном различие имеет принципиальное значение. Это же распространяется на понятие «Я», в котором сознательное и бессознательное дополняют друг друга в целом. Предусматривается, что бессознательные процессы, компенсирующие сознательное «Я», содержат в себе все те элементы, которые необходимы для саморегуляции всей психики. Однако нельзя забывать, что фундаментальная, морально действующая сила, *сознательное*, которое содержится в этой компенсации, приводит в движение весь функциональный динамизм, и вся психика, напротив, не регулируется механизмом компенсации; не способствует решению проблемы

и движения ее от «целого» к «части» [6, 214—215] (от коллективного к индивидуальному, от учителя к ученику).

Архетип учителя соразмерен с мифом, значение которого можно сравнить с идеей, что коллективное бессознательное в мифах является архетипическими структурами в человеческом опыте. Они ведут к универсальным образам, лежащим за пределами наших личных впечатлений. Как и архетипы, мифы могут вносить свой опыт в наш культурно психологический рост, если мы воспримем и позволим себе увидеть в них новую реальность. В то же время, если «мы отрицаем универсальность мифа, считая его только архаическим и ненаучным объяснением мира, мы рискуем оказаться в отчуждении, духовной апатии и внутренней пустоте — основных составляющих психической патологии» [7, 221].

Архетип учителя имеет такое же позитивное значение, как и миф, в котором формируется «Я» личности, ее отношение к миру. Отрицание собственного «Я» приводит к потере цели жизни, потере энергии и целенаправленности деятельности. Без цели и направления жизни человек не может долго находиться. Если человек не развивается, не идет вперед к определенной цели, то впадает в стагнацию, отчаяние, становится изолированным от общества. Сегодня «чувство отчуждения от мира (Umwelt), от других людей (Mitwelt) и особенно от самих себя (Eigenwelt)» [7, 209] является, к сожалению, нормой жизни. В индивидуальной деятельности учителя архетипы как носители коллективного бессознательного активизируют его энергии, избавляют от чувства бессилия и отчуждения перед вызовами эпохи. «Педагог или культура еще не создают человеческого существа. Они не могут привить ему чувства любви, не сделают его интересным, не заставят философствовать, создавать символы или показывать креативность. Скорее они позволяют, способствуют, поощряют или помогают тому, что находится в зародыше, стать реальным и действенным» [8, 161], — писал В. Маслоу. Факт поощрения и содействия обусловливается энергией индивидуального бессознательного, питающей архетип учителя.

Данная энергия оформляется в процессе развития общества в определенный образ, причем образ особенный. Например, образ учителя, возникший под влиянием разного рода социокультурных институций. Так, «античные философские школы были не просто школами, но сакральными или хотя бы квазисакральными институциями, по нормам обычного права тех времен культовыми сообществами, объединенными почитанием героя-основателя, “героя” в терминологическом смысле. “Божественный” Платон, “божественный” Ямвлих — несколько иное, чем употребление слова “divinus”, “божественный”, как распространенной метафоры для слова “гениальный” в языке людей итальян-

ского Ренессанса; второе не связано с корпоративно культовыми реалиями, первое — связано» [9, 21], — отмечал С.С. Аверинцев.

Целый ряд внешних форм школьной авторитарности были переняты христианской Церковью: кафедра главы школы — кафедра епископа; перечень наследующих друг друга глав школ (диadoхов) как жанровая основа историко-философского рассказа; перечень наследующих друг друга епископов (диadoхов) как жанровая основа произведений из истории Церкви; понятие «гомилия» в приложении к беседе философа и к проповеди священника; даже обязательная борода философа и настолько же обязательная борода православного духовного лица, которое выделяет и философов, и клириков в особое «состояние». И все же два очевидных обстоятельства резко отделяют авторитаризм школьный от авторитаризма церковного. Во-первых, сам уровень этого авторитаризма был достаточно неоднозначен в разных школах и в разные периоды, во-вторых, и это важнейшее, школьные авторитеты действовали только внутри школы, были обязательны не для всего общества, а для его части, подчиненной целому, для микросоциума в пределах макросоциума [9, 21—22].

Учитель, выполняя определенную его архетипической структурой задачу понимания личности ученика, возможностей его развития, наполняет тем самым его жизнь смыслом. Это имеет чрезвычайно важное значение, поскольку на протяжении всей жизни человеку приходится быть активным, потому что не он ставит вопрос о смысле, а жизнь вводит его в ситуации необходимости поиска, борьбы. Сама актуализация, по мнению В. Франкла, является побочным продуктом осуществления смысла, а не самоцелью. При отсутствии борьбы, поиска смысла возникает «явление экзистенциального вакуума — дефицита наличия в жизни личностного содержания» [10, 17]. Наступает экзистенциальный кризис, пусковым механизмом которого могут стать и трагические, и радостные, и нейтральные события. Главное, они должны изменять статическую картину предыдущего существования.

Однако никакое «духовное обновление, творческий прорыв невозможны без отказа от старых норм и стереотипов, ведь самоусовершенствование неизменно связано с кризисом перерождения. Поскольку это данность только тех личностей, которые способны к рефлексии, выбор и кризис можно назвать даром, однако излишне интенсивные переживания в период кризиса могут приводить к неврозам, ощущению недостатка смысла. Тогда свобода становится проклятием. В этом заключается отличие вакуумного типа кризиса от поискового: первый предусматривает отсутствие способности делать выбор из-за отсутствия веры в собственный смысл, тождественность энтропии и отсутствия выхода, а второй диктует избыточное число смыслов, в силу че-

го постоянно принуждает делать экзистенциальный выбор. Вектор определяется самим человеком, однако степень моральной ответственности перед собой в этом случае повышается» [10, 18]. Условием роста ответственности является содержание архетипа, благодаря априорности влияния которого преодолевается сомнение относительно возможности личностного самоопределения как продукта выбора.

Таким образом, архетип является наследственной психической структурой, в результате чего может спонтанно заявлять о себе в любых видах жизнедеятельности. Основой жизни каждого индивида является опыт предыдущих поколений, существующих как совокупность архетипов. Особое значение архетипический опыт имеет для деятельности учителя, формирующего социально-культурные основания общества.

Литература

1. *Кримський С.Б.* Архетипи української культури // Вісник НАН України. 1998. № 7—8.
2. *Головаха Е.* Будущее социологии и типология социальных феноменов // Социология: теория, методы, маркетинг. 1999. № 3.
3. *Нидлман Д.* Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Людвиг Бинсвангера // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. Введение в экзистенциальную психиатрию. М.; СПб., 1999.
4. *Мукомел С.А.* Педагогічна аксіологія як наука про цінності освіти // Вісник Черкаського університету. 2008. Вип. 126. Серія Педагогічні науки.
5. *Юнг К.Г.* Символы трансформации. М., 2008.
6. *Бинсвангер Л.* Бытие-в-мире. Введение в экзистенциальную психиатрию. М.; СПб., 1999.
7. *Фрейдджер Р.* Гуманистическая, трансперсональная и экзистенциальная психология. К. Роджерс, А. Маслоу и Р. Мэй / Роберт Фрейдджер, Джон Фейдимен. СПб., 2007.
8. *Maslow A.H.* Toward a Psychology of Being. N. Y., 1968.
9. *Аверинцев С.С.* Образ античности. СПб., 2004.
10. *Перлова З.С.* Роль экзистенциального выбора и не-выбора в различных типах кризисов // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. Сент.

В.А. МОРОЗОВ

Совместимость науки и религии. Постигание истины

Аннотация. В статье рассматриваются отношения науки и религии в вопросах познания истины, а также их проявления в жизнедеятельности людей и общества.

Ключевые слова: совместимость мировоззрения, противоречие взглядов, источник веры и познания, истинность и достоверность.

Abstract. The article discusses the relationship between science and religion in matters of knowledge of the truth, and their manifestation in the life of individuals and society.

Keywords: compatibility of outlook, contradiction of views, belief and knowledge source, validity and reliability.

В науке логическое и интуитивное четко разделены. Более того, можно утверждать, что именно интуиция является основой науки. Это видно из ее роли и в установлении исходных положений. Причем сам процесс построения научной системы пронизан интуицией, здесь имеется в виду интуиция-суждения, а не интуиция-догадка, которая выступает явно, но играет вспомогательную и временную роль. Даже математика (по Геделю [1]) должна по мере развития включать все новые постулаты, поэтому математик, не интересующийся принципиальными основами, всю жизнь работает только в логической сфере математики. Таким образом, если даже математика и сама логика не избавлены от интуиции-суждения, то для всех естественных наук она играет огромную роль. Только в сочетании с ней дискуссия может приводить к познанию. Мы знаем, что любое интуитивное суждение в науке всегда ограничено одним жестким условием: оно не должно противоречить ни логике, ни положительному знанию и опыту. Этого требования нет ни в искусстве, ни в религии. Более того, можно утверждать, что такое противоречие для них необходимо, и это обуславливает их коренное отличие от науки.

При выборе между религией и атеизмом в пользу религиозного мировоззрения следует признание внеземного трансцендентного мира духов, Бога. Такой мир обязан включать явления и обобщающие суждения, т. е. чудеса. «Все верование основано на чудесах», — говорил религиозный мыслитель и великий математик-физик Паскаль: «Если все подчинять разуму, наша религия не будет иметь ничего таинственного или сверхъестественного. Если пренебрегать принципами разума, наша религия будет абсурдной и смешной» [2]. Религия же требует веры в непознаваемое и прежде всего в непогрешимый авторитет Бога.

В теизме, основанном на священных книгах, заложены два источника, вызывающих неизбежное столкновение науки с религией.

Первый — зафиксированное в этих книгах отражение научного знания своего времени (прогресс приводит к новым выводам, вступающим в противоречие с прежним знанием и уводящим людей от религии). Церковь отвечает на это попытками использовать подходящие успехи науки как подтверждение сказанного в Библии. Развитие же научного знания будет снова нарушать достигнутое согласие религии с наукой в каждом конкретном вопросе. Известная проблема в физике — выяснение того, что было до начального момента расширения Вселенной.

Второй момент — требование веры (трудное для ученых) без сомнения и в существование Абсолюта, Бога, и в каждое слово священных книг. Однако религия не запрещает всякое сомнение. Человек через сомнения приходит к Богу, но уверовавший не смеет сомневаться в основах. Однако фундаментом научного познания является сомнение — мать истины. Всегда свойство полной свободы мысли больше всего ценилось в ученом, что не свойственно представителям веры. Это схоже с законом маятника, когда представители религий смотрят вниз, а представители науки смотрят и «идут» вверх, а между ними меняется со временем расстояние, которое можно назвать искусством поведения культур, на обоих концах маятника, т. е. мерой совместимости развития общества. Если наука, в основном, суть искусство наблюдения, то сознание вызывает наблюдение. На протяжении тысячелетий для индуизма (до 1 млрд человек) искусством сознания, изучающего самое себя, являлась йога. Согласно йоге, высший источник знания понимается как Бог — вечно расширяется. Поэтому, если мы пришли к полному пониманию Бога, всегда есть (или появляется) что-то новое для познания.

Порой доводится слышать утверждения некоторых ученых об абсолютной, по их мнению, несовместимости науки и религии, причем под религией они обычно подразумевают набор различных «сказок», всевозможных небылиц и упрощенных суеверий, ну а под наукой (конечно же) всю совокупность современных знаний шагнувшего в космос человечества. Отдельные ученые предрекают, что не пройдет и нескольких десятилетий как научно-технический прогресс, ниспровергая религиозные догмы одну за другой, камня на камне не оставит в сердцах людей от веры в Бога. Вместе с этим и среди духовенства различных конфессий действительно кое-где еще встречаются темные, невежественные люди, отвергающие строение Солнечной системы. По большому счету, истинная и неискаженная религия не может иметь ничего общего с мистикой или невежеством, фанатизмом или предрассудками и с точки зрения христианства и ислама наука и религия не

только не вступают между собой в противоречия, но и напротив — взаимно дополняют друг друга. Возможно, это и звучит несколько парадоксально, поскольку и наука, и религия исходят из единого первоисточника, ведь именно Вседержитель-Всевышний («Владыка, прости беззакония наша...»). Хвала Ему и велик Он!), и никто другой, является источником истинной веры, а также источником всякого верного знания, чего никак не могут или же просто не хотят понять ни легковерные последователи Чарльза Дарвина, по-прежнему уверенные в своем происхождении от обезьяны, ни невероятно расплодившиеся за последние годы псевдорелигиозные грамотеи. Наука и религия вовсе не опровергают друг друга, а просто следуют в земной цивилизации различными путями, используя разные способы познания истины и продвигаясь к ней с двух противоположных сторон (выше — закон маятника). Наука не принимает ничего на веру без доказательств — лишь твердо установленные ею факты, проверенные экспериментальным путем, используются в качестве базы для новых открытий. Все бездоказательные измышления и не подтвердившиеся гипотезы отменяются в сторону сменяющимися друг друга поколениями ученых, чем, собственно, и объясняется наличие определенных уровней научных представлений, характерных для каждой эпохи, причем отказ от собственных вчерашних заблуждений на авторитете науки никак не сказывается. Вместе с тем мировоззрение, порожденное наукой, во многом нежелательно, поскольку оно фокусирует слишком много внимания на материальных аспектах жизни и технических решениях человеческих проблем. Это отрицательно сказывается на реализации гуманистического подхода. Сегодня мало того, что можно назвать действительно религиозными или моральными размышлениями.

В религии совершается переход от восприятия конечных вещей к внутреннему ощущению и восприятию абсолютного, безусловного начала, стоящего над ними. В разной форме в разных религиях представляется это абсолютное начало, но в любой религии содержится утверждение абсолютного, возвышающегося над внешним миром конечных вещей и лежащего в основе всякого бытия. То или иное восприятие смысла и цели мира и человеческой жизни вытекает из того, в чем усматривается это вечное абсолютное начало бытия. В сущности религии содержатся не просто утверждение высшего абсолютного начала (Бога), но и живая деятельная связь с Ним. Для религиозной жизни недостаточно признавать (как отвлеченное утверждение) что-либо как абсолютное или высшее начало — для нее существенно сделать это высшее абсолютное началом и основанием своей жизни и деятельности. Подлинное внутреннее утверждение абсолютного начала неизбежно окрашивает и определяет собой все восприятие мира и все

отношения к нему, понимание его цели и смысла и своего места в нем. Представляется, что религия есть живое и целостное отношение к абсолютному. При ясном понимании этой действительной сущности религии и науки станет очевидной внутренняя невозможность противоречия между ними. Опыт религиозный выходит за пределы того внешнего опыта, с которым имеет дело наука. В религиозном опыте дается восприятие абсолютного начала, сущего, приобщения к нему. Такого восприятия не может дать наука не в силу недостаточности своего развития, а по существу своему, так как предметом ее может быть лишь конечное и относительное.

Наука своими открытиями оказала человечеству достаточно большие услуги, чтобы иметь право быть строгой. В религии все обстоит по-другому. Здесь изначально достоверные знания о законах природы и тайнах мироздания, исходящие из божественного первоисточника, были изложены в ниспосланных людям священных писаниях за тысячи лет до появления первой научной энциклопедии. Верующие изначально располагали абсолютно точной информацией, повествующей в сжатом или зашифрованном виде практически обо всем, в том числе о строении атома, периодической таблице элементов и пр. Тогда они попросту не понимали колоссальной научной ценности этой уникальной информации. Лишь узкий круг высокообразованных духовных лиц подолгу ломал голову над непонятным смыслом этих строк, обнаруживая их среди пространных описаний религиозных ритуалов, исторических эпизодов, нравственных поучений и притч. Духовенство свято верило в истинность и достоверность всего содержания этих священных текстов, не требуя каких-либо дополнительных доказательств. Ученые признают в качестве реально существующего лишь только то, что уже подтверждено экспериментально. Они не всегда понимают, что блага, без которых немислимо счастье людей на любой ступени развития человеческого общества, уже испокон веков существуют в окружающем мире и что ученые-экспериментаторы всего лишь открывают это для людей, а вовсе не изобретают и не создают. Например, возможность оторваться от земли и подняться в воздух существовала за миллиарды лет до сооружения первого воздушного шара. Также электричество было изучено и стало использоваться людьми лишь сравнительно недавно, хотя оно существовало всегда независимо от наших знаний. Оно не только существовало в виде молний, которые, как всем известно, представляют собой электрические разряды огромной мощности, в силу чего не могли быть исследованы без современных научно-технических средств, а находилось у людей буквально под руками и ногами на протяжении всей истории человечества, например, в тропических морях живет несколько десятков видов рыб, способных время от времени или постоянно испускать электрические разряды

различной мощности не только для защиты и нападения, но и сигнализации друг другу о преградах. Изображения электрического морского ската «торпедо», к примеру, встречаются на древнегреческих вазах.

Христианство и ислам считают науку естественным проявлением человеческой деятельности. Большинство мусульманских и христианских ученых всех времен и народов были высокообразованными и набожными людьми, причем их статус среди последователей этих религий всегда был чрезвычайно высок и остается таким же в наши дни. Всегда будет существовать необозримая область непознаваемого, не поддающаяся логическому анализу или математическому просчету. Сегодня технический прогресс сам по себе еще не предполагает равноценного продвижения в сфере духовности и морали (это продемонстрировал XX в., чьи величайшие научные достижения были использованы безумными людьми для уничтожения себе подобных). Такое положение дел становится возможным по причине дефицита нравственности. Наука сама по себе бессильна избавить человечество от расовых и прочих предрассудков, а также кровавых конфликтов, возникающих на этой почве; знания никогда не смогут разрешить проблемы нашей жизни, если не будут действовать в союзе с духовностью. Пока ни один народ, при всех его технических достижениях, не пережил морального разложения своей цивилизации. Где гарантии, что изобретения и открытия в будущем не будут использованы безнравственными авантюристами с противоположной целью? Часто ученые, попадая в некоторое подобие узких «жизненных» рамок, не учитывают духовные, моральные и другие измерения, как возможные параметры своей работы. Вот почему союз науки и религии имеет первостепенное значение для современного человечества, истины его развития и единства. Ведь именно религия формирует духовно-нравственные нормы жизни общества, а уж затем в обществе формируются моральные стандарты, определяющие практическое применение научных достижений, а вовсе не наоборот. Никто из ученых не может претендовать на знание всех тайн человеческой природы, поскольку наука рассматривает человека вне его связи с Богом и лишь религиозные науки занимаются исследованиями того огромного внутреннего пространства, которое находится в душе человека. Именно религия располагает лекарством от многих душевных болезней, в основе которого лежат вполне определенные, точные и строго логические методы, несколько не исключающие естественнонаучных методов, принимая при этом в расчет все элементы и грани человеческой природы, стараясь удовлетворить сложную сущность сочетания материальных и духовных потребностей человека.

Сегодня человек все чаще жертвует духовным ради материального. Поэтому человечество не сможет обойтись без религии ни сегодня, ни в будущем, независимо от темпов научно-технического прогресса, при этом предъявляя к духовенству качественно новые стандарты, обязывая его идти в ногу со временем, причем эту взаимозависимость хорошо понимают практически все ведущие ученые мира и все прогрессивное духовенство. Наша цивилизация будет обречена на самоуничтожение именно с применением своих собственных технических достижений, если религиозные и светские ученые не объединят усилия и сообща соединят веру и знания, укрепляющие разум и душу, поскольку, если приборы и лекарства могут помочь миллионам людей, то духовность в состоянии спасти от гибели все человечество.

Наука и религия отвечают на разные вопросы: как и почему — и направлены на разные цели. Определенные трудности и неясности заложены в самом принципе несомненной истинности религии. Для научно мыслящего человека существуют как бы два мира: духовный религиозный и познаваемый материальный, который не должен быть лишен духовных ценностей (см. литературу: [3—6]).

По самому существу религии и науки противоречие между ними невозможно, с точки зрения разума. Исторически возникшие столкновения научной и церковной мысли могут быть объяснены только извращением, сознательным или бессознательным, существа науки, с одной стороны, и извращенным пониманием религии — с другой. Противоречия возникали не между наукой и религией, а между теориями и учениями отдельных представителей науки, выходящих в этих теориях за пределы действительно научных методов, и между отдельными богословскими течениями, преимущественно схоластической школы, смешивающими научную и религиозную постановку вопроса и извращающими смысл религиозных истин. Источники этих противоречий — смешение плоскостей, смешение абсолютного и относительного и подмена одного другим. «Научные» возражения против религии могут означать только полное непонимание существа религии и полное непонимание существа научных методов и предмета науки.

Литература

1. *Кирьянов Д.* Религиозно-философские аспекты мысли К. Геделя. 2009 г. // www.bogoslov.ru/text/386258.html.
2. *Паскаль Б.* Мысли о религии. М., 1892.
3. *Гейзенберг В.К.* Шаги за горизонт. М., 1987.
4. *Фиолетов Н.Н.* Очерки христианской апологетики. М., 2007.
5. *Франк С.Л.* Религия и наука. М., 2002.
6. *Эйнштейн А.* Эйнштейн и религия. М., 2011.

IV

**АКТУАЛЬНАЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**

С.В. БИРЮКОВ

Югославские «узлы»: прелюдия общеевропейской драмы?

Аннотация. Анализируются причины и последствия распада единой Югославии, значительное внимание уделяется рассмотрению возможного влияния этноконфессиональных противоречий на политическую ситуацию в балканских государствах, раскрывается возможное влияние последствий югославского кризиса на политические процессы в Южной Европе и в Европейском Союзе.

Ключевые слова: Югославия, Сербия, Черногория, регион Балкан, этноконфессиональные противоречия, титоизм, Милошевич, распад Югославии, «Срединная Европа», кризис интеграционных процессов в Европе.

Abstract. The article is devoted to the analysis of causes and consequences of Yugoslavia's disintegration. Much attention is given to the consideration of possible influence of ethnic and religious contradictions on the political situation in the Balkan states. The article reveals the possible impact of the Yugoslav crisis on the political processes in Southern Europe and the European Union.

Keywords: Yugoslavia, Serbia, Montenegro, the Balkan region, ethnic and religious conflicts, titoism, Milosevic, Yugoslavia's disintegration, «Middle Europe», the crisis of integration processes in Europe.

Сербия на геополитическом «перекрестке»

Современный мир в последнее время не раз наблюдал драматические процессы глубокого кризиса и даже распада многонациональных и поликонфессиональных государств, долгое время выполнявших либо призванных выполнять функцию геополитического стабилизатора в своих «мировых регионах». Судьбы пережившего масштабную гражданскую войну Ливана, подвергшихся вторжениям «извне» Ирака и Афганистана, а равно и современной Сирии заставляют осмыслить всю глубину актуализовавшихся сегодня геополитических и цивилизационных «разломов». Трагическая судьба Югославии — несуществующего ныне югославянского государства — требует своего осмысления в контексте тех перемен, которые происходили в мире на рубеже XX и XXI вв.

Сформулированная в свое время с учетом многосторонних эффектов процессов интеграции и регионализации американским социологом Д. Беллом дилемма звучала так: традиционное централизованное государство слишком велико для решения незначительных проблем и слишком мало для решения больших [1]. Выход из этой дилеммы в западной социологии был найден в самом начале XXI столетия. На сетевое государство, как на наиболее подходящую для современной эпохи форму общеевропейской государственности, указал американский социолог испанского происхождения Мануэль Кастельс. Эта концепция предполагает образование единого экономического пространства при сохранении формального политического суверенитета входящими в него странами [2]. Однако вместо включения Сербии и других югославянских республик в прогнозируемое Кастельсом европейское «сетевое государство» мы наблюдали драматический распад СФРЮ в процессе кровопролитной гражданской войны.

Распад «Большой Югославии» стал кривым зеркалом процесса европейской интеграции через регионализацию [3, 89—125], при которой обособление регионов означает не формирование общеевропейского культурно-цивилизационного пространства, но в значительной степени активизацию родоплеменной архаики и возникновение многочисленных очагов межнациональных конфликтов. Сетевые структуры, вместо утверждения «гражданских сообществ», в случае Косово привели к складыванию уродливых криминальных симбиозов и укладов с перспективой втягивания в него соседних регионов (ныне независимые Черногория и Македония). В итоге на территории Южной Европы может сформироваться особый сегмент — российский исследователь А.И. Неклесса обобщенно называет его «Глубоким Югом» [4]. Одновременно сохраняющийся потенциал этнического национализма в пределах бывшего единого югославского пространства грозит новыми напряжениями и конфликтами.

Смысл югославских событий невозможно понять без рассмотрения тех конфликтных «узлов», которые привели к югославской драме 1990-х гг. и до сих пор препятствуют конструктивному решению югославского вопроса.

Первый «узел» — этноконфессиональные противоречия. Достаточно вспомнить, что Югославия представляет собой точку соприкосновения трех культур, которые можно условно определить как славяно-православную (сербы, черногорцы, с оговорками — македонцы), европейско-католическую (или средневропейскую — хорваты и словенцы) и исламскую (боснийцы-мусульмане и албанцы). Подобное различие в культурных стереотипах и геополитических ориентациях в итоге привело к расколу, который стимулировал распад Королевства Юго-

славия накануне Второй мировой войны (достаточно вспомнить, что в Хорватии и Словении в 1941 г. немцев встречали как освободителей, а также зловещую историю марионеточного фашистского государства усташей). Этот раскол был «заморожен» в период мягкого авторитарного режима «еврокоммуниста» И. Броз Тито, а затем снова проявил себя в полной мере, приведя к развалу СФРЮ в 1990-е гг. И неудивительно: история практически не знает примеров долговременного и равноправного сосуществования равновеликих православных, католических и мусульманских общностей в рамках единого государства. В условиях роста этнического самосознания и обозначившегося «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон) 1990-х слабо интегрированное югославянское государственное образование (фактическая конфедерация при формальном федерализме) было обречено на распад. Претензии сербов и в меньшей степени черногорцев, считавших себя наследниками державно-византийской традиции, на лидерство в стране неизбежно сталкивались с амбициями хорватов и словенцев, подсознательно ощущавших свое культурное превосходство в силу принадлежности к европейской (и прежде всего — германской) культуре. Довершало картину стремление боснийцев реализовать свой особый «исламский путь» и интегрироваться в «мировую исламскую общность» («Исламская декларация» Алии Изетбеговича 1970 г.) [5]. В итоге гражданская война 1990-х гг. в Югославии, по версии немецкой исследовательницы М. Кальдор, явила человечеству новый тип войны, которая, «в противоположность геополитическим и идеологическим мотивам прежних вооруженных конфликтов, имела в качестве своей цели политику идентичности» [6, 15].

Потенциал этноконфессионального конфликта в Югославии в основном реализовался в рамках кровопролитной гражданской войны 1990-х гг. и конфликта внутри и вокруг Косово, завершившегося сепарацией последнего в 2008 г. Однако его «остатки» имеют достаточно мощный дестабилизирующий потенциал — можно вспомнить напряженную ситуацию в сербском крае Санджак (на 40% населенном славянами-мусульманами), а также активность албанских структур в Южной Сербии и Македонии, уже не раз приводившая к кровопролитным столкновениям. С учетом трагической ситуации в Косово и умело провоцируемого извне сербско-албанского противостояния в Южной Сербии положение и в настоящее время весьма драматично.

Второй «узел» — конфликт между национальными традициями и европейской идентичностью сербов и других народов Югославии. Специфика сербской культуры и идентичности (с их традициями коллективизма, державности, воинским духом и потенциалом мобилиза-

ции в критических ситуациях) ощущается всяким, кто хотя бы немного знаком с этой страной и ее народом. Вместе с тем сербы, как и другие югославы, — возможно, наиболее вестернизированные среди православных славянских народов и, естественно, вполне восприимчивы к ценностям демократии, рыночной экономики и открытого общества. Такая прозападная ориентация укреплялась в правление Тито, который, умело лавируя между двумя военными блоками (НАТО и ОВД) и поддерживая умеренную открытость страны, сформировал у многих югославов иллюзию относительной благорасположенности к ним Запада. Сам же Запад, стремясь отработать на СФРЮ модель мягкого «вывода» социалистической Югославии из-под советского влияния и делая из нее «витрину рыночного социализма», обеспечивал огромные финансовые вливания и прощал просрочку выплат по долгам. Откровенно дискриминационная по отношению к Сербии позиция Запада в период «балканских войн» последнего десятилетия разочаровала многих сербов в «западных ценностях», но все же не подорвала окончательно ориентацию на Запад молодежи и значительной части людей среднего возраста. В то же время приверженцы вестернизации и открытости не учитывают явно изменившейся со времен Тито геополитической обстановки и не задумываются о невозможности воспроизвести обильно лившийся при Тито «кредитный дождь» (без чего европейский уровень жизни был просто недостижим). В итоге же сегодня сербский народ оказался расколотым на «западников» (экс-президент Сербии Б. Тадич) и условно «национал-изоляционистов», борьба между которыми во многом определяет современные колебания сербской политики (партии С. Милошевича и В. Шешеля).

Со вторым тесно связан и *третий югославский «узел» — конфликт между идеологиями*. В данном случае речь, прежде всего, идет о конфликте между сербским национализмом, «югославянским патриотизмом», либерально-демократическими идеями и той или иной версией социалистическо-коммунистической идеологии. Последняя, прочно завязанная на «старый югославский патриотизм», явно изживала себя уже в последние годы титовского правления, и сегодня сербские (югославянские) «левые» марксистского толка могут рассчитывать лишь на 1—2% голосов избирателей. Сложнее с «сербским социализмом» — исповедующая его Социалистическая народная партия Сербии (лидером которой долгое время был С. Милошевич) давно опирается уже не столько на левую, сколько на умеренно-националистическую идеологию. Общая «югославянская идеология», связанная с воспоминанием об общих корнях, истории, совместной борьбе народов страны с фашизмом, оказалась сегодня дискредитированной из-за связи с коммунистическим официозом, а также из-за наследия межнациональной

гражданской войны 1990-х гг. После же гражданской войны и резкого подъема национализма в республиках бывшей СФРЮ возрождение единого югославянского государства либо невозможно, либо отложено на многие годы. Идеология сербского «национал-изоляционизма», на которую в течение всего периода своего правления опирался бывший коммунистический лидер С. Милошевич, в итоге привела Сербию к острейшим межнациональным конфликтам и нескольким войнам. При этом ее возрождение в принципе еще возможно в случае дискредитации сербских демократов; однако в его нынешнем виде такой национализм был практически несовместим даже с «малой Югославией» и вел ее к распаду («развод» Сербии и Черногории в 2006 г. подтвердил верность этого положения). Либерально-демократическая идеология в Сербии в силу национальных особенностей также смешана с сербским национализмом и культом монархии Карагеоргиевичей. Такой конъюнктурный синтез позволил Воиславу Коштунице (впоследствии перешедшему на «национал-патриотические» позиции) победить на президентских выборах 2000 г. [7]. Вместе с тем «прозападная» ориентация с масштабными уступками за счет национальных интересов неизбежно вела к дискредитации «либерально-патриотической» идеологии, подтверждением чего стала политическая судьба другого представителя сербских демократов экс-президента Б. Тадича. В итоге ни одно из крупных идеологических течений пока не может стать ведущей и направляющей силой кризисного сербского общества. А это означает, что и политический, и экономический кризисы в стране будут углубляться.

Четвертый «узел» — геополитические противоречия и амбиции основных игроков на Балканах, сделавшие неизбежным распад СФРЮ и поставившие на грань развала ее наследницу — СРЮ. Нужно помнить, что одна из главных причин югославской трагедии — отсутствие места для Югославии в рамках нового формата международных отношений. Так, крушение мирового социалистического лагеря сделало ненужным югославский противовес и альтернативу СССР (титовский и посттитовский режимы имели поддержку Запада и процветали, пока была востребована эта альтернатива). Объединение Германии в 1990 г. вдохновило ее на новую попытку реализовать проект «Центральная Европа» — т. е. создать конгломерат небольших стран Центральной и Восточной Европы (Хорватия, Словения, Венгрия, Чехия и др.) под своей эгидой [8, 3—8]. Особую роль в трагической судьбе Югославии сыграл и «американский фактор». США, которым с начала 1990-х гг. было все труднее оправдывать свое присутствие в Западной Европе и, особенно, в Германии, объективно нуждались в частичном переносе

своего присутствия на юг континента, что требовало «дополнительного обоснования». Распад СССР и резкое сокращение геополитической мощи России открывали США путь к углеводородным ресурсам Закавказья и Центральной Азии — для чего опять же был весьма полезен «балканский плацдарм». Вполне естественно, что сильная и единая Югославия ведущим «геополитическим игрокам» Запада в этих условиях была не нужна. Кроме того, образовавшийся после распада СССР и «восточного блока» геополитический вакуум создал возможности для усиления давления католицизма (вспомним роль Ватикана в поддержке хорватского и словенского сепаратизма, во многом предопределившего распад СФРЮ) и экспансии на Балканы ислама с созданием «опорных баз» (Босния, Косово — далее, возможно, Македония, сербский Санджак и Черногория). Наконец, расчленения Югославии (и прежней, и новой) требовали и амбиции глобального финансового капитала — ведь очевидно, что осуществлять «асфальтирование» (С.Ю. Глазьев) и экономические манипуляции гораздо проще и удобнее, имея перед собой небольшую и ослабленную страну.

Однако ликвидация прежней «большой» Югославии не могла удовлетворить «аппетиты» задействованных на Балканах сил. Пока сохранялась последняя форма югославянского единства (объединение Сербии и Черногории в СРЮ), пока не был окончательно демонтирован экономический, политический, военный и идеологический потенциал Сербии как возможного объединителя югославян — действие разрушительных технологий не могло быть остановлено. Не остановлено оно и сегодня, когда после отделения от Сербии в 2008 г. бывшего автономного края «Косово» все яснее видятся контуры другого масштабного геополитического проекта — «Великой Албании», призванного включить в себя, помимо Республики Албания, все населенные этническими албанцами территории сопредельных балканских государств.

Почему проиграл Милошевич

Почему проиграл сербский лидер Слободан Милошевич? В данном случае нас будут интересовать не собственно электоральные или конъюнктурно-политические причины, а причины более фундаментальные, предопределившие падение некогда казавшегося «вечным» президента [9].

Слободан Милошевич — представитель последнего, утвердившегося на властных позициях в начале 1980-х гг. поколения югославской, а конкретнее — сербской, партноменклатуры. Утверждение у власти этой партийной генерации пришлось на период утраты веры «верхов» и «низов» в социалистическую модель (даже в ее рыночном и квазили-

беральном варианте), а также размывания остатков «югославского интернационализма» под натиском националистических настроений в республиках СФРЮ [10].

Два этих обстоятельства и предопределили карьеру Слобо. Характерно, что он проявлял себя с начала карьеры не как администратор-аппаратчик, а как вполне квалифицированный по европейским меркам экономист. Так, до резкого взлета своей партийной карьеры (избрание в 1984 г. по рекомендации главы Союза коммунистов Югославии (СКЮ) Ивана Стамболича секретарем крупнейшего Белградского обкома) он прошел серьезную бизнес-школу в крупнейшей госкомпании «Техногаз» и госбанке «Беобанк». Таким образом, перед нами предстает вполне прагматичный экономический (а затем и политический) менеджер, удостоившийся в начале 1990-х гг. на Западе за свои реформаторские начинания почетного титула «югославский Горбачев».

И это неслучайно. Как ни парадоксально это звучит, в начале своей карьеры (т. е. до прихода в 1989 г. на пост первого секретаря СКЮ) Милошевич являлся едва ли не самым прозападным политиком Югославии и Сербии. Так, еще в период пребывания на хозяйственных должностях, Милошевич часто посещал Вашингтон и сумел наладить вполне дружеские отношения с будущим госсекретарем США при президенте Буше-старшем — Лоуренсом Иглбергером.

В этом свете неслучайными выглядят ряд следующих фактов:

- в 1991 г., в самый разгар войны между Хорватией и Сербией, Буш-старший торжественно сравнил югославского президента с Авраамом Линкольном, отдавшим своему главнокомандующему генералу Х. Гранту знаменитый приказ «Не жалеть снарядов!» в борьбе с сепаратистами-южанами («конфедератами»);

- уже в 1995 г., пережив немало ударов со стороны Запада, Милошевич дал понять, что не считает разрыв окончательным, именно тогда он дал образную характеристику российской гуманитарной помощи СРЮ: «Вы называете этим немножко радиоактивного мяса, которое нам пришлось зарыть, и плюшки 1969 года производства?»;

- уже к 1999 г., в ходе агрессии НАТО, когда США и все «цивилизованное сообщество» пылали ненавистью к Милошевичу как к «одиозному диктатору и военному преступнику», уже отставной Лоуренс Иглбергер предупреждает правящую элиту США о том, что «преемники Милошевича могут быть еще хуже, чем он, если окажутся идейными приверженцами сербского национализма».

Однако идиллию в отношениях Слобо с Западом разрушил поднимавшийся сербский национализм, исполненный духа реванша за унижения в период «титоизма». Видимо, не желая идти по пути Михаила

Горбачева (обретение расположения Запада при параллельной утрате всякого доверия внутри страны), Милошевич неизбежно вынужден был опираться на сербский фактор для обретения устойчивой внутренней опоры. Будучи хорошим тактиком, он использовал его первоначально как инструмент, необходимый для победы в партии. Характерно, что эта «заявка на победу» была впервые сделана в 1987 г. именно в Косове — месте сосредоточения сербских религиозных и исторических святынь, находящимся под угрозой отторжения вследствие все более остро проявлявшегося «албанского фактора». Поехав в апреле 1987 г. по поручению Стамболича в Приштину для переговоров с косоварами во время острого противостояния сербской и албанской общин, Милошевич с балкона обкома заявил митингующим сербам: «Никто больше не посмеет вас унижать и притеснять. Для этого мы пересмотрим конституцию». Эффект «разорвавшейся бомбы» не заставил себя ждать — через четыре месяца сербско-националистическое крыло в СКЮ сместило Стамболича и поставило главой партии Милошевича. Через два года, утвердившись в образе «национально ориентированного партийного лидера», он становится президентом Сербии и Югославии.

Ситуация получила свое развитие. В середине 1989 г. Слобо организовал похожую «национальную революцию» в Черногории (с помощью тогда еще своего сторонника — местного премьера Мило Джукановича). В том же году вследствие изменения федеральной Конституции Косово и Воеводина перестали существовать как самоуправляющиеся территории. В результате этих «метаморфоз» Сербия Милошевича сосредоточила в своих руках четыре из восьми голосов в Федеральном совете. Однако победа оказалась почти «пирровой» — будучи, как уже отмечено, хорошим тактиком, новоиспеченный «патрон» сербского национализма оказался довольно посредственным стратегом. Так, утвердившись в Сербии, он начал необратимо терять Югославию. Первой в 1991 г. вышла из союженной им «Сербославии» Словения, затем Хорватия, а в 1992 г. «откололись» Босния и Македония.

В такой ситуации выбора у Милошевича не оказалось. Достаточно легко отказавшись от «останков» коммунистической догматики, он сделал ставку на сербский национализм и консолидацию всех сербов (независимо от идеологических и партийных пристрастий) в условиях нарастающего внешнего давления и обстановки «осажденного лагеря». Это обеспечило ему не только поддержку традиционалистски настроенных слоев (в основном сельская и провинциальная Сербия), но и ограниченную лояльность ориентированных на либеральные и западные ценности сербов. В 1995 г. он убедительно побеждает на прези-

дентских выборах поддержанного Западом премьера — либерала Милана Панича. Победа демократической оппозиции («Сербское движение обновления» Вука Драшковича и ряд более мелких партий) на выборах в органы местного самоуправления в ряде городов и территорий (города Ниш, Чачак, Пирот и др.), а также многотысячные демонстрации протеста в Белграде позиций Слобо радикально не ослабили.

Однако национальной консолидации для прочности позиций Милошевичу было все-таки мало. Привыкшая к относительному «еврокомфорту», немалая часть сербов ожидала от него вывода страны из международной изоляции и снятия весьма болезненных экономических санкций, введенных в 1991 г. Но для этого требовались уступки Западу (который был не заинтересован в сохранении единой Югославии даже в «усеченном» варианте) и сдача по частям «сербского единства». Расшатывали это единство и неизменно выдерживавшиеся Слобо кланово-корпоративные приоритеты, приведшие к формированию в Югославии схожей с российской олигархии. Достаточно вспомнить, что в результате приватизации крупнейшие предприятия были «пропорционально» поделены между членами его клана (среди них называют экс-премьера Сербии М. Марьяновича (газовая монополия «Прогресс»), вице-премьера Н. Саиновича (крупнейшая меднодобывающая компания «RTV Bog»), знаменитое семейство Каричей (четыре брата и сестра) — компания «Сербия инкорпорейтед», и др.). Наряду с этим все основные посты в госаппарате были заняты представителями Социалистической партии Сербии, отнюдь не пользовавшейся абсолютной поддержкой в стране.

Невозможность «прорыва» во внешней политике и одновременная недопустимость потери поддержки националистически настроенных сербов делали положение Слобо почти безвыходным и неизбежно вели его к поражению. «Первым шагом» к потере его авторитета стала фактическая сдача в Дейтоне в 1994 (в расчете на снятие с СРЮ экономических санкций) героически сражавшихся боснийских сербов и их лидеров президента Радована Караджича и генерала Ратко Младича (официальный Белград отказался тогда и от самой идеи воссоединения с Республикой боснийских сербов, и от всякой военной и экономической помощи ей).

Кульминацией в этом падении Слобо стал 1999 г., когда после отказа от подписания явно продавливаемых американцами и губительных для единой Югославии соглашений в Рамбуйе (которые переводили под натовский контроль Косово и стимулировали к отделению Черногорию и другие территории) он снова на короткое время утвердился как общенациональный лидер. Но посредничество российского

«спецпредставителя» В. Черномырдина, фактически принудившего Милошевича принять американский план урегулирования (видимо, увязав с этим поставки российских энергоносителей в резко ослабленную бомбардировками страну) — т. е. фактически «сдать» НАТО и боевикам ОАК Косово, — вынудило Милошевича совершить «политическое самоубийство». Тем самым Слобо разочаровал в себе немало часть своих сторонников из числа националистов и одновременно дал национал-демократической оппозиции повод обвинить его, помимо диктатуры и подрыва экономики, еще и в национальном предательстве (хотя сама оппозиция устами В. Драшковича незадолго до этого предлагала натовский план принять).

Зажатый в угол, Милошевич стал лихорадочно хвататься за административный (и не только) ресурс, обличая оппозиционеров как «агентов Запада». «Чистки» в Министерстве обороны и других силовых ведомствах, кадровые перетряски на телевидении и в других официальных СМИ, пересмотр «под себя» федеральной Конституции, запугивание возможностью применения военной силы оппозиционно настроенного президента Черногории М. Джукановича, а также ряд «непонятных» убийств потенциальных конкурентов (министра обороны Павле Булатовича, легендарного полевого командира Желько Ражнатовича («Аркан»), правой руки и телохранителя знаменитого ультранационалиста Воислава Шешеля Петара Панича и др.) — эффекта тем не менее не принесли. Все это выглядело уже откровенным вызовом для европейской страны, с определенными оговорками усвоившей ценности демократии и гражданского общества. Превысив меру терпения «западников» и разочаровав уступками и метаниями многих «национал-патриотов», «сербский орел» (как назвала Милошевича в одной из своих передовиц весны 1999 г. газета «Завтра») пришел к политическому поражению, официально оформленному на президентских выборах в сентябре 2000 г. «Сербский патриотизм» так окончательно и не стал собственным политическим ресурсом Милошевича, но при этом способствовал обрушению остатков «югославянского единства» и изоляции Сербии.

Был ли у Милошевича хотя бы теоретический шанс избежать подобного исхода? Был, но для этого было необходимо выполнение слишком большого числа «сопутствующих условий». Во-первых, наличия более конструктивной и твердой позиции ЕС, объективно не заинтересованного в изоляции Югославии и сохранении ее как источника напряженности на континенте. Однако чрезмерная зависимость от США европейских элит, а также преследование некоторыми из ведущих держав Европы собственных интересов на Балканах (Германия) не позволили это сделать. Вторым необходимым условием этого было

активное участие России, которая бы не только «продавливала» в СРЮ западные инициативы, но была бы полноценным посредником и арбитром, способствуя вместе со всеми заинтересованными силами снятию со страны экономических санкций и политической изоляции. Но в итоге, по меткому определению Вука Драшковича, данному в период натовских бомбардировок, «Сербия расплатилась за слабость России» (интервью для CNN в апреле 1999 г.).

Безусловно, требовалась и большая стратегическая гибкость от самого Милошевича. Ему, прежде всего, было необходимо стать на постоянной, а не ситуационной основе лидером всей нации. А это означало — отказаться от слишком односторонней ставки на свою партию и тесно связанный с ним «бизнес-клан». Параллельно — наладить отношения с более чем влиятельной Сербской православной церковью (СПЦ), глава которой — патриарх Павел — не скрывал своей оппозиционности к Милошевичу и его сторонникам как к наследникам «коммунистического атеизма»; нужно помнить, что в годы правления «еврокоммуниста» Тито из всех югославских конфессий именно православие подвергалось наибольшим гонениям. Помимо этого — прекратить силовой «зажим» оппонентов и попытаться заключить не тактический, а долгосрочный союз с наименее скомпрометировавшими себя представителями национально-демократической оппозиции. Ведь за ними, как оказалось, пошла большая часть сербов и, что не менее важно — многочисленная и влиятельная сербская диаспора в Западной Европе и США. В то время как подобный компромисс был возможен на базе общих ценностей — сохранения национальной самобытности и целостности страны, выхода из экономической и политической изоляции, восстановления экономики и др. На роль такого партнера лучше всего подходил упомянутый выше Вук Драшкович — действительно незаурядная личность и политик, несмотря на всю его бесхребетность и «поливалентность» (успел за короткое время побывать и коммунистом, и монархистом, и либералом). Однако, назначив Драшковича вице-премьером по иностранным делам в январе 1999 г., незадолго до начала бомбардировок, Слобо еще в период войны удалил его из кабинета при первых признаках личной нелояльности. После этого сам шанс на создание полноценной и способной консолидировать сербское общество коалиции (социалисты Милошевича, Сербская радикальная партия Воислава Шешеля и «Сербское движение обновления» Вука Драшковича и Воислава Михайловича) был утерян. К тому же вскоре была утрачена главная основа консолидации — принципиальная и жесткая позиция всех вышеназванных сил по Косово (после подписания Милошевичем «меморандума Черномырдина — Ахтисари»). По-

сле этого Милошевич, как уже было сказано, сделал ставку на силовые методы удержания власти — и в итоге проиграл, будучи отвергнутым большинством югославского общества.

Однако все вышесказанное — из области полититологических гипотез. Реальная же политика, согласно затверженной фразе, — это «искусство возможного». Югославия не в первый раз в своей истории выбрала хаос и развал, последствия которого будут ощущаться ее народами еще долго.

«Станция Монтенегро», или Динамика свораспада

Черту под процессом распада Югославии подвела сецессия Черногории в 2006 г., что нанесло последний удар по идее сохранения «югославянского единства» в современных условиях. Оформленный черногорским референдумом 2006 г. процесс упразднения «малой» Югославии стал последним этапом демонтажа СФРЮ как централизованного многонационального государства [11]. В итоге, модель «евроинтеграции» оказалась в тупике в одном из наиболее значимых сегментов «Старого континента» — Южной Европе [12].

Следует признать, что раскол между Сербией и Черногорией произошел не в одночасье. Процесс отчуждения от Сербии начался еще летом 1997 г. Формальной причиной расхождений была поддержка Белградом политического оппонента Мило Джукановича (тогдашнего премьера, а ныне президента Черногории) Момира Булатовича в качестве претендента на президентский пост.

Уже тогда Джуканович вступил в резкую конфронтацию с Милошевичем, активно поддержал его оппонента в Сербии Зорана Джинджича. Характерно, что резкое охлаждение отношений между Милошевичем и Джукановичем (брат которого, по экспертным данным, все годы последней югославской войны контролировал один из наиболее крупных каналов поступления в Югославию через Черногорию потоков контрабанды в обход эмбарго ООН) наступило сразу после организованной теневыми структурами «революции» в Албании, которая была спровоцирована обвальным крушением финансовых «пирамид».

Незадолго до вторжения сил НАТО в Югославию, в феврале 1999 г. премьер Черногории Филип Вуянович заявил, что республика готова не только предоставить свою территорию для тылового снабжения войск НАТО, но и разрешить использование порта Бар на Адриатике для размещения НАТОвских «миротворческих сил» в Косово.

Вместе с тем одно из главных действующих лиц проекта «Монтенегро», творец местного «экономического чуда» (зиждущегося на обильной помощи ЕС и ресурсах местной теневой экономики, завязанной в значительной степени на контрабанду и деятельность албанской

наркомафии) М. Джуканович не всегда был антагонистом режима Милошевича, но долгое время являлся его своеобразным «контрагентом». Так, в 1997 г. М. Джуканович завоевал пост главы республики, «победив» на выборах прежнего президента — М. Булатовича (пересевшего после этого в кресло премьер-министра СРЮ).

Как полагают некоторые эксперты, Милошевич сделал все, чтобы Джуканович пришел к власти в Черногории в ситуации политической апатии значительной части населения республики. Однако югославские СМИ за рекордно короткий срок создали бывшему партийному функционеру Джукановичу имидж противника социалистов и местной коррумпированной бюрократии, а главное — личного врага крайне непопулярной супруги экс-президента Милошевича Миры Маркович («Мира, забирай Момира!») — один из наиболее популярных политических лозунгов тех дней, появившихся на стенах домов и на заборах Подгорицы и Цетине). Благодаря целенаправленной пропаганде, ближайший сподвижник Булатовича и черногорский функционер № 2 превратился в «непримиримого противника режима» и «стойкого демократа» в глазах Запада.

Благодаря гибкому маневру Милошевич сумел создать в Черногории руками внешне оппозиционного ему Джукановича «свободную экономическую зону» (что было естественно в условиях непрекращающейся экономической блокады СРЮ). Это позволяло Белграду получать «гуманитарную» нефть, сохранить контроль над большей частью побережья, над портами и частично курортной зоной. Однако падение режима Милошевича в 2000 г. развязало Джукановичу руки, и последний продолжил курс на дистанцирование от непредсказуемого Белграда в сторону ЕС. Давление чиновников Евросоюза, принудивших Подгорицу сохранить на время конфедеративное по сути объединение Сербии и Черногории, не остановило процесса, итог которому был подведен майским референдумом 2006 г.

В итоге, прекратил свое существование последний наследник бывшей большой Югославии — Сербия и Черногория, завершив тем самым самый длительный период «югославянского единства». Чем не закончился, однако, процесс распада Сербии. Ибо сепаратистские настроения существуют и в Воеводине с ее значительной венгерской общиной, и в Санджаке, где велика доля славяно-мусульманского и албанского населения.

В чем же заключаются политические смысл и возможные последствия югославской драмы? На глазах просвещенной Европы, было показательно демонтировано национальное государство, разрушены (в

соответствии с «эффектом домино») и дискредитированы его основные составляющие.

1. *Идеологическая.* Югославия сменила множество идеологических моделей: интернационально-коммунистическую, определенную опытом совместной борьбы югославын с фашизмом, затем «еврокоммунизм» и «модель рыночного социализма» Тито, неонационалистическую, воплощенную в лозунге «Великой Сербии» Слободана Милошевича, «православно-славянскую» (с ориентацией на Россию), национал-демократическую (Коштуница и Вук Драшкович), наконец, либерально-демократическую (нынешний президент Сербии Тадич). Политические неудачи носителей данных идеологий в условиях развертывающегося югославского кризиса и активной диффамации извне означали обесценивание связанных с ними проектов.

2. *Экономическая.* В результате блокады 1990-х гг. была уничтожена СФРЮ как своеобразная «витрина» рыночного социализма для стран «восточного блока», гражданская война и блокада СРЮ убили рождавшееся на заре 1990-х гг. общеюгославское экономическое чудо, а натовские бомбардировки окончательно отбросили некогда процветающую страну на десятилетия назад.

3. *Социальная.* Из представителей одного из наиболее развитых, динамичных и перспективных постсоветских обществ Сербия, Босния и в меньшей степени Черногория превратились социумы-изгои, лишённые сколько-нибудь определенного будущего. Экономические успехи относительно более благополучных Словении и Хорватии также не являются столь однозначными.

4. *Военная.* В результате распада СФРЮ, блокады, агрессии НАТО и дискредитации режима Милошевича вместе с военной составляющей были обречены на демонтаж одни из лучших в Европе ВПК и армия. Прежняя единая Югославия перестала быть «якорем стабилизации» для традиционно беспокойных Балкан.

В результате уникального по своей циничности последовательного демонтажа силами руководства многих стран и высших функционеров ЕС, ОБСЕ, НАТО и США единого югославянского государства на Юге Европы возникли многочисленные вызовы и угрозы, среди которых наиболее значимыми являются:

- дальнейшая экспансия «Великой Албании» (противовесом которой могло быть лишь единое югославяское государство во главе с Сербией) с территориальными претензиями к Сербии, Македонии, Греции и Черногории;
- возможные территориальные претензии Македонии к Сербии, Греции и Болгарии (Пиринский край);

- возможные территориальные претензии Болгарии к Турции (часть Фракии), Румынии (Южная Добруджа), Греции (Южная Македония), Сербии (Северная Македония);

- возможные территориальные претензии Греции к Македонии и Албании, а также к Турции.

Наиболее опасными вызовами в существующей ситуации следует считать:

- рост трайбалистского сознания и идентичности на Балканах (которые европейское сообщество явно просмотрело, борясь с мифическим «сербским фашизмом»);

- превращение Балкан в зону управляемой межэтнической напряженности, что способно с учетом уже имеющихся проблем затруднить реализацию «общевропейского проекта» и легитимизировать военно-политическое присутствие США в Европе;

- экспорт радикального ислама в Европу (через «косовский анклав»), что опять же стало следствием подавления «православно-славянского» фактора на Балканах;

- активизация наркомафии, опорными территориями которой уже давно являются Албания и Косово.

Снова оказался открытым ящик Пандоры, что делает актуальным пересмотр концепции «единого европейского государства», возвращение к идее «Европы ста языков и ста флагов». Все это ставит под сомнение многие лежащие в основе современного проекта «единой Европы» социально-политические положения. От способности Европы провести ревизию ценностей, отказавшись от дискредитации централизованных национальных государств, национально-культурной идентичности (подменяемой «усеченным» мультикультурализмом), от многочисленных подсознательных фобий и «моноформатности» — зависит судьба самого «Большого европейского проекта», откровенно нежизнеспособного в нынешней редакции. Впрочем, нельзя исключать, что Европа продолжит и далее наступать на «сербские грабли», разрушая собственные политические, правовые и нравственно-этические основания.

Литература

1. *Bell D.* The Cultural Contradictions Of Capitalism. N. Y., 1976.
2. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Под ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.
3. *Glötz P.* Der Irrweg des Nationalstaats: europäische Reden an ein deutsches Publikum. Stuttgart, 1990.

4. *Неклесса А.И.* Новый Север и Глубокий Юг. М., 2004.
5. *Izetbegovic A.* Islamska Deklaracija. Sarajevo, 1990.
6. *Kaldor M.* Neue und alte Kriege. Organisierte Gewalt im Zeitalter der Globalisierung. Frankfurt am Main, 2000.
7. *Костуница В.* Сербь и Запад // <http://www.pravoslavie.ru/analit/sobytia/kostunicaserbswest.htm>.
8. *Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin, 1915.
9. <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=sch&cat=296&vip=19>.
10. *Бирюков С.В.* Звезда и смерть Слободана Милошевича // <http://www.apn.ru/opinions/article9599.htm>.
11. La Serbie ouvre la porte à la contestation, mais acceptera l'indépendance du Monténégro // *Le Monde*. 24 May. 2006.
12. *Бирюков С.В.* Станция «Монтенегро», или Динамика еврораспада // www.apn.ru/publications/article9775.htm.

А.Г. ДАВЫДОВ

«Боснийский» проект: через раскол и войну — к нации?

Аннотация. В статье рассмотрены содержание и сущность «боснийского» проекта, который связан с определенными технологиями «политизации этничности». Анализируется конфликтогенный потенциал проекта и стратегий, используемых для его реализации. Автор показывает, что в результате комбинирования этнического и религиозного факторов возможно формирование идеологий и доктрин, обосновывающих создание этнократических государств.

Ключевые слова: «боснийский проект», регион Балкан, политизация этничности, этнократия, этнополитические технологии.

Abstract. The article examines the contents and the essence of the «Bosnian» project which is connected today with specific technologies of «ethnicity politicization». The author analyses the conflictogenic potential of the project and the strategies used for its implementation. The author shows, that combining ethnic and religious factors makes possible the formation of ideologies and doctrines that justify the creation of ethnocratic states.

Keywords: «Bosnian» project, Balkan region, politicization of ethnicity, ethnocracy, ethnopolitical technologies.

В современной политической науке все чаще признается необходимость исследования механизмов этнического самоопределения в

процессе основания новых национальных государств. Последнее может быть воспринято с точки зрения субъективного взгляда на «культурную нацию» как процесс формирования самосознания нации как некоего «сообщества судьбы». Попытка построить нацию таким способом приводила к мирному сосуществованию и признанию использования насилия как легитимного средства достижения этнического самоопределения либо к формированию образа «этнического врага» [1, 62].

В случае Боснии политизированная религиозная идентичность стала основой политического сообщества-нации. Роль религиозной идентичности в строительстве нации бывает велика, но в большинстве случаев она не является доминирующей. Боснийский пример в данном случае — прецедент, и поскольку подобным примером на горизонте немного (можно вспомнить сикхов в Индии и православный тюркский этнос кряшен в России), возникает сложность — можно ли рассматривать это сообщество как нацию или это некий иной вид устойчивого политического сообщества?

Обобщенно, *нация* — это ограниченное и суверенное политическое сообщество, организованное по «восходящему» принципу власти, имеющее политическую субъектность — стремящееся к построению своего государства либо владеющее своим национальным государством, в качестве оснований для своего единства видящее общую культуру, общее прошлое и предполагаемое будущее.

Эрик Хобсбаум в книге «Нации и национализм после 1780 года» пишет о том, что нация как категория, недавно появившаяся, может рассматриваться только в контексте национального государства. «Нация есть социальное образование лишь постольку, поскольку она связана с определенным типом современного территориального государства, с “нацией-государством”, и рассуждать о нациях и национальностях вне этого контекста не имеет, на мой взгляд, никакого смысла» [2, 19].

Многими исследователями сегодня акцентируется связь между образованием наций и деятельностью национальных движений. Образование боснийской нации — результат сложного процесса политизации этничности, завершающая стадия которого приходится на последние десятилетия XX в., и неразрывно связано с распадом единого югославянского государства.

В XX в. мир пережил *три волны национальных движений*. Первая прокатилась по Балканам и Восточной Европе, завершившись образованием независимой Финляндии и трех Прибалтийских государств, восстановлением польской независимости, появлением на развалинах

Австро-Венгерской империи независимых Австрии, Венгрии, Чехословакии, а также объединением отпавших от этой империи славянских территорий с Сербией и созданием на основе этого союза Югославии. *Вторая волна* достигла своей наивысшей точки к концу 1950-х — началу 1960-х гг., когда возникло несколько десятков новых государств, главным образом в Азии и Африке. Наконец, с *подъемом третьей волны* связаны югославский кризис, распад Советского Союза, возникновение национальных движений во многих странах «третьего мира». Именно третья волна превратила национально-этническую проблему в вопрос, от решения которого, очевидно, зависит будущее человечества. Тем более что уже сейчас появляются *признаки нарастания четвертой волны*, которая, по всей видимости, охватит Западную Европу и Северную Америку, а также те районы земного шара, где еще остаются нерешенные национально-этнические проблемы, в первую очередь Латинскую Америку, Индию и Китай [3, 18].

Какие черты отличают новые этнические движения в Европе? По мнению В. Иорданского, их несколько.

Характерной чертой движений третьей волны является их *моноэтничность*. Они разворачиваются, как правило, под лозунгами этнической чистоты, этнической независимости, этнического государства. И, как правило, направлены против своих соседей, против народов, с которыми вовлеченные в эти движения этносы исторически связаны очень тесно.

Социальной силой, возглавляющей эти движения, является *интеллигенция*, формирующая идею национальной исключительности. Наконец, характерно, что для новых этнических движений освобождение равнозначно подчинению своему диктату проживающих на контролируемой ими территории *национальных меньшинств*.

Существует еще один важный фактор, благоприятствующий распространению культа этничности и этнизации сознания. Этот фактор — *падение притягательной силы доминирующих этносов, ослабление их политического и культурного авторитета*. Такое явление наблюдалось в Югославии и Советском Союзе, где в последние годы притягательная сила соответственно сербской и русской наций заметно ослабела.

В этом контексте сам факт политизации этничности в Боснии вполне укладывается в рамки современного подхода к нации и национализму. Оригинальным моментом тут является следующий: в генезисе самой этнической группы «мусульмане» (муслимане) определяющую роль сыграли вероисповедание, религиозное самоопределение, поэтому в период политизации этничности политические элиты Бос-

нии стояли перед необходимостью использовать ислам в качестве катализатора процесса политизации сообщества.

Следует отметить, что боснийское движение за национальное самоопределение заметно уступало в силе и интенсивности другим национальным движениям стран Восточной и Южной Европы. Последнее было связано с более длительным процессом формирования этноконфессиональной идентичности бошняков. Поскольку в первые века истории Боснии в отношении боснийцев можно было говорить лишь об устойчивой региональной и формирующейся регионально-культурной идентичности.

По свидетельству С. Романенко, боснийские земли были заселены славянскими племенами в VI—VII вв. В X—XI столетиях они вошли в состав государства Дукля (Зета). В XII в. Босния стала практически самостоятельным государством, наиболее значительным из небольших племенных княжений. Сохранить свою независимость она не смогла: в середине XII в. баном Боснии вместо представителя местной знати стал вассал венгерского короля славонский феодал Борич. Затем Босния на тринадцать лет попала под власть Византии, но вскоре вновь перешла к Венгрии. В 1463 г. турки завоевали Боснию, а в 1482-м — и Герцеговину. В 1583 г. 8 санджаков, созданных на этих территориях, объединились в боснийский пашалык [4, 206].

Для исторической Боснии долгое время была характерна своеобразная религиозная «чересполосица». Поскольку территория Боснии и Герцеговины находилась между Сербией и Венгрией (в состав которой входила и Хорватия), правители этих областей вынуждены были допускать известную свободу вероисповедания. Конфессиональное разнообразие в Боснии и Герцеговине облегчило проникновение туда ислама. Интенсивная исламизация привела к тому, что этническое самосознание здешнего населения размылось, а мусульманская религия стала одним из главных факторов этнической идентификации. Со временем слово «мусульманин» стало обозначать национальную, а не религиозную принадлежность.

Процесс исламизации Боснии происходил в несколько этапов с учетом особенностей средневекового мировоззрения. Можно выделить несколько причин принятия ислама частью славянского населения. Это были и материальный интерес (нежелание платить специальный налог на немусульман), и административный произвол чиновников Османской империи, а также «простота» и доступность ислама по сравнению с христианством. Как отмечает С. Романенко, исламизация части югославян славян привела к резкому культурному и политическому размежеванию в среде местного населения. Уже в XIX в. бос-

нийские мусульмане ощущали себя особой этнокультурной общностью по отношению как к иноверцам, так и прочим мусульманам. Они называли себя «бошняци», когда хотели подчеркнуть свое этническое отличие от других мусульман. Сейчас в качестве этнонима этой части населения Боснии и Герцеговины используется термин «бошняк». Понятие «босниец» никогда не использовалось в качестве этнонима, но после 1992 г. существует государство Босния и Герцеговина и соответственно боснийское гражданство. Боснийцами являются все граждане государства Боснии и Герцеговины — босняки, сербы, хорваты [5, 186—200, 286—317].

Для превращения боснийцев в полноценную нацию требовалось именно национально-государственное самоопределение. Однако до решения этой задачи было еще далеко. С начала XIX в. началась активная борьба населения Боснии против османских завоевателей. При этом исламизированное дворянство использовало лозунг не о независимости, но о предоставлении автономии (1831, 1848), реагируя таким образом на потрясшую Европу революционную «весну народов». Вместе с тем исламизированная элита Боснии была еще не готова порвать с «материнской» империей. Кульминацией этой борьбы стало восстание 1875—1878 гг., спровоцировавшее масштабный кризис в отношениях бошняков и Стамбула. Кризис был урегулирован решениями Берлинского конгресса, в результате которых Босния и Герцеговина были оккупированы, а с 1908 г. — аннексированы Австро-Венгрией.

Существовали известные проблемы, связанные с культурной самоидентификацией мусульман. Язык, использовавшийся в мусульманской художественной литературе и публицистике, имел свои особенности. Существовала так называемая «арабица» — арабская азбука со знаками, необходимыми для обозначения некоторых звуков сербского и хорватского языков. В язык достаточно активно проникала арабская и турецкая лексика. Однако владение «арабицей» являлось привилегией боснийско-мусульманской элиты, а среди мусульман незнатного происхождения она не получила должного укоренения. В XIX в. «арабицей» на сербском и хорватском языках, который боснийские мусульмане стали называть «боснийским», стали печататься книги. Это укрепило идентификацию боснийских мусульман. При этом боснийско-мусульманская культурная среда полностью не порвала связи со славянской культурой. Например, поэзия боснийских мусульман строилась во многом по тем же сюжетам, что и сербская, но героями произведений выступали приверженцы ислама. С другой стороны, в ней использовались и образы восточной поэзии и мифологии. Разговорный же язык был общим для сербов, хорватов и мусульман и имел в Боснии и Герцеговине не только общие черты с сербским и хорватским язы-

ками, но и существенные отличия от них. После распада СФРЮ, начался процесс формирования нового национального языка, который называют боснийским. В Сараеве изданы Словарь боснийского языка и его грамматика. Лингвистически этот язык более близок к сербскому, чем к хорватскому, отличаясь от обоих в основном возведенными в ранг литературной нормы турцизмами, архаизмами и диалектизмами. Однако на сегодняшний день «боснийский язык» как политический проект не достиг даже уровня социолекта.

Для завершения процесса этнического самоопределения бошняков-мусульман требовалось их отделение от родственных по крови и языку сербов и хорватов, что было достаточно проблематичным. В конце XIX — начале XX в. возникло национальное политическое движение боснийских мусульман. Основной его целью было обретение автономии в области религии и образования. В 1907 г. возникла мусульманская национальная организация, издававшая собственную газету. В 1908 г. образовалась и Мусульманская прогрессистская партия (независимости).

В то же время находящиеся в фазе пассионарного подъема сербы и хорваты отрицали этническую индивидуальность мусульман и считали их частью сербской либо хорватской нации. Поэтому политические устремления национального движения бошняков чаще всего воспринимались как желание либо сохранить власть Османской империи, либо создать мусульманское государство [6, 24—29].

В программном документе сербского национального движения «Начертании» Илии Гарашанина Боснии и Герцеговине было уделено большое внимание. Все население Боснии в Белграде считали сербами. Сербский князь Михаил Обренович (1860—1868) стремился пробудить в боснийских мусульманах сознание «югославянского племенного родства» [7, 93].

С другой стороны, основатель хорватского национализма Анте Старчевич писал, что мухаммедане Боснии и Герцеговины с турецкой мусульманской породой не имеют ничего общего; они хорватской породы, они — самое древнее и самое исконное дворянство, какое только есть в Европе. Естественно, подобные взгляды отвергались представителями зарождавшегося национального движения бошняков-мусульман, лидерами которого были имевшие светское европейское образование представители интеллигенции. Для многих из них ориентиром в деле национального самоопределения был образ кемалистской Турции — но вовсе не халифатистский проект.

Однако у политиков в Вене были другие планы. Миролоуб Евтич, профессор факультета политических наук Белградского университета,

пишет о том, что боснийскую «социальную идентичность» начали создавать в Австро-Венгрии [8, 180] во время правления в Боснии и Герцеговине графа Каллаи после аннексии 1908 г. Последний отрицал национальную индивидуальность всех трех этнических общностей. В 1910 г. Боснии и Герцеговине была дарована конституция, которая во многом носила формальный характер, но все же была шагом на пути создания прообраза национальной государственности. Также были созданы герб, гимн и Сабор (парламент) бошняков. Утвердилась и официальная версия происхождения бошняков, согласно которой последние — это потомки богомилов, перешедших в ислам во время турецкого владычества. Каллаи видел национальное сообщество впрочем во всем населении тогдашней Боснии и Герцеговины — и хорватах, и сербах в том числе. «Боснийский проект» был инструментом противодействия сербским интересам на Балканах. Поскольку упоминавшееся выше «Начертание» Илии Гарашанина определяло Сербию как гегемона на Балканах, а Боснию — частью Сербии.

Однако эта попытка служившего венскому двору венгерского аристократа Каллаи, противоречившая набиравшему силу процессу национального самоопределения югославянских народов, закончилась неудачей. Все они предпочли национальное самоопределение сохранению в составе австрийской монархии. После распада державы Габсбургов в 1918 г. возобладали идеи югославянского единства, и все три народа объединились в составе Королевства сербов и хорватов (будущего Королевства Югославия).

В Первой Югославии боснийские земли оказались в составе нескольких бановин, принадлежащих как хорватам, так и сербам. Здесь говорить о политической субъектности босняков как социальной группы не приходилось, равно как и во время Второй мировой войны. Однако немцами была создана дивизия СС «Ханджар», в которую набирали боснийских мусульман: эта дивизия имела название «Первой хорватской» и, следовательно, не была выражением политической субъектности боснийцев. Одновременно состоялся феномен «мусульманского усташества» (наряду с собственно хорватским), о котором ярко и образно написал в своем романе «Время ножей» известный сербский писатель и политический деятель Вук Драшковиц. Весьма колоритен представленный в этом романе образ мусульманского усташа Атефа, ностальгирующего по довоенному Сараеву, но в итоге выбравшему путь антисербского террора.

Проект политической суверенизации Боснии под эгидой «Третьего рейха» потерпел неудачу. В 1941 г. был представлен проект исламских религиозных законов и конституции. Поскольку усташское государство не пользовалось широкой поддержкой босняков, часть нацио-

нальных деятелей мусульман в 1943 г. обратилась к германским властям с идеей о выделении Боснии и Герцеговины из состава НДХ и создания боснячко-мусульманской автономии под германским протекторатом. Это образование должно было бы иметь и свои собственные военные формирования. 20 января 1943 г. У. Хаджихасанович, М. Софтич и С. Салихагич направили Гитлеру меморандум с обоснованием этих идей. В нем они выражали разочарование тем, что Босния не осталась под управлением германской военной администрации, а вошла в состав НДХ. Значительная часть мусульман Боснии не проявляли особой симпатии к усташеской Хорватии и формировали на местах отряды территориальной самообороны, противостоявшие как хорватским усташам, так и формированиям сербских четников. Впоследствии эти отряды бошняков влились в ряды югославских партизан под командованием И.Б. Тито, приняв активное участие в освобождении страны и создании новой Югославии.

Новый этап в развитии боснийской идентичности начался после войны, с момента создания СФРЮ как союза югославянских народов.

Эволюция статуса боснийских мусульман была отныне неразрывно связана с эволюцией статуса республики Босния и Герцеговина, а эволюция республики связана с общей эволюцией федеративного устройства Югославии [9].

Конституция ФНРЮ 1946 г. провозгласила создание федеративной Югославии, состоящей из шести республик, одной из которых стала БиГ. Конституция была создана по образцу сталинской Конституции 1936 г., предполагала строгий этатизм и соответственно иллюзорный характер федеративности. Это вполне естественно для современной державы, родившейся из кровопролитной гражданской и освободительной войны. После политического разрыва с СССР в 1948 г. принципы государственного устройства стали меняться, что вылилось в принятие новой Конституции в 1963 г., которая предполагала большую федеративность, расширение прав республик. В свою очередь, в Конституции 1974 г. провозглашалось право народов Югославии на самоопределение, что вкупе с провозглашением принципа экономического «самоуправления» превращало СФРЮ в фактическую конфедерацию при формальном сохранении федеративных отношений.

В 1946 г. Босния и Герцеговина была провозглашена одной из шести союзных республик. Ее конституирующим элементом стали «мусульмане (муслимане)». Здесь необходимо сделать небольшое отступление: в югословенских языках национальность пишется с большой буквы, религиозная принадлежность — с маленькой. Таким образом, «мусульманин» как житель республики Босния и Герцеговина — это

не то же самое, что мусульманин как представитель Уммы. Нередки бывали казусы, когда человек писал в анкете «национальность — мусульманин», а вероисповедание — «атеист». Так или иначе, политика И.Б. Тито, нацеленная на уравнивание «сербского фактора» в рамках СФРЮ способствовала обособлению бошняков как этнической группы, осознанию ей своей «особости».

Однако являлись ли босняки нацией в титовской Югославии? Сообщество «бошняци» не обладало политической субъектностью — оно не было суверенным, не имело политических структур, представляющих свои интересы, своего государства, суверенного либо способного стать суверенным. В Конституции СФРЮ 1974 г. была формулировка о праве наций на самоопределение, но она не была достаточным основанием для суверенизации сообщества. БиГ в СФРЮ не имела своей конституции, только «конституционный закон», определявший ее отношения с федерацией.

Национализма как дискурсивной формации, определяющей политическую субъектность сообщества, в БиГ тоже не существовало. В республике наблюдалась известная напряженность в межнациональных отношениях, о которой написал в своей аналитической записке 1979 г. выпускник юридического факультета Сараевского университета Воислав Шешель — будущий видный сербский политик. Однако до «этнического взрыва» было еще далеко, и выстроенная И. Броз Тито политическая система временно сдерживала проявления национализма в союзных республиках.

Однако абсолютно неожиданно в начале 1990-х бошняцкая общность стала субъектом политики, создала свои партии и попыталась создать свое государство. Его лидер Алия Изетбегович, бывший дисидент и автор нашумевшей «Исламской декларации» 1970 г., последовательно отстаивал «государствообразующий статус» боснийского народа. Такие вещи не случаются внезапно. У этого процесса политизации этничности должны были быть предпосылки. В случае Боснии и Герцеговины они были созданы югославской властью в лице И.Б. Тито. К их числу относились конституционно-правовые механизмы и собственно само придание официального статуса сообществу.

Государство, созданное в Боснии и Герцеговине, по образцу СССР подчиненное федерации и не имеющее фактического суверенитета, обладало официальным статусом, который в тех идеологических рамках создавал предпосылки для реализации суверенизации республики. Модель идентичности, связанная с «особым статусом» сообщества славян-мусульман — уроженцев БиГ, стимулировала их устремления к политической субъектности и консолидации.

Таким образом, во-первых, была создана конституционно-правовая база для возможной сепарации, во-вторых, создана модель политического сообщества славян-мусульман, могущая обрести действительное политическое содержание в условиях системного кризиса единого югославского государства. После смерти И. Броз Тито в 1980 г. предпосылки для такого кризиса стали постепенно складываться.

Концу 1980-х ситуация в Югославии стала накаляться, экономический кризис усиливался, настроения в республиках приняли очевидно сепаратистский характер. На этот процесс оказало значительное влияние руководство Сербии. Сербская академия наук в 1985 г. выпустила меморандум, в котором актуализировался национальный вопрос на фоне системного кризиса, поразившего Югославию. Слободан Милошевич, ставший главой Сербии, сознательно поставил на массовые сербские националистические настроения. Этим он фактически разрушил фундамент югославянского единства, столь долго пестовавшегося «великим кормчим» Тито.

Босния была так называемой «Югославией в миниатюре». В ней проживало несколько этнических групп, в том числе уже осознающие себя в этническом отношении славяне-мусульмане. При этом мусульмане Боснии не были строгими мусульманами в смысле следования требованиям конфессии. Религиозные обряды исполняли только 37% бошняков, а 61% молодых мусульман ни разу не был в мечети [10, 23].

Процесс политизации бошняцкой идентичности востребовал фигуру сильного лидера. В 1989 г. из заключения досрочно вышел ведущий идеолог боснийских мусульман Алия Изетбегович. Он тут же после выхода начал формировать «Партию демократического действия», собранную из боснийских мусульман. В 1990 г. в новом издании вышла «Исламская декларация» — программный труд Изетбеговича, написанный в 1970 г., за который он получил от Тито тюремный срок. Этот труд обрисовывал положение мирового ислама на исходе эпохи Модерна и давал рецепты для преодоления кризиса ислама. Изетбегович полагал, что религиозной революции, переустройству жизни в исламских странах на основе шариата, должна предшествовать революция политическая. Подобная революция и стала делом жизни для бывшего югославского диссидента.

Партия Изетбеговича — Партия демократического действия («Странка демократске акције», СДА), была создана 26 мая 1990 г. в Сараево на учредительном съезде. Она была первой в Югославии, зарегистрированной после 45 лет однопартийной диктатуры Союза коммунистов Югославии. СДА определяла себя как «политический союз граждан Югославии, принадлежащие к мусульманскому культурному

кругу, также и других граждан Югославии, разделяющих программу и цели партии». Партия защищала «общий интерес», заключающийся в «сохранении единого государства Босния и Герцеговина мусульман, хорватов и бошняков». Председателем СДА был избран А. Изетбегович, остававшийся на посту октября 2001 г. На первых многопартийных выборах она получила 86 мест из 240 в Скупщине Боснии и Герцеговины. В Президиуме БиГ из семи человек трое были членами СДА. Появилась возможность для дальнейшей политизации требований боснийских мусульман.

Изетбегович, используя крайне гибкую политическую стратегию, придерживался концепции, выраженной в «Исламской декларации», умело камуфлируя ее с помощью общедемократической риторики. Стоявший во главе СДА сараевский адвокат не был изначальным противником югославянского единства. Еще во время судебного процесса в 1983 г. будущий лидер Боснии сказал в своем последнем слове, что «когда дело доходит до Югославии, могу сказать, что я любил ее, как страну, мне понравилось название Югославии, я любил ее контур на карте» [11, 162].

Тем не менее Партия демократического действия (СДА) создавалась как «объединение граждан Югославии, принадлежащих к мусульманскому культурно-историческому кругу» [12, 68]. Иными словами, она создана как партия мусульман Югославии, которая не вела изначальную сепаратистскую политику. Бошняцкая элита тогда поддерживала целостность Югославии, так как целостность республики позволяла защищать интересы всех мусульман Югославии [13, 112]. Духовный лидер боснийских и герцеговинских мусульман рейс-улем хаджи Якуб Селимовский несколько раз в течение 1990 г. заявлял, что высший жизненный интерес мусульман состоит в сохранении Югославии [14, 279]. Один из основателей СДА Маид Хаджиомерагич свою вышедшую в 1991 г. книгу посвятил «моему народу мусульманскому, моему народу босанскому, моему народу югословенскому». Один из основателей СДА Омер Бехмен заявлял: «прошу генералов Югославской народной армии совершить путч, чтобы спасти Югославию» [15, 38]. В свою очередь, Эюп Ганич, также один из лидеров СДА и член Представительства Боснии и Герцеговины, говорил: «Мусульманин максимально ответственен за Югославию. Мусульмане живут по всей Югославии. В Сербии есть мусульмане, в Санджаке. В Загребе мусульмане имеют грандиозный исламский центр» [16, 349]. Один из умеренных мусульманских деятелей Мухаммед Филиппович выделил три причины, по которым мусульманам нужна Югославия: «Во-первых, мы никогда не жили отдельно. Во-вторых, в случае отделения мы не сможем защитить исламское меньшинство в Сербии и Черног-

рии. В-третьих, в Югославии в рамках югославских институций мы вполне можем защищать свои интересы» [17, 11—12].

Таким образом, СДА в 1990—1991 г. занимала умеренную позицию, которая приводила к конфронтации с Хорватских демократическим сообществом (ХДС) — хорватской национальной партией в БиГ. Эта партия сознательно и твердо проводила политику, направленную на распад Югославии. Сербы же стремились сохранить Югославию, однако уже тогда Милошевич имел планы по созданию «малой Югославии — Великой Сербии». Катализатором разрастающегося конфликта стала встреча Ф. Туджмана, националистического лидера Хорватии, с С. Милошевичем в селе Караджорджево с целью «раздела Боснии», вызвавшая мощный политический резонанс.

Однако с начала 1991 г. СДА стала предпринимать постоянные попытки начать движение в сторону суверенитета. На третьей сессии Скупщины Союзной Республики Босния и Герцеговина представители СДА предложили в повестку дня Декларацию о суверенитете и неделимости Боснии и обсуждение конституционного закона о названии и государственных символах новообразованного государства. Представители Сербской демократической партии выступили резко против обсуждения этого вопроса. На четвертой сессии 27 февраля 1991 г. они повторно предложили Декларацию, в которой говорилось о «суверенной, единой и неделимой» Боснии и Герцеговины. Активисты СДА снова сбросили вопрос с повестки дня. На той же сессии Изетбегович сказал о том, что мусульманские лидеры стоят перед двумя альтернативами: «пожертвовать суверенную Боснию и Герцеговину ради мира или пожертвовать миром ради суверенной Боснии и Герцеговины». Один из лидеров СДА Хаджо Эфендич обосновывал необходимость суверенитета боснийского государства тем, что «мусульмане не имеют никакой другой родины в пределах Югославии». Депутат от СДА Алия Муминович обратился к правительству республики с просьбой принять закон о выдаче двойного гражданства жителям Санджака и Боснии, эмигрировавшим в Турцию. Тогдашний министр иностранных дел Боснии Харис Силайджич публично задавался вопросом — почему мусульмане в Санджаке не являются «государствообразующим» народом Сербии, а сербы в Боснии и Герцеговине требуют себе конститутивного статуса? Таким образом, постановкой «санджакского вопроса» мусульмане парировали аргументы сербов.

В середине 1991 г. ситуация накалилась до предела. Словения объявила о выходе из СФРЮ, а югославские войска, отправленные в Словению для «подавления сепаратистов», оказались малоэффективны, что сильно подорвало положительный имидж ЮНА как хранительни-

цы Югославии. Когда в июле 1991 г. в Хорватии начались боевые действия, руководство СДА должно было определиться. И лидер партии Алия Изетбегович изменил риторику.

Летом 1991 г. он заявил, что «наши мальчики» (югославские военнослужащие-мусульмане) не должны воевать на «чужой войне». 27 августа того же года министр обороны Боснии и Герцеговины Ерко Доко огласил решение правительства, согласно которому отныне новобранцы из Боснии не должны призываться за пределы республики и что контроль над призывом переходит в компетенцию властных органов Боснии и Герцеговины [18].

10 июня 1991 г. в Доме милиции в Сараеве состоялся съезд мусульман Югославии. Мероприятие было отмечено провозглашением Боснии в качестве «родины всех боснийских мусульман и Отечества всех югославских мусульман». Там же было создано «Вече национальной обороны мусульманского народа» с «Патриотической Лигой» как своим военным крылом.

12 июня Изетбегович встретился в Сплите с Туджманом и Милошевичем и заявил, что он не может рассматривать никакие варианты раздела Боснии и Герцеговины [19, 67].

В августе начались полномасштабные боевые действия в Хорватии, наиболее яростными были бои за город Вуковар. Алия Изетбегович стремился сохранить Боснию в состоянии нейтралитета. Выступая на телевидении Сараева 6 октября 1991 г., Изетбегович ясно заявил, что не желает видеть свою республику участвующей в гражданской войне.

Сессия Скупщины БиГ, начавшаяся 14 октября 1991 г., была очень горячей, на ней обсуждался проект Меморандума о суверенитете. Обсуждение затянулось до глубокой ночи, и ранним утром 15 октября депутаты от Сербского демократического содружества (СДС) вместе с членами других мелких партий в знак протеста демонстративно покинули Скупщину. Путь к «суверенной Боснии» был открыт.

1 марта 1992 г. в Боснии и Герцеговине состоялся референдум о суверенитете, который боснийские сербы бойкотировали. Из 60%, имевших право голоса и проголосовавших, 99,4% избирателей проголосовали за суверенитет Боснии и Герцеговины. Это сильно контрастирует с цифрами, полученными при анкетировании жителей Боснии в 1990 г., когда 69,3% населения поддерживали проект федеральной Югославии, а 30,7% — конфедеративный вариант ее развития, что подразумевало суверенитет БиГ и вероятный распад СФРЮ.

Подобный контраст ясно демонстрировал, насколько быстро менялось общественное мнение и развивались этнополитические процессы в разваливающейся Югославии.

Для начала гражданской войны нужен был повод, который вскоре появился. В день проведения референдума о суверенитете в Сараеве мусульмане убили серба Николу Гардовича, что спровоцировало вооруженное противостояние. В Сараеве появились баррикады, началась боснийская гражданская война.

Благодаря фактору войны конструировалась боснийская нация как политическое сообщество. Следует напомнить о том, что Изетбегович прибегал к помощи международных исламистов (добровольцев и наемников), благодаря чему демократически-антифашистская риторика в выступлениях лидеров СДА сочеталась с исламистской.

Официально светская армия Боснии и Герцеговины имела в своем составе ряд мусульманских, можджахеддинских воинских формирований. При этом изначально армия БиГ была основана на базе «Патриотической лиги» — военной структуры СДА и Веча мусульман Югославии. В боснийской войне активно участвовали и «санджаклии» — славяне-мусульмане с сербского берега Дрины, жители сербской провинции Рашка.

В целом во время войны политический процесс формирования нации прошел под сильным влиянием боевых действий и религиозного экстаза, что сопровождалось активной поддержкой мусульманской стороны «международным сообществом». В итоге в «постдейтоновской» Боснии бошняки стали политической нацией, консолидированной в связи с «угрозой сербского геноцида» (пусть и преувеличенной). Подтверждением известной прочности новообразованной боснийской нации является судьба мусульманского проюгославского деятеля Фикрета Абдича (Бобо), создавшего альтернативное боснийское правительство в подконтрольном ему районе Зеница и обратившегося за помощью к сербам. Это, однако, не принесло ему победы, ибо бошняки оказались в своей массе лояльны Изетбеговичу, их «защитнику от геноцида».

Безусловно, бошняки приобрели в результате предвоенного политического процесса и последовавшей за этим гражданской войны политическую субъектность. Подтверждением этому являются как единогласно поддержанная бошняками инициатива СДА о суверенитете БиГ, выраженная в единогласном голосовании на референдуме, так и сам факт формирования регулярной армии на основе партийной структуры. Мусульманско-бошняцкая идентичность получила свое политическое выражение и закрепление благодаря гражданской войне в Боснии.

Более сложным является вопрос о будущем бошняцкого государства.

При всех устремлениях США к унитарной БиГ, несмотря на провозглашение Изетбеговичем после войны «государствообразующего статуса» бошняков — весьма спорным является утверждение о том, что Босния и Герцеговина в действительности является национальным государством бошняков-мусульман. Для подобных сомнений есть серьезные основания.

Во-первых, страна и де-юре, и де-факто не является суверенной — ее Конституция обходится даже без указаний на «государствообразующий» элемент, на само «суверенное сообщество», принимающее конституцию — как это принято во всех мировых образцах. В Конституции БиГ, напротив, акцент делается на международно-правовые нормы и международное сообщество как источник генезиса боснийской государственности

Почти половину территории официально признанной Боснии и Герцеговины занимает политико-правовой субъект с конфедеративно-ассоциированным статусом государство Республика Сербская. Его существование фактически блокирует намерения бошняков объявить всю Боснию только своим национальным государством.

Босния и Герцеговина — конфедерация, и, как метко отметил Владислав Сотирович [20], бошняки по плану Кутильеро имели бы больше, чем имеют сейчас. И потеряли они эту возможность благодаря тому, что Изетбегович отозвал свою подпись под соглашением, подтверждавшим строительство БиГ по швейцарскому образцу в мае 1992 г. в Лиссабоне.

Даже не принимая во внимание существование Республики Сербской, бошняки вынуждены делить власть с хорватами в федерации Герцег-Босна. Отношения бошняков с хорватами также не отличаются безоблачностью, поэтому кроме поддержки Запада и «великодержавной» риторики мусульманских политиков, за тезисом о государствообразующем статусе бошняков в БиГ ничего не стоит.

Создателям бошняцкой нации не пришлось самим создавать государство — они просто опирались на государственную структуру Боснии и Герцеговины, унаследованную от титовской СФРЮ. При этом трансформировать БиГ в полноценно функционирующее государство им не удалось. Данная задача в принципе неразрешима без признания сербской и хорватской общин Боснии в качестве соучредителей государственности. Последнее неизбежно будет означать реализацию боснийского варианта модели «со-общественной демократии» [21] и отказ от интегристского по своему смыслу проекта Али Исетбеговича [22]. Однако это неизбежно вступает в конфликт с амбициями бошняцкой элиты и политическим мироощущением немалой части этноса бошняков.

Все вышеперечисленное превращает бошняков мусульман в самоопределившуюся нацию без устоявшегося национального государства. Бошняцкий национализм принципиально не завершен как проект и сохраняет определенную пассионарную энергию, что может грозить потрясениями и Боснии, и соседней Сербии (учитывая фактор Санджака). Политизация фактора этноконфессиональных различий, на основе которого и произошло обособление бошняков в отдельный этнос и нацию, сегодня принципиально не завершена.

Пример боснийского национализма — успешный пример формирования устойчивого политического сообщества-нации с помощью технологий войны и этнополитического раскола (разлома). Однако «боснийский прецедент» также является печальным свидетельством усиления роли глобальных политических акторов в формировании таких сообществ. Мусульманская религиозная идентичность оказалась заменой других видов идентичности, послуживших основой для формирования «классических» европейских наций — государственной и этнической (примордиальной) идентичностей. В то же время сам политический проект Изетбеговича по консолидации боснийской нации через войну скорее является постмодернистским симулякром, рассчитанным на поддержку мирового сообщества, действующего в соответствии с логикой «общества спектакля» (Ги Дебор) [23]. Собственно, сам проект «мусульманской Боснии» вписывается в логику археомодерна [24] (А. Дугин) как комплексного феномена.

Так или иначе, боснийский претендент политизации этничности и генезиса нации свидетельствует о крайне высокой роли политических лидеров в формировании политического сообщества-нации, находящейся в переходной политической ситуации. Это выдающийся пример постмодернового нациестроительства, поэтому крайне важно понимать механизмы политизации этничности, способные при определенных условиях возыметь эффект и в современной РФ.

Литература

1. *Ridel S.* Politisierung von Ethnizitaet in Transformationsgesellschaften // *WeltTrends*. 2003. No. 11.
2. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.
3. *Иорданский В.* Приоткрывшийся ящик Пандоры // *Обозреватель* — *Observer*. 1994. № 3—4.
4. *Романенко С.* Когда и как возникли босняки-мусульмане // *Родина*. 2001. № 3.
5. *На путях к Югославии: за и против*. М., 1997.

6. *Јевтић М.* Од Исламске декларације до верског рата у БиХ. Друго допуњено и измењено издање. Прњавор. 1995.
7. *Шемякин А.Л.* Радикално покретње у Србији. Зарођење, становљење, прве шаге (1875 — 1883). М., 1993.
8. *Јевтић М.* Улога религије у идентитету јужнословенских нација. Београд, 2008.
9. <http://www.pravda.rs/2012/10/29/svi-ustavi-moderne-srbije-1835%E2%80%902006/>.
10. *Sundhaussen H.* Од мита регије до «државе на силу»: метаморфозе у Босни и Херцеговини . Прилози, 38. Сарајево, 2009.
11. *Prguda A.* Сарајевски процес. Сарајево, 1990.
12. *Izetbegovic A.* Сјећања аутобиографски записи. Сарајево, 2001.
13. *Лућић И.* Босна и Херцеговина од првих избора до међународног признања. Загреб, 2008.
14. *Бојић М.* Историја Босне и Бошњака. Сарајево, 2001.
15. *Behmen O.* Тражио сам од генерала ЈНА да изврше војни удар да би се сачувала Југославија // Независне новине. Бања Лука, 1. рујна 2000.
16. *Ganić E.* Босанска отровна јабука. Сарајево, 1995.
17. *Filipović M.* Муслиманима је било боље у Југославији // Правда (Биељина). 2007. Број 5. 19 Фебруара.
18. *Ионов А.* Очерки војне историје конфликта у Југославији 1991—1995 // http://artofwar.ru/i/ionow_a_a/text_0010.shtml.
19. Подјела БиХ на кантоне // Кронологија рата. 1998.
20. *Сотирович В.* Швајцарија на Балкану // <http://www.novinar.de/2009/03/06/svajcarska-na-balkanu.html>.
21. *Лейнхарт А.* Многосоставне општества и демократичке режими // Полис. 1992. № 1—2.
22. *Izetbegovic A.* Исламска Декларација. Сарајево, 1990.
23. *Debord G.* La société du spectacle. Paris, 1967.
24. *Дугин А.Г.* Археомодерн. М., 2011.

V

**РЕЦЕНЗИИ И
ОТКЛИКИ**

Ю.М. ОСИПОВ

Парижские перипетии*

Аннотация. Противоречивые впечатления об ученой поездке в Париж к русскому мыслителю первой половины XX в. Н.А. Бердяеву, прожившему во Франции в изгнании 23 года (1925—1948) и много потрудившемуся там на ниве русского свободомыслия.

Ключевые слова: философия, мировоззрение, русская философия, Н.А. Бердяев, русские, русскость, Париж, Европа.

Abstract. Inconsistent impressions about a scientific trip to Paris to the Russian thinker of the first half of the XX century N.A. Berdyaev who has lived in France in exile (1925 — 1948) and much worked there in the Russian free-thinking.

Keywords: philosophy, outlook, Russian philosophy, N.A. Berdyaev, Russians, Paris, Europe.

Прелюдия

В июне 2011 г. в год 140-летия С.Н. Булгакова, мы (Центр общественных наук при МГУ, Академия философии хозяйства, Философско-экономическое ученое собрание) провели в Париже совместно со Свято-Сергиевским православным богословским институтом (где с 1925 по 1944 г. трудился профессором и деканом Булгаков, где он также жил и умер) научный симпозиум «Русская мысль в Париже: С.Н. Булгаков».

Мероприятие в целом удалось, может, не так в плане совместного глубокомыслия, как в аспекте знакомства сторон и свободного обмена мнениями, не исключая и современной философско-мировоззренческой рефлексии.

Сошедшиеся в непринужденной дискуссии стороны, как казалось, остались вполне удовлетворенными от состоявшегося события и вроде бы сошлись на возможности какого-то в будущем контакт-искрящего продолжения.

* Размышления по прошествии II Российско-французского симпозиума «Русская мысль в Париже: Н.А. Бердяев» (апрель 2013 г.).

Не скрою, что мы испытали при этом еще и удовлетворение от избранного нами в России размыслительного течения — философско-хозяйственного, метафизического, софийного.

Однако мы почувствовали тогда и кое-что другое: какую-то странную для нашего бодрого сознания «прошлость» Булгакова и его творческого вклада, даже, пожалуй, и отдаленность, если не отчужденность, для бытующего ныне русско-парижского ученого кругозора: да, был, много работал, много думал, много писал, причем по большей части *своего*, оригинального, непредвзятого; ставил перед собой, размыслительно пламеня, громадные и дерзкие задачи, пытался их, не без софийного бунтарства, *по-своему* разрешать; но... — при общем и безоговорочном признании исключительной мощи булгаковской личности, ее духа, сознания, интеллекта — не стал Булгаков... э-э... столь же общими и безоговорочным властителем дум и творческих устремлений христианизированного русско-парижского потомства, оставшись, в общем-то, мыслителем-одиначкой (почти одиначкой), пусть и глубоким, и масштабным, и пронизательным, но... и это главное... не «общезадаментным», не «общесистемным», не «общекруговоротным», а всего лишь талантливейшим возмутителем учений мирпокоя, дерзновенным бунтарем-одиначкой, таким ученым «разбойничком», пожалуй что, и яркой хвостатой кометой, опасно пролетевшей вдруг вблизи учений мира-покойничка... нет, нет... не позабытой вовсе кометой, даже и след кое-какой оставившей, вполне и болевой, но... все-таки исчезнувшей где-то в мрачных глубинах интеллект-мироздания, так и не превратившись в мемориальную интеллект-планету, плотно осевшую на громадном — прямо-таки планетариевского пошиба — академическом небосклоне.

Булгаков со своими непричесанными идеями оказался не нужен ни умной и точной-де науке; ни погрязшей в систематике и собственных противоречиях истинной-де философии; ни все уже вроде бы познавшему, объяснившему и все уже окончательно утвердившему традиционному богословию.

И кому сегодня не лень, тот и «несет» Булгакова: кто за антинаучность, кто за пара- и даже контрфилософичность, кто за противобогословский еретизм.

И выходит, что был Булгаков, о чем-то думал, что-то писал, что-то провозглашал, но... почему-то все более за пределами... э-э... *общепринятого*, вопреки ему и менее всего ему в дополнение, — и вот это то *общепринятое* (университетное, академическое, энциклопедическое) Булгакову и решительно теперь мстит: незамечанием, непризнанием, непониманием, критицизмом, иронизмом, насмешизмом, ибо... *нечего* этому общепринятому сказать что-нибудь существенно от себя *иное* —

на булгаковском же уровне, да еще и в булгаковских смысловых координатах, да еще и по-булгаковски сочно, емко, сложно, мало того, это *общепринятое* не только сегодня *есть*, но и повсюду доминирует, даже и торжествует, нависая угрюмым мемориальным бременем над умом, сознанием и духом основательно им покоренного и им же тотально заинформированного и накрепко запрограммированного ученого современника — уже не очень-то и способного глубоко, напряженно и самостоятельно мыслить, ибо трудно это, остановочно, затратно, да и... невозможно!

Пораженные неожиданным открытием и весьма им задетые, мы, учитывая, что не весь же русский Париж подзабыл Булгакова, стал к нему равнодушен и безразличен, его отрицает, укрепились во мнении, что путь наш совместный с русской метафизикой XX в. — что реальный, что обословленный тем же Булгаковым — путь все-таки верный, несущий не одни творческие мучения, но и кое-какие открытия, если не откровения, и что надо по пути этому продолжать идти, что мы и сделали, проведя в 2011 и 2012 гг. два примечательных размыслительных форума²³ и выпустив в свет два еще более примечательных коллективных труда²⁴, по итогам которых и решили вновь двинуться туда же — в Париж, к русско-парижской стороне, к еще тлеющему и мерцающему кое-какими теплыми огоньками русско-французскому метафизическому очагу, но на этот раз взяв за путеводную звездочку не Булгакова, а товарища его по парижскому сидению и свободомыслию — русского философа и писателя, как он сам себя называл, Николая Александровича Бердяева.

«Русская мысль в Париже: Н.А. Бердяев»

Да, мы решили повторить парижский опыт 2011 г., посчитав за лучшее обратиться теперь к личности и творчеству Н.А. Бердяева — тоже изгнанника из большевистской России (СССР) и тоже, как Булгаков, вынужденного русско-парижского сидельца-мыслителя.

Булгаков — Бердяев; Бердяев — Булгаков!

²³Международные научные конференции: «Философско-хозяйственное осмысление современной экономической реальности» (МГУ, июнь 2011 г.) и «Философско-хозяйственная мысль: София, софийность и софиология» (МГУ, июнь 2012 г.).

²⁴Монографии: «Ренессанс философии хозяйства» (МГУ, 2011) и «София: столетие русской философии хозяйства» (МГУ, 2012).

Два взаимосвязанных хотя вовсе и не одинаковых, размыслительных имени — что в до-, пред-, и в по-революционной России, что в русском эмигрантском подворье Парижа.

Расчет наш был вроде бы верный, что вовсе не значит, что правильный, ибо пути господни, как известно, не исповедимы, а уж человеческие-то совсем человеку не подвластны!

С чем, с каким замыслом и с какой надеждой мы двинулись в Париж?

Да, очень хотелось пообсуждать пути русского свободомыслия на примере Бердяева, но при этом и в неприменном отношении к современности — что реальной, что лишь нами, вполне и по-русски, трактуемой. В общем: Бердяев и Бердяев; Бердяев и русская мировоззренческая мысль; Бердяев и современность; русская мировоззренческая мысль — вчера, сегодня, завтра; творческая потенция: от Бердяева к нам, от нас к другим, от других к нам, а в итоге — в размыслительную высь.

Так нам хотелось, так представлялось, так мерещилось!

Отсюда и мысли — на экспорт, прямо туда — во Францию, в Париж, в русское лоно Парижа, в русско-русский диалог, в русско-парижскую дискуссию, в русско-российский ученый мир.

Какие же мысли? Не отвечая за всех, приведу свои — кровные, так сказать, дорогие и выстраданные.

Цитирую самого себя (не по памяти, а по предварительным ориентирным наброскам):

«Мы здесь (в Париже, в русском Париже) ради русской мировоззренческой мысли, русской философии новейшего времени, начавшей определенно складываться на рубеже XIX—XX вв. Бердяев, как и Булгаков — олицетворение этой мысли, этой русской философии, а для нас — русской софийной философии».

«Почему мы здесь? Потому что *здесь* были и есть до сих пор Бердяев, Булгаков, И. Ильин (хоть и не в Париже), Струве, Флоровский, Зеньковский, Скобцова и другие русские мыслители, так или иначе бывшие участниками русского межвоенного и даже послевоенного свободомыслия, пусть и богословского, религиозного, православного, но все-таки *русского*: из России, о России, для России, ради России, хотя и о мире, для мира и ради мира тоже. Однако это не все, может, и не главное, ибо мы *здесь* еще и потому, что там — в России, в Москве, в том же МГУ, мы, двигаясь размыслительно вполне самостоятельно, хотя и в союзе с предшественниками, пришли примерно к той же философско-мировоззренческой матрице, что и наши отечественно-зарубежные предвестники, к той самой матрице, которую мы и называем ныне *русской софийной философией*. Мы *здесь*, чтобы сойтись на

общей основе, не соединяясь при этом в единое движение, ни в совокупную общину, а попросту, почувствовав друг друга, сверить наши размыслительные часы и обогатить себя новой творческой энергией».

«Русская мысль, разумеется, давнего происхождения, но вывариваться во что-то самостоятельное и особенное она стала уже к концу Нового времени, что совпало с кризисом как Европы, так и Российской империи, с приходом Мировой войны и Мировой революции, с крахом российской государственности, торжеством большевизма и гонениями на Православную церковь, как и на саму русскую мысль, отчего мысль эта — русская мысль — понесла в себе мощнейший эсхатологический заряд, став при этом в той или иной степени софийной, хотя так себя особенно и не называвшей».

«Нам тоже довелось испытать кое-что из эсхато-катастрофического в самой что ни на есть новейшей истории родного отечества — и тоже обратиться к Софии, и тоже стать, пусть и не всегда осознанно, софийными мыслителями, о чем и свидетельствует привезенная нами из России наша литература. Мы стали софианцами не потому, что прочли Соловьева, Флоренского, Булгакова или Бердяева, а потому, что по-особому увидели текущую и историческую реальность, хотя и не на рубеже XIX—XX вв., а на рубеже XX—XXI вв., но увидели вполне корреспондентно с нашими предшественниками-предвестниками».

«Мы здесь не для того, чтобы разбирать по косточкам Бердяева, обильно цитировать его, восхищаться его откровениями и пророчествами, отмечать ошибки и недочеты. Мы здесь не как историки Бердяева, не как аналитики его творчества, а как его союзники, сопереживатели, сомыслители, — и нам особенно важно в связи с этим не то, что Бердяев конкретно сказал, а то, что он думал, точнее бы — что заставило его думать так, как он думал, т. е. нам важны концептология и концептогенетика Бердяева, его размыслительно-концептуальная мастерская, разумеется, со всем ее творческим продуктом».

«Бердяев современен, он исключительно актуален, причем не так даже выраженными в слове мыслями, как своей проникновенной философией. А ведь это самая настоящая метафизика, причем, смею утверждать, уже постнаучная метафизика, или, что то же самое — софийная метафизика. Мы не бердяевцы, не бердяеведы и даже не бердяевчанцы, мы сами по себе, но мы вполне солидарны с Бердяевым, конечно же, не во всех частностях, а в главном, в основном, в фундаментальном. Та же бердяевская философия истории (см. «Смысл истории» Бердяева) мне исключительно близка, но не так, быть может, в ее

конкретных выкладках, как в самой *бердяевской философии философии истории*, что особенно важно».

«Я лично стою за русскость как метафизическое начало-субстанцию, имеющее, или имеющую, свою особенность и свою историю. Это начало и эта субстанция пронизаны не только Духом вообще, но и специфическим Русским Духом, постоянно и упорно ищущим самовыражения, в том числе и в текстах, а с середины XIX в. — в текстах собственно философских. Становление русской философии было насильственно прервано — как раз нероссийской в России Революцией, — и философия русская ушла (была изгнана) в своем явном виде за границу, тесно сочетавшись с христианско-православной мыслью, даже и с богословием».

«Русская философия, как я ее понимаю, не только не научная философия, но вовсе не обязательно и религиозная философия. Вообще, на мой взгляд, это даже не синтез науки, философии и религии, а попросту целостная философская мысль, не пренебрегающая ни наукой, ни религией, ни философией, но как бы уходящая в самостояние и самостоятельность, вовсе при этом не изоляционные, при которых это ни наука, ни религия и даже не философия в ее привычном системно-логическом, даже и диалектическом, понимании. Это особое знание-размышление, имеющее сегодня великий шанс возрождения и творческого продолжения. И найденный Бердяевым, хотя и не отшлифованный по-европейски, философско-мировоззренческий и одновременно концептуально-методологический кристалл, что называется, тут как тут — было бы желание и умение через него смотреть, что-то различать и находить, непременно при этом и как-то понимать!».

«Мы *здесь*, короче, не ради только Николая Александровича Бердяева, хотя он этого более чем заслуживает, а ради всей русской философии, да еще и в современной ее интерпретации, той самой философии, становление которой вынужденно затянулось, но у которой есть шанс не только тихо и вкрадчиво продолжиться, но и восстать во весь рост, хотя этого очень почему-то не хочет объемлющий русскую философию, ее отрицающий, теснящий, ограничивающий, давящий, если не презирающий, глобализированный контекст».

Таковы были ориентирные тезисы, с которыми ваш покорный слуга явился в Париж на симпозиум, посвященный Н.А. Бердяеву, разумеется, в надежде, что разговор пойдет по болевым точкам поднимаемой симпозиумом проблематики: русская философия там (в России) и здесь (во Франции); Бердяев и иже с ним здесь (во Франции) и там (в России); русский творческий дух — там и здесь; философия русского духа — здесь и там. В общем, надежды, надежды, надежды, как оказалось, быстро перелившиеся в иллюзии, а потом и в отвратительнейшее

чувство щемящей досады: опять... *они* — нежелание, непонимание, неприятие, отвержение!

Опять озадачивающие от неведения вопросы и омрачающие из-за нарочитого негативизма утверждения: «А есть ли она — русскость? А что это значит? Русской философии нет и, видно, быть не может! Русское миссионерство (хотя об этом и речи у докладчика не было) — не более чем миф, если не выдумка, тешащая какого-нибудь А. Проханова, но никак не реальность. Кризис той же Европы — явное преувеличение и ненужный алармизм». Да ладно бы, если бы от каких-то слушателей, случайно забредших в помещение симпозиума, а то ведь от его непосредственных участников, от официальных лиц, от самих «думающих» россиян с философскими степенями.

Симпозиум, увы, не стал никаким симпозиумом, ибо с русско-французской стороны в наличии оказался один только председательствующий (замечательный о. Николай Ч., умница, благородный человек и добрый пастырь, спасший своим присутствием и участием откуда-то вдруг свалившееся на русско-парижскую голову «мероприятие»), не оказалось от парижан ни одного докладчика, а в зале оказались от тех же парижан всего два слушателя, — а потому это был не симпозиум, а попросту со стороны прибывших в Париж россиян «междусобойчик», разумеется, с активным участием самоотверженного о. Николая.

Да, кое-какой разговор о Н.А. Бердяеве и его творчестве в помещении симпозиума состоялся, но в основном далекий от бердяевского размыслительного пламенения, хотя и к Бердяеву вполне уважительный и в целом ему корреспондентный.

Но сейчас и здесь не об этом, а о другом: о надеждах, иллюзиях и досадах, отчего и оскоминно, и грустно, и смешно!

Доколе же?

Доколе же образованным русским людям (во всяком случае, кажущимся таковыми) разъяснить, что есть она — *Россия*; что все еще обитают в ней *русские* — как по крови, так и по призванию; что есть русское историческое начало, она же и русская духовная субстанция, называемые *русскостью*; что метафизика русскости, русского мира и самой России не просто прикрыта, а и неуловима, ибо очень уж трансцендентна; что для русскости всего более органична *иномирность*; что русский, будучи в этом мире и даже временами в согласии с ним, все-таки им до конца не удовлетворяется, стремясь к *иному миру*; что *сей*

мир — при всем его признании русским человеком — как бы не *его* мир, он ему особенно и не дорог, в особенности неприродный, искусственный, слишком уж прочеловеческий; что и сам человек русскому человеку тоже не особенно дорог; что русский презирает этот смертный мир и саму смерть; что русскость причудливо сочетается с нерусскостью и антирусскостью, причем русскость, сохраняясь в истории, не очень-то берет вверх над нерусскостью в текущем времени; что изначальная и продолжающаяся русскость вовсе не доминирует в русском пространстве; что русскость очень древнего происхождения и вовсе не определяется только православностью; что в решающие критические моменты русскость спасается... только русскостью; что русскость ни хороша, ни плоха, точнее — она хороша и плоха, но прежде всего она — *русскость*; что определить русскость ни на обыденном, ни на академическом языке невозможно, ибо русскость — *ничто*, зато и лишь само переходящее, когда надобно, в *нечто*; что русскость — тайна из тайн, не подлежащая никакому достоверному раскрытию; что имманентная миссия русскости — самосохраняться, а трансцендентная... *кто ж знает?*

Допустим, что все это опять же сложно, заумно, мифологично (русскость... э-э... ничто? — ничего себе!). Но ведь есть же история Руси-России, обильная фактами, событиями, процессами, как и срывами, перерывами, катастрофами, не говоря о деяниях, свершениях, достижениях, как и о войнах, восстаниях, преступлениях, да мало ли еще чем вообще полна отечественная история — теми же самодержавием с крепостничеством, прекрасно иллюстрирующая как наличие в бытии необъяснимой русскости, так и ее — этой русскости — необъяснимое выживание-существование.

Разве не так? Так почему же не замечать русскости, ее зримого и незримого присутствия в *этом* мире, как и ее связи с *иномирьем*, ее *неотмирности* — как изначальной и текущей, так и конечной? Взять хотя бы всю русскую литературу — от, допустим, древнего Илариона до нынешнего В. Распутина — это что, разве не русское слово, не русский дух, не русскость ли? А сам русский язык, — о-очень, кстати, древний, — он-то разве не о том же — все о той же русскости?

Русская философия. Да, в платоновско-аристотилевском или же в гегелевско-кантианском смыслах, замесах и образах таковой философии, быть может, и нет, как нет подобной философии в Китае или Индии. Но это вовсе не значит, что нет русской философии — этого своеобразного размышления о сущем, сокрытом, неопределенном, неуловимом. У тех же Гегеля с Кантом все-таки более научная философия, чем собственно философическая, а у нас — у русских — мало того, что куда более философическая, но и еще более, так сказать, языковая,

обращенная к обычному языку — что обыденному, что литературному, но менее всего к академическому, специальному, так сказать, медико-инженерному, если не птичьему. У русской философии — обычный русский язык, пусть и обогащенный изрядно специфической и обособленной от языкового контекста терминологией, но к ней вовсе не сводящийся. Я, к примеру, не будучи профессиональным философом, предпочитаю не специфический философизм, тем более не немецкого образца, а вполне литературный, в связи с чем, кроме русской, мне близка, к примеру, та же французская философия, как раз более склонная к «литературности».

Русская философия — философия русских, русского сознания, русского духа. Кто из тех же литераторов у нас не философ? Да что литераторов, в России каждый мужик, как показали те же В. Шукшин, В. Белов, В. Астафьев, В. Распутин, философ. А в русских преданиях, сказках, пословицах, поговорках, былинах разве мало философии — русской философии, причем вовсе не только собственно православной, но и доправославной, как и философии, параллельной христианской идеологии? Русскость восходит к дохристианскому времени, она существует и рядом с православием, хотя в православные времена тесно с православием переплетается. Русский православный человек — все-таки не православный грек и не православный эфиоп, он — русский православный, а не просто православный русский. Русскость как таковая старше, сложнее («матрешка»), прозрачнее и загадочнее общедоступной православности, идущей от единого учения, общего распорядка, четкой обрядовости. Отсюда и особенность русской философии, которая не явна, не строга, не отчетлива. Но все это «беспорядье» вовсе не мешает ей быть философией — философией русских людей, *русской философией*.

Благодать, а не закон; соборность, а не эгоцентризм; домостроительство (хозяйство), а не частная выгода (экономика); община, а не разобщенность; служение общему делу, а не труд на себя; аскеза, а не обогащение; стремление к небесному иному, а не земное благоустройство; всеединство, а не партикулярность; «евразийство», а не евроцентризм; космизм, а не территориализм; отзывчивость, а не изоляционизм; сожитие (общежитие), а не исключительность; софийность, а не логосность; иррациональность, а не рацию; переживание, а не польза, испытание, а не выгода; покаяние, а не успех.

Это все установки русскости, отраженные так или иначе в русском философствующем сознании. Эти установки можно перечислять и пе-

речислять. В итоге русская философия все-таки не западная философия, как и не восточная. Это философия человека, восходящего к невыявленному грядущему началу и захваченного роковой необъяснимой субстанцией — русскостью, от чего элита российская все время пытается освободиться, но чего у нее никак не получается. Русскость — не благоденствие, а переживание, не переживание, а страда, не страда, а страх, не страх, а... беда! Оттого у русских не виктория, а победа — по-беда, то бишь после-бедие!

Философическая мысль, скажут нам, — не собственно философия, а ежели и философия, то неявная, расплывшаяся, нестройная, неоформленная, текучая, спорадическая, в общем — никакая! Это верно, но и не верно тоже, ибо русская философия — в ее университетском понимании — еще только складывается, как раз с рубежа XIX—XX вв., пережив и преднамеренный срыв, и заслуженное гонение, как и почти полное в университетских кругах забвение, а теперь вот переживает и вполне умное отрицание. Так, довесочек кое-какой к настоящей-де философии — греко-европейской, не заслуживающий ни самости, ни самооценности, ни пристального внимания. Ежели что и есть в этом довеске весомого, то все или почти все либо уже ранее было сказано, — за пределами России, либо не слишком удачно заимствовано из-за тех же пределов.

Да, философия в европейском образовательно-просвещенческом понимании этого слова стала формироваться в России не ранее чем с конца XIX в. В. Соловьев — первый, так сказать — полноценный и самостоятельный, вполне и академический русский философ. Далее целая «золотая плеяда» его «заместников», среди которых, безусловно, и превосходный Н.А. Бердяев. Чудо! Расцвет русской философии, русского смысловедения, русского свободомыслия! Этакий внезапный русский размыслительный «пароксизм»!

Условно говоря, уже не надо непременно и обязательно читать зарубежников ради «поиска истины» — теперь есть и *своя* философия, отвечающая на многие вопросы бытия, причем бытия не чужого, а *своего* — русско-российского. И это, как ни прискорбно, вовсе не означает обращения недавних и нынешних отечественных поколений к отечественной же философии, ибо авторитет зарубежной мысли был и остается в России до сих пор силен, хоть уже и не незыблем, но все-таки силен, — и уважение к «ихней» мысли успешно всегда сочеталось и до сих пор сочетается в России с необъяснимым, — в духе и самой русскости! — неуважением к мысли *своей*, так сказать — почвенной.

И ничто тут не помогает, никакое чтение Соловьева, Достоевского, Толстого, Булгакова, Бердяева, Флоренского, В. Ильина, Г. Федотова,

С. и Е. Трубецких, Шпета, Лосева, Шестова, да и того же М. Булгакова, кого еще... С. Аверинцева, Ю. Бородая, А. Панарина, Е. Головина, В. Бибикина, Ф. Гиренка... кого еще?... Все тут бесполезно! Многие из образованных «русских», если не подавляющее большинство, русскую философию, как и русскую философию хозяйства, русскую историософию, русскую антропологию, русское обществоведение, русскую космологию, русское домостроительство и т. д. не признают и признавать, видно, никогда не будут, ибо, не довольствуясь ни исторической, ни текущей русскостью, ищут выхода во внешней и внутренней нерусскости, всего более их почему-то и устраивающей.

Что ж, так тому и быть, русскость со своей *недо*-идеологией, выраженной и в русской *недо*-философии, терпелива, а потому, обогащаясь не только от себя, но и от контекста, в том числе и враждебного, продолжает свой исторический ход — отрицаемая, ограничиваемая, давямая, искажаемая, гонимая, но при этом и волевая, упрямая, стойкая!

Миссия ли русскость? Не обязательно постоянно и назойливо твердить о каком-то миссионерстве русского человека, но кое-чего все-таки нельзя не учитывать. Миссия это или нет, но ведь пришлось же русскости выдержать на своих плечах сразу после ига хазарского варяжское иго, смешанное с византийским, потом татаро-монгольское, затем имперское — евро-немецкое, потом интер-большевистское вкупе с имперо-советским, а теперь вот выдерживать глобалическое (финансово-капитало-экономическое), как и вынести самодержавие с крепостничеством, и церковь, вовсе не такую уж добродетельную, и саму по себе империю, вовсе не бывшую озабоченной процветанием русскости и ее народа, как и от врагов всяких и неизбывных приходилось и приходится отбиваться, ходить с войной и в Европу, всегда зарившуюся на славяно-русо-российские земли, богатства и просторы, кончать то с Наполеоном, то с Гитлером, а потом еще атомную бомбу делать, чтобы не оказаться вновь под Западом, да и в космос прорываться, реализуя идеи Н. Федорова, Э. Циолковского, В. Вернадского, осваивая *иное*. Миссия это или нет? Причем трудническая, страдательная, кровососная. Да, Россия никому вроде бы не пример, но к России тем не менее тянутся, ее зовут, на нее почему-то надеются. В России ведь сидит и раз за разом дает о себе знать какая-то вселенская альтернатива — и Западу, и Востоку, и тому же Югу. Миссия? А ведь от России и *слово* в мир идет, причем слово и *новое*, хотя куда бы исторической неудачнице стремиться, кого учить? А ведь идет слово и что-то всему миру говорит! А может, и не слово вовсе, а бессловесный факт

— какого-то иного для мира бытия. Сама София почему-то из России льется, ничего не говоря, но все освещая нераскрытым смыслом своим. Так миссия это или нет? Да, конечно, скорее рок, судьба, предопределение, как и большая историческая незадача вкупе с большой гирляндой, неудач, но... где Бонапарт, где Гитлер, где В.И. Ленин с Л. Троцким, где и сам товарищ Сталин, не слишком-то русскость, мягко говоря, любившие, а русскость... она-то здесь, в текущей истории, еще и в перспективе. Несуразная, немая, глупая, невыраженная... а... все-таки *здесь!*

Что ж, не удалось нам в Париже поддержать хорошенько русскость да возвысить русскую философскую мысль, поддержав и возвысив их верного слугу, адепта и актора Николая Александровича Бердяева, хоть и удалось в который раз убедиться в непонимании и неприятии оных, в бытующем к ним равнодушии, мало того, невольно и вопросом коварным задаться: «А кто ж он такой, этот Бердяев, ежели он всего навсего не более реальный русский чем *пророк?*».

Европа

О закате нововременской Европы, а вместе с ней Франции и Парижа, речь давно идет, прямо с рубежа XIX—XX вв. И не случайно! Две жуткие общеевропейские, ставшие мировыми, войны, всяческие кризисы и попытки новых революций, крушения евроимперий, еврофашизм, постмодерновый переворот, покончивший с ренессансно-просвещенческим идейно-духовным наследием. Но и небывалый экономико-технический взлет (при поддержке победительных США).

Теперь всеобщее в Европе раздвоение: на Европу классическую, старую, нововременскую, модерновую (в остатке) и Европу постклассическую, новую, новейшего времени, постмодерновую; на Европу еще национальную (уходящую) и на Европу объединенную (нарастающую); на Европу европейскую, почвенную, коренную, (остаточную) и Европу неевропейскую, пришлую, «варварскую» (наплывающую).

Войны спасительной нет, а есть коварный для Европы мир. Толерантность европейская вполне гибельна. Не-Европа неотступно надвигается, поглощая Европу. Теперь уже не Европа ассимилирует приходящую не-Европу, а не-Европа ассимилирует Европу. Поздно уже или еще не поздно развернуть Европу к собственному бытию, это покажет история, но очень похоже, что поздно, хотя многие еврогенные судороги еще возможны. Нынешний кризис ЕС — отрицательная вроде бы судорога, а последует ли за ней положительная — вопрос. В общем, Европе надо самой прощаться с Европой, сработать на опережение не-Европы, и чем быстрее, тем лучше, но этого никто в Европе сильно не хочет, а потому мягкое процветательное гниение, видно, перспектив-

нее грубой оздоровительной встряски, но слово тем не менее за будущим, которого, кажется, уже нет, но которое все-таки еще может случиться.

Париж

Бойкий, турбулентный, вертепный! От чего-то живо бегущий и к чему-то упорно спешащий. Коловоротный — как по горизонтали, так и по вертикали, вверх и вниз, в высь и в глубь, с выбросами и с поглощениями. Настырный, амбициозный, агрессивный. Нервный! Тонущий, исчезающий, гибнущий. Город-утопленник! Город-удавленник! Город-самоубийца! Живой контекст в Париже сильнее его каменной громады, но никак не сильнее медленно-ускоренной смерти. Сдача! Слишком, слишком, слишком!.. Вавилон, Рим, Византий, Багдад, Стамбул... Нет, Париж никуда не «деется», он здесь и сейчас, но он уже не стоит, не работает, не живет; он повально мигрирует, кувыркается, с трудом перебивается. Большой, сумасшедший, безумный! Сколько ему еще? Наверное, и немало, — и от того совсем уж жутко! Темп превращения в ужасное *ничто* сильнее упругости сопротивления приемлемого для жизни *ничто*. И так до уже полной невозможности!

Русские в Париже

Полный Парижу адекват! Броуновцы, квантовцы, стахановцы. Всюду и нигде, всегда и никогда, наяву и в нави. Являются, исчезают, снова являются, опять исчезают. Чес! Все успевают и ничего не упускают, лишь опуская себя и вздыбливая себе подобных. Русский выверенный хаос! Не надейся на них, не жди, не упорствуй! Ничего не дадут, но зато все возьмут. Не подмога, но зато бремя-то какое! Стоны Парижа сливаются с русскими возгласами, а русские выкрики лишь разнообразят какофонию Парижа. Всеединство! Париж не успевает за русскими, зато русские всюю и всегда опережают Париж. Поиметь Париж и не умереть! Чес!

Женщины Парижа

Они-то как раз в своей стихии: бегут, не жалея ног, глазеют, выпучив глаза, снова бегут, что-то покупают, опять глазеют, снова что-то приобретают и... все еще перед собой глаза... падают с ног — в ночь, чтобы на утро, выпив наскоро кофе с круассаном, опять кинуться в добровольный марафон — длинный, глазастый, счастливый! Чемоданы, коробки, пакеты. Все красиво, модно, добротное, еще и *bon marché* (недорого). Париж стоит не мессы, а марафона — улицы, дворцы, му-

зеи, выставки, памятники и... о-о!.. вещи, много вещей, разных вещей! Чес! Что касается женщин-жен, то они лучше своих оторопелых мужей знают, что, зачем и когда делать, куда идти, к чему стремиться, чем наслаждаться. И командуют, командуют, командуют, направляя своих застрахованных от всякой попытки побыть самостоятельными онемевших мужей. Чес!

Финал

Самый, знаете ли, обыкновенный: разочарование, усталость, досада! Зачем ездили, чего добились, что получили? А-а, ворох впечатлений... да... этих-то всегда предостаточно — разных! Ну и кое-каких откровений тоже, которых просто так не получишь, сидя в кабинетах и кропя никому не нужные текстишки, а лишь только проехавшись — по Европе, по Франции, пробежавшись живо по Парижу, по Лондону, по Риму, ибо в кабинетах всего лишь творческая резервация, а там... совершенно нетворческая, но крайне живая и откровенная... бесовщина, называемая почему-то передовой цивилизацией.

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Государь*

Аннотация. Драма России в деградации элит. Единственная цель и обязанность лидера нации: сбережение морального потенциала элиты и наказания оступившихся ее представителей.

Ключевые слова: отказ от коммунизма, моральная деградация, новые феодалы, рецепт исторического успеха.

Abstract. Russian drama is elite degradation. The only goal and duty of national leader: elite moral potential keeping and punish guilty elite representatives.

Keywords: communism rejection, moral degradation, new lords, recipe of historic success.

У корабля должен быть компас, у человека — цель. А есть ли цель у народа, у нации? Определение цели возможно лишь после ее ясного осознания. Определение цели нации, четкое и логичное, лишь форма понимания — кто мы и куда идем.

* По следам дискуссии на научном симпозиуме «Неувядаемое учение» (к 500-летию создания проникательным и мудрым Николо Макьявелли бесстрашного и бессмертного произведения «Государь») (МГУ, 12 марта 2013 г.).

Тысячелетняя драма России дает ясный ответ на этот вопрос.

1 этап. Киевская Русь. Ее разгром ордами Темучина был подготовлен кровавыми распрями князей. Описывая деяния Владимира Мономаха, Костомаров отмечает: «Живя в обществе, едва выходящем из самого варварского состояния, вращаясь в такой среде, где всякий гонялся за узкими своекорыстными целями, еще почти не понимая святости права и договора, один Мономах держал знамя общей для всех правды и собирал под него силы Русской земли» [1, 43].

2 этап. Московское царство. Характеризуя деятельность его основателя — Ивана III, Костомаров отмечает, что при таких порядках мог господствовать бессмысленный рабский страх перед силою, а не сознательное уважение к законной власти. Он создал государство, но без задатков самоулучшения, без способов и твердого стремления к прочному народному благосостоянию [1, 181].

Апофеозом разложения морали властной элиты стало царствование Ивана Грозного. Сам царь являл пример для злодейств. Он лично убил престарелого конюшенного, насмерть забил собственного сына.

Грозный был женат 8 раз, его вторая жена была заточена в Кремль, четвертая пострижена в монахини, пятая утоплена, шестая пострижена в монахини, седьмая убита мужем, и только восьмая жена пережила царя.

Пролитые моря крови сделали свое дело, и когда на Русь двинулись войска Батория, русские сдавались и переходили на службу полякам. Только героическое сопротивление осажденного Пскова спасло страну от порабощения. Война показала всю зыбкость государственного устройства Московии, и последовавшее через 24 года Смутное время привело в действие приговор истории.

3 этап. Российская империя. Героический вырыв Петра Первого дал удивительные результаты, но государство продолжало играть роль оккупанта собственной страны. Реформы модернизировали национальное хозяйство и... подорвали морально-нравственный потенциал народа.

Элита деградировала, по данным переписи 1872 г., самым преступным сословием империи были дворяне. Кульминацией морального разложения стала дискредитация Распутиным царской семьи и Первая мировая война.

В то время как миллионы русских солдат умирали на фронте, деньги, выделенные на вооружение армии, разворовывались, самым быстрым и легким способом обогащения стали военные поставки.

Подобно захватившим Русь варягам, царское правительство рас-плачивалось живым товаром. В 1915 г. французский сенатор Думер предложил Николаю II отправить во Францию 400 тыс. солдат в обмен на винтовки. Возмутившемуся этим циничным предложением начальнику штаба главнокомандующего Алексееву император объяснил, что нужно идти на уступки союзникам. Возможно, уже тогда генерал понял, что Россия и царь Николай не одно и то же...

4 этап. Страна Советов. Воровство, взяточничество, бюрократизация общественной жизни подгачивали империю изнутри, надвигающаяся катастрофа ощущалась всеми слоями общества. В качестве выхода был воспринят марксизм, обещавший реализацию христианских ценностей без участия церкви.

Вера объявлялась опиумом, священники врагами, церкви взрывались. Борьба с православием фактически отменяла само понятие «русский человек», на смену пришел безликий полужверь, полураб²⁵. Поражение веры в годы революционного недуга неслучайно. Православие в стране было преимущественно внешним, обрядовым, во многом подавляемым и принижаемым властной элитой, видевшей в церкви конкурента и ограничителя самодержавного строя.

Однако создать всеобщее братство без Христа оказалось невозможным, чтобы удержать власть большевики были вынуждены отказаться от военного коммунизма и перейти к новой экономической политике. Ленинская идея о возможности построения коммунистического общества в стране с низким уровнем развития производительных сил и массовой деморализацией населения потерпела крах. Последующее развитие было иногда организованным, чаще стихийным отходом от большевистской утопии.

5 этап. Сталинизм. Особая роль в фактическом отказе от коммунизма принадлежит Сталину, методично и безжалостно уничтожившему ленинскую гвардию разрушителей, возродившему имперскую традицию России. Место пламенных революционеров-сатанистов за-

²⁵ § 3. За бывшими владельцами (мужьями) сохраняется право в неочередное пользование своей женой. Примечание: В случае противодействия бывшего мужа в проведении сего декрета в жизнь, он лишается права предоставляемого ему настоящей статьей.

§ 4. Все женщины, которые подходят под настоящей декрет, изымаются из частного постоянного владения и объявляются достоянием всего трудового народа.

§ 5. Распределение заведывания отчужденных женщин предоставляется Сов. Раб. Солд. и Крест. Депутатовъ Губернскому, Уезднымъ и Сельскимъ по принадлежности (из декрета Саратовского Губернского Совета Народных Комиссаров об отмене частного владения женщинами [2]).

нял военизированный орден бюрократов, сохранивший от своих незадачливых предшественников красное знамя (щедро пропитанное народной кровью) и коммунистическое именование.

Убегая от самодержавия и рынка, некоммунисты создали громоздкую машину бюрократического капитализма, институт пожизненного правления генерального секретаря, полуфеодалную иерархию партийных функционеров. Традиционные формы организации России продемонстрировали удивительную устойчивость, хотя и в новом облике.

Рынок исподволь подтачивал могущество диктатуры, в середине 1980-х гг. наиболее информированные представители элиты осознали, что Советский Союз обречен. Решение было простое и циничное — режим не спасти, извлечь максимум выгоды из неминуемой катастрофы. Последующие события в очередной раз «реформируемой» России подтвердили основную направленность самоликвидации страны — максимизация величины властной ренты и срока ее получения.

6 этап. Россияния. На головы наших сограждан щедрым потоком льется информация, что русские — враги свободы, склонные к алкоголизму, а теперь уже и наркомании, неумехи, главные виновники всех бед мировой истории, агрессивный и трусливый народ. Главный вывод — быть русским стыдно, и предлагается выбор: записаться в россиянце или эмигрировать. Отказаться от самих себя, от своей веры и своей земли. Очистить богатую ресурсами территорию для представителей других, «цивилизованных» народов.

Обанкротившаяся в пыль европейская цивилизация ищет новые земли и новых индейцев, ищет не Западе, на Востоке...

Предпринятая в 1990-е гг. попытка построения капиталистического общества потерпела неудачу. Для капиталистического хозяйства требовались институализация капитала развитой правовой системой, сформированная веками трудовая этика предпринимательства, избыточность ресурсов и конкуренция. Всего этого в России не было, и быть не могло.

Общество погрузилось в пучину криминального хаоса, пожиравшего суетливо распределенные по карманам общенародные достояния. Для ликвидации угрозы был воссоздан элементарный общественный порядок на основе израненных бесконечными реформами силовых структур. Феодализм коммунистов, пройдя мутные воды феодализма криминального, трансформировался в феодализм бюрократический.

Близость к дележу аккумулированных бюджетом ресурсов, стала главным фактором накопления богатств новых феодалов.

Большевистский рывок к князю мира сего получил достойное завершение. Главными пороками сложившейся системы социального паразитизма, как и его исторической предтечи — Советской власти, являются временность властной конструкции, ее вопиющая неадекватность потребностям страны и, как следствие, историческая обреченность, что ограничивает возможности нефеодалного «кормления».

Для решения проблемы «кормовой базы» был использован комплексный подход: 1) предельная максимизация уже имеющейся ренты за счет ускорения демонтажа социальных институтов; 2) увеличение теневых поборов с хозяйствующих субъектов; 3) активизация усилий по встраиванию накопленных элитой богатств в мировую капиталистическую систему; 4) легитимизация и апологетика сложившейся практики расхищения национальных ресурсов.

Стал формироваться своего рода заказ на идеологию, оправдывающую продолжение разграбления страны и обосновывающую неизбежность во власти лиц, чьи деяния классифицируются статьями Уголовного кодекса.

Главным аргументом новой апологетики стал принцип преемственности: человек был объявлен существом порочным, а коли так, порок должен себя проявлять и во властных структурах, из человекостоящих.

Феодализация общественных отношений сделала актуальными работы мыслителей эпохи Возрождения как наиболее созвучных существующему состоянию деградирующей страны.

Наиболее концентрированно аморализм властной элиты оправдывается в работе Николо Макиавелли «Государь» (или «Князь» — не князь тьмы ли?..). Наблюдая за разграблением раздробленной в феодальные уделы страны, отчаявшийся итальянец призывает использовать любые методы убийства, обмана, лицемерия для удержания политического лидерства и объединения Родины [3].

Однако Италия объединилась благодаря романтику и идеалисту Гарибальди, а не цинику Макиавелли. Идеалы общественного развития, несмотря на их кажущуюся беспомощность с точки зрения минутного интереса, в исторической перспективе всегда оказывались более действенным и грозным оружием. И наоборот, моральная деградация элиты, возведенная в абсолют отчужденность от народа неизбежно приводили к катастрофе.

Вся история нашей страны, а возможно, и всего человечества, демонстрирует грустную закономерность: с течением времени развивается коррозия идейных установок национальной элиты, перерастаю-

щая в моральную деградацию и трансформирующая элиту в антиэли-ту, прямого врага собственной страны и собственной власти.

Религиозное сознание, формирующее ясные морально-нравственные нормы, смогло лишь на время остановить этот деструктивный процесс, что разочаровывало население и провоцировало вспышки атеистических настроений, ускоряющих механизмы общественного распада.

Религия формирует цель развития человека, но человек *должен сам пройти свой путь*. И коль скоро элита подвержена моральной деградации, было бы глупо эту деградацию оправдывать, а следует бороться с опасным недугом. Подобно тому, как больной нуждается в помощи врача, так и элита нуждается в моральном врачевании. Отстраниться от этого, заявить, что больной достаточно силен и сам справится с недугом, является еще большей аморальностью.

Благих пожеланий по этому поводу накопилось немало в нашей истории, но Васька слушает да ест... Как показывает опыт модернизаций страны Петром и Сталиным, элита нуждается в карающем мече, но занесенным не над многострадальным и вымирающим народом, а над своей собственной головой.

Пожизненный правитель и его гвардия — вот испытанный рецепт исторического успеха. Борис Васильевич Болотов нашел основополагающий принцип устройства живых систем — *лидерность*. Лидер имеется в любом сообществе: среди сперматозоидов, среди атомов, среди звезд, среди людей. Не отыщешь клетку-лидера в заболевшем органе — невозможно его лечить [4].

Хаотичность мира диктует крайне жесткий подход к выбору цели, чем больше целей ставит перед собой человек, тем ниже вероятность их достижения. Идея пожизненного правления часто завершалась провалом, перерастала в кровавую диктатуру или воровское общество по простой причине — у пожизненного правителя: царя, императора, генерального секретаря, Великого инквизитора и т. д. в идеале должна быть единственная цель и обязанность: сбережение морального потенциала элиты и наказание оступившихся ее представителей.

Все прочие функции могут исполнять другие люди и другие институты. Элита же не может воспитать себя и нуждается в Палаче и Учителе.

Литература

1. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2008.
2. <http://www.iraq-war.ru/article/287941>. 25.03.2013.
3. *Макиавелли Н.* Государь. М., 1990.
4. *Кашицкий С.* Человек-Академия // Московский комсомолец. 2002. 2 апр.

А.С. НИЛОГОВ

Минимум философии для кандидатского минимума (реплика)*

Можно, пожалуй, сказать, что в наше время философия не пользуется особенной благосклонностью; по крайней мере теперь уже не признают, как в прежнее время, что изучение философии и должно быть необходимым введением и основой для всякого дальнейшего научного образования и профессиональных занятий.

Г.Ф.В. Гегель

Аннотация. Поднимается вопрос о целесообразности сохранения экзамена по истории и философии науки в составе кандидатского минимума.

Ключевые слова: философия, экзамен по истории и философии науки, кандидатский минимум.

Abstract. In article is brought up the question of expediency of preservation of examination in history and philosophy of science as a part of a candidate minimum.

Keywords: philosophy, examination in history and philosophy of science, candidate minimum.

Сегодня кандидатский минимум включает в себя три обязательные экзамена: специальность, иностранный язык и философия (для всех специальностей, кроме творческо-исполнительских). Как известно,

* Реплика, касающаяся дискуссии по проблемам образования, ведущейся на страницах журнала «Философия хозяйства».

дьявол кроется в деталях. В самом деле, в качестве одного из вступительных экзаменов при поступлении в аспирантуру сдается философия, совпадающая с традиционным курсом данной дисциплины в вузе. Однако затем в течение года аспиранты готовятся к сдаче совсем другого экзамена — по истории и философии науки, причем не какой-то абстрактной, а вполне конкретной, в зависимости от того, в какой научной области они специализируются: или по естественным наукам, или по техническим наукам, или по наукам о живой природе, или по социально-гуманитарным наукам. Кандидатский экзамен по истории и философии науки официально сдается с 01.07.2005 г.

При этом необходимо сделать акцент на том, что в рамках кандидатского минимума сдается экзамен не по философии, а по истории и философии науки — причем той дисциплины, которой занимается конкретный аспирант или соискатель. Прискорбно то, что провокационный вопрос на встрече с премьер-министром задал будущий социолог — некто Арсений Петров из Санкт-Петербургского государственного университета (научная специальность «социология культуры»), а парировать этому, извините за окказионализм, «социолуху», отважился аспирант философского факультета МГУ (научная специальность «онтология и теория познания») — Владимир Нишуков. И не явилось ли все это мероприятие сведением личных счетов министра Ливанова с нелюбимой им философией?

Сам Владимир Нишуков впоследствии в комментарии сайту «Мнения.ру» более подробно пояснил свою позицию: «Высказал я свое скромное мнение и по поводу необходимости экзамена по истории и философии науки в рамках сдачи кандидатского минимума. Поскольку на самой встрече мой комментарий получился довольно скомканным, стоит его здесь развернуть. Итак, вступительный экзамен по философии в аспирантуру, на мой взгляд, действительно можно отменить: он, как правило, просто дублирует тот экзамен, который поступающие сдавали еще студентами. На философском факультете он тем более не нужен, поскольку превращается в облегченный вариант госэкзамена, в пустую формальность.

Пренебрежение к философии в нашей стране — признак хорошего тона. После 1991 г. на философию навесили все идеологические ярлыки, которые она безосновательно примеряла в течение всего советского периода своего бытования, обслуживая идеологические задачи строителей коммунизма. А ведь всякий невежда мнит себя от природы философом — и не важно, имеет ли он степень кандидата или доктора

наук. Предвзятое отношение к философии — показатель отсутствия фундаментальной науки именно потому, что фундаментальная наука занимается теми самыми основаниями, которые имеют философскую, или метафизическую, прописку. Как писал французский материалист-энциклопедист Ж.Л. Д'Аламбер: «На место всей туманной метафизики мы должны поставить метафизику, применение которой имеет место в естественных науках, и прежде всего, в геометрии и в различных областях математики. Ибо, строго говоря, нет науки, которая не имела бы своей метафизики, если под этим понимать всеобщие принципы, на которых строится определенное учение и которые являются зародышами всех истин, содержащихся в этом учении и излагаемых в ней» [1, 368]. По словам философа науки Т. Куна, «ученые исходят в своей работе из моделей, усвоенных в процессе обучения, и из последующего изложения их в литературе, часто не зная и не испытывая никакой потребности знать, какие характеристики придали этим моделям статус парадигм научного сообщества. Только дополнительное философское или историческое исследование может их вскрыть» [2, 76—77].

Но дело, на наш взгляд, далеко не в пресловутом экзамене по философии, который, по мнению большинства аспирантов, ничего им не дает, а в том, что данный кандидатский экзамен является, подчеркнем еще раз (в том числе специально для министра образования и науки), экзаменом по истории и философии науки, включая проблемы методологии, причем не какой-то абстрактной науки, не науковедения, а конкретной науки, по которой специализируется будущий кандидат наук. Речь идет об экзамене по: истории и философии физики, истории и философии математики, истории и философии биологии, истории и философии химии и т. п. Никакого экзамена по чистой философии нет и в помине, однако для противников философии везде мерещится тот самый идеологический экзамен по философии, а точнее — по философии диалектического и исторического материализма.

Действительно, тот самый экзамен по философии истмата и диамата (в сумме — марксистско-ленинская философия) нес на себе жесткий идеологический пресс, обслуживая партийную составляющую Советского Союза. Философия как служанка идеологии материализма и прочих вымороченных «измов» (например, научного коммунизма) обесценилась в глазах большинства ученых, хотя и тогда данный экзамен сдавался сквозь оттопыренные толстые пальцы.

Отказ от кандидатского экзамена по истории и философии науки — вопиющ! Это настоящий научный и образовательный скандал. И проблема даже не в том, что без работы останутся тысячи преподавателей философии, готовящих к сдаче данного экзамена, а в том, что нивелируется сама фундаментальность науки в угоду прагматического извле-

чения не столько научной пользы (в духе позитивизма), сколько коммерческой прибыли (в духе капитализма).

Существует ли сегодня российское философское сообщество, которое в состоянии защитить даже не столько пресловутый кандидатский минимум с минимумом философии, сколько саму Философию? История гонений на отечественную философию подсказывает скорее отрицательный ответ. Второй раз отстоять кандидатский экзамен уже вряд ли удастся, ведь и экзамен по истории и философии науки стал своего рода компромиссом.

Так в целом и вырисовывается та печальная картина немнящей России, которая, по словам профессора Ю.М. Осипова, стала константой отечественной ментальности: «Особенность процесса человеческого мышления, особенно российского, состоит в нежелании слушать и слышать, способность исказить даже четко написанное, много говорить о чем угодно, кроме поставленной и обсуждаемой проблемы, заговаривать в потоке слов любой острый и актуальный вопрос, довольствоваться ненахождением никакого ответа» [3].

Литература

1. Вяльцев А.Н. Дискретное пространство-время. М., 1965.
2. Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.
3. Философия хозяйства. 2012. № 4.

В.П. КАЗАРИН, М.А. НОВИКОВА

«Не бойся; подойди...» (о дате смерти Н.В. Недоброво)

Аннотация. Исследование и новые материалы о жизни и смерти близкого друга А.А. Ахматовой Н.В. Недоброво — в Крыму, в начале XX в.

Ключевые слова: А. Ахматова, Н. Недоброво, О. Мандельштам, история, Крым.

Abstract. Research and new materials about life and death of A.A. Akhmatova's close friend N. V. Nedobrovo in the Crimea at the beginning of the XX century.

Keywords: A. Akhmatova, N. Nedobrovo, O. Mandelstam, history, Crimea.

Подарок всем поклонникам А.А. Ахматовой сделала в 2012 г. ялтинский историк и краевед Зинаида Георгиевна Ливицкая. В результате многолетних поисков она выявила в Государственном архиве в Автономной Республике Крым метрическую книгу ялтинской Свято-Успенской церкви, которая располагалась в нижней Аутке, с записью о смерти и похоронах близкого друга Анны Ахматовой — Николая Владимировича Недоброво (1882—1919) (ГА АРК, ф. 142, оп. 1, д. 1120, л. 288—289).

Запись в метрической книге свидетельствует, что «потомственный дворянин Николай Владимиров Недоброво», 35 лет от роду, умер 2 декабря и был погребен 5 декабря 1919 г. на Аутском кладбище. В графе «От чего умер» указано: «Туберкулез легких». Обряд погребения совершили протоиерей Свято-Успенской церкви Сергей Щукин и диакон Тимофей Изотов. Запись сделана в церковной метрической книге, следовательно, даты указаны по старому стилю. По новому стилю Н.В. Недоброво умер 15-го и погребен 18 декабря.

Упомянутые священнослужители были в высшей степени достойными людьми, которым выпала яркая и трагическая судьба. Имя отца Сергия (Сергея Николаевича Щукина, 1872—1931 гг.) не раз встречается на ялтинских страницах жизни и творчества А.П. Чехова, обитателя верхней Аутки, с которым священник был в многолетних дружеских отношениях. Протоиерей Щукин пользовался необыкновенной популярностью среди ялтинцев, что не раз спасало его во время арестов после Революции. Он продолжал служить в Свято-Успенской церкви вплоть до 1930 г., когда она была закрыта, а вскоре после этого и разрушена. Отец Сергий уехал в Москву, где жили его дети. Там он продолжал служить священником вплоть до своей скорой смерти, завоевав авторитет и у новых прихожан. 8 октября 1931 г., в день его ангела, он был сбит на улице грузовым автомобилем и умер через два-три часа не приходя в сознание [1].

Диакон отец Тимофей (Тимофей Спиридонович Изотов, 1875—1938 гг.) был уроженцем Симферополя, происходил из мещан, закончил церковно-приходскую школу. С 1909 г. служил псаломщиком в кафедральном соборе Александра Невского в Симферополе. В 1912-м рукоположен в сан диакона. В 1916 г. диакон Тимофей переведен в Аутку в Свято-Успенскую церковь, одновременно он сослужил в греческой церкви Св. великомученика Феодора Тирона. В 1921 г. возвращается в Симферополь и исполняет обязанности священника в кладбищенской Всехсвятской церкви. В сентябре 1936 г. о. Тимофея пере-

водят в Алушту настоятелем храма Св. великомученика Феодора Стратилата. В 1938 г. 8 февраля «гражданина Изотова» арестуют. Семь дней допросов «с пристрастием» его не сломают, он не признает себя виновным, никого не оговорит. 15 февраля «тройка» НКВД приговорит его к высшей мере наказания с конфискацией имущества. Приговор будет незамедлительно приведен в исполнение. Церковь причислит новомученика к лику местночтимых крымских святых [2, 26—29].

Вернемся, однако, к Н.В. Недоброву.

Более 90 лет считалось, что он скончался 3 декабря 1919 г. [3, 132; 4, 9; 5, 261]. Источником этой информации были свидетельства современников. Чаще всего исследователи ссылались на письмо Ю.Л. Сазоновой-Слонимской, которая 19 января 1920 г. сообщала М.А. Волошину: «Третьего декабря умер Николай Владимирович Недоброво от болезни почек, неожиданно обнаружившейся лишь в начале ноября» [6, 200; 7]. Аналогичная информация содержалась в письме М.А. Волошину вдовы Николая Владимировича — Любови Александровны Недоброво, которое также датировано 19 января 1920 г. [8, 93; 9, л. 11—13 об.].

Письма М.А. Волошина свидетельствуют, что Ю.Л. Сазонова-Слонимская уже извещала его о смерти Н.В. Недоброво ранее — через ехавшую из Ялты в Феодосию журналистку Е.А. Фидлер. М.А. Волошин, по его словам, посылал Л.А. Недоброву с возвращавшейся в Ялту Е.А. Фидлер «коротенькое письмо», но оно не дошло до адресата [8, 93; 10, письмо № 4; 9, л. 11—13 об.]. Характерно, что информация о смерти поэта распространялась только через переписку и рассказы знакомых. Никто из современников ни разу не указывает, что получил сведения о его кончине из газет. А.А. Ахматова, по ее собственному свидетельству, узнала о смерти своего друга от О.Э. Мандельштама в декабре 1925 г. [11, 36].

Отсутствие документальных доказательств даты смерти приводило к появлению разного рода альтернативных точек зрения: «Лучший друг Недоброво и в недавнем прошлом самый близкий ему человек Борис Анреп “похоронил” Недоброво в 1918-м и не сомневался в правильности этой датировки почти до конца своих дней, до 60-х годов» [4, 9]. Мало того, существовали разные точки зрения даже по поводу того, где поэт был похоронен. Так, М.А. Струве еще в 1930 г. полагал, что Н.В. Недоброво покоится в Гурзуфе [4, 234].

Новонайденная запись в метрической книге кладет конец этой разноголосице. Кстати, запись в книге имеет номер — 118. Это только

мужчины. Для женщин в книге велась своя нумерация. Нетрудно посчитать, приняв во внимание количество церквей в Ялте и трагические обстоятельства неоднократной смены власти в Крыму в 1919 г., насколько богатым на смерти был уходящий год только для православных верующих в этом небольшом южном городе! А к этому надо добавить жертвы из числа верующих других конфессий, погибших на поле боя, бессудно расстрелянных и утопленных в море...

Отдельно стоит сказать о самом Аутском кладбище. Некогда оно было одним из самых почетных в Ялте. В августе 1901 г. там похоронили популярного писателя-народника Г.А. Мачтета. 9 июня 1918 г. здесь нашла свой последний приют жена Ф.М. Достоевского — Анна Григорьевна, в январе 1919 г. мать А.П. Чехова — Евгения Яковлевна, а в феврале 1920 г. — выдающийся строитель и великолепный исследователь Крыма генерал-майор А.Л. Бертъе-Делагард. Список этот можно продолжать и продолжать.

После революции кладбище начало приходить в запустение. Если О.Э. Мандельштам в августе-сентябре 1923 г. (уточнение года подсказано нам З.Г. Ливицкой), отдыхая в Гаспре, разыскал могилу Н.В. Недоброво, то А.А. Ахматова, посетившая, по некоторым предположениям, Аутское кладбище в сентябре 1929 г. (отдыхала в той же Гаспре), ее уже не нашла [12, 97; 4, 234].

Этой истории можно предложить объяснение. Памятник на могиле, как известно, устанавливается через год. На могиле Н.В. Недоброво его, судя по всему, не было. Поэта похоронили 5 (18) декабря 1919 г., а с октября 1920 г. началась массовая эвакуация из Крыма, которая закончилась 3 (16) ноября уходом последних пароходов из Керчи. В числе покидавших родину были и Л.А. Недоброво с Ю.Л. Сазоновой-Слонимской. Обе они эмигрировали в Италию, где Любовь Александровна в 1923 или в 1924 г. умерла от туберкулеза [4, 10].

Следовательно, на могиле Н.В. Недоброво мог быть только деревянный крест, устанавливаемый во время погребения. В 1923 г. О.Э. Мандельштам его, видимо, еще разыскал. В 1929 г. креста уже не было.

В 1930-е гг. в руководстве Ялты впервые стала обсуждаться идея закрытия кладбища и использования его территории для других целей. Именно это побудило Марию Павловну Чехову перезахоронить в 1936 г. прах матери на городском кладбище, где покоятся члены семьи писателя. После Великой Отечественной войны городские власти фактически начали борьбу с кладбищем. Наиболее именитых «постояльцев» эксгумировали и перенесли на другие некрополи. Так поступили в 1968 г. с прахом А.Г. Достоевской: он был перенесен в Ленинград, в Александро-Невскую Лавру, и упокоен рядом с могилой Ф.М. Досто-

евского. Останки других известных покойников (в частности, Г.А. Мачтета) переносили на Поликуровский мемориал (бывшее Иоанно-Златоустовское кладбище) Ялты. Правда, старожилы рассказывают, что делалось это весьма условно: на новое место переносили только надгробную плиту и часть земли, не утруждая себя при этом перезахоронением самих останков. Можно достаточно уверенно утверждать, что фактически многие покойники остались лежать на прежнем кладбище, которое в 1970-е гг. было преобразовано в городской сквер имени Н.Н. Батурина. Прямо по кладбищу были разбиты газоны и проложены дорожки, для мощения которых использовались могильные плиты.

В конце января 2013 г. мы бродили со старшей сотрудницей Дома-музея А.П. Чехова в Ялте А.В. Ханило по скверу-кладбищу, расположенному на улице Чернова. Новейшие власти уже не раз старательно чистили его от фрагментов надгробий, но опять мы видели эти фрагменты, забетонированные в дорожки и опорные стенки. В одной из таких стен зацементирована вверх ногами часть могильной плиты с надписью на греческом языке и годом смерти покойника — 1893...

Прах Н.В. Недоброво не попал ни в число вывезенных из Крыма, ни в число перенесенных на другое кладбище. Его могила, как и многие другие, на сегодняшний день утрачена. Твердо мы знаем одно: поэт продолжает лежать в земле Аутки, ставшей для него последним пристанищем.

Теперь, когда одни загадки ушли в небытие, на повестку дня встают другие: где же все-таки Н.В. Недоброво умер? Почему в церковной метрической книге отсутствует запись о том, кто его соборовал и причащал перед смертью? Почему так существенно расходятся данные метрической книги о дате его смерти и свидетельства его родных?

Итинерарий пребывания Н.В. Недоброво в Крыму с 1916 по 1919 г. до сих пор изучен очень плохо. Согласно свидетельству А.А. Ахматовой, которое лишено детальной точности, в 1916—1917 гг. ее друг находился в Алуште [11, 54]. Относительно 1916-го ее свидетельству можно полностью доверять: в сентябре этого года она встречалась с поэтом в Бахчисарае. Написанное им в 1916 г. стихотворение с алуштинским названием «Демерджи» тоже это подтверждает. В этом случае можно с большой степенью уверенности утверждать, что он и его супруга проживали в Алуште в Профессорском уголке в дачном пансионе Е.П. Магденко (дом сохранился), которая была женой видного петербургского филолога А.А. Смирнова. В этом пансионе традицион-

но собирались летом яркие представители научной и культурной элиты столицы России, к которой Н.В. Недоброво, конечно же, принадлежал. В числе постоянных гостей алуштинской дачи можно назвать В.М. Жирмунского, К.В. Мочульского, А.Л. Слонимского, братьев Радловых — Сергея и Николая, А.М. Зельманову и В.А. Чудовского, С.Н. Андроникову и С.Л. Рафаловича, О.Э. Мандельштама и В.И. Шухаева.

С января по апрель 1917 г. письма Л.А. и Н.В. Недоброво документируют их проживание в Сочи [4, 219, 223]. А уже с начала июля 1917-го супруги Недоброво снова в Крыму. В летний период они, вероятно, живут в том же дачном пансионе Е.П. Магденко. По крайней мере, для 1917 г. это подтверждает уже приводившееся нами свидетельство А.А. Ахматовой. Для лета 1918 г. этот факт подтверждается воспоминаниями старшего брата М.М. Бахтина — белого офицера Николая Михайловича Бахтина. Вот что он пишет, в частности, о пребывании в пансионе у своего петербургского друга А.А. Смирнова: «Был там и известный поэт в последней стадии чахотки, которого возили в кресле-каталке и который говорил лихорадочно и блестяще только об одной поэзии. Была тут и его жена, некогда тоже знаменитая красавица, а ныне поблекшая, — преданная жена умирающего гения, ею боготворимого» [13, 342].

На зимнее время семья Недоброво, как и хозяева пансиона [14, 651], переезжает в город. Супруги снимают в Ялте комнату. М.А. Волошин сообщает в переписке о «ялтинских беседах» с поэтом осенью 1918 г. и даже называет его адрес: Аутская, 69 [4, 234; 10, письма 4; 3] (дом не сохранился). Из письма Л.А. Недоброво от 13 октября 1919 г. мы узнаем, что супруги по этому адресу снимали комнату в квартире Горбовых [9, л. 5]. Жена поэта в письме М.А. Волошину от 28 июля 1919 г. давала самую отрицательную характеристику их жилью: «<...> здесь против электрической станции было из худших мест города. <...> и мы остались в этой проклятой сырой и холодной комнате, в кот.<орой> Вы не могли сидеть без пальто» [9, л. 1—2 об.].

Летом 1919 г. супруги Недоброво, по свидетельству Ю.Л. Сазоновой-Слонимской и М.А. Волошина, живут в Магараче [10, письмо 3]. Письмо Л.А. Недоброво дает точное указание места, где они снимают комнату в этом пригороде Ялты: дача Устинова [9, л. 5]. Имеется в виду имение «Василь-Сарай» генерал-майора М.М. Устинова (1841—1917), расположенное в урочище Магарач. «Дача Устинова» сохранилась до наших дней.

Потом, видимо, супруги Недоброво ненадолго перебираются в Гурзуф. По крайней мере, об этом свидетельствует стихотворение М.А. Струве «В Крыму». Написано оно в 1930 г., в Париже, посвящено

памяти Николая Владимировича и носит отчетливо мемуарный характер:

В разрезы желтые, в скалистый брег
Впустило море синие зализы.
Над самым морем белый дом. Чинар
И лавровых кустов сплошная стая
Теснится у крыльца. За домом — кверху
До первого шоссе раскинут лысый,
Каменьями усеянный пустырь.
Приют корявых пробковых дубов
И высохшей полыни. Над шоссе
Полого поднимаясь площадями,
Уходит виноградник. Между двух
Таких квадратов, глиняной дорожкой
Я проходил на дачу, на веранду,
Где на кушетке, под мохнатым пледом
В чахотке умирал Недоброво.

Мой бедный друг. Я помню, как сейчас,
Той золотистой осени прохладу
Благоуханную. <...> [4, 233].

Стихотворение М.А. Струве свидетельствует, что Н.В. Недоброво осенью 1919 г. живет какое-то время в Гурзуфе, где его и навещает автор стихов. Мало того, из дальнейшего текста следует, что М.А. Струве был уверен — его друг покоится в том же Гурзуфе:

<...>
Я вам завидую. Моим скитаньям
Конца не видно, и земля родная
Для нас, осколков рухнувшей державы,
Закрыта. Вам спокойнее. Вы — спите
В Тавриде сладостной. Гурзуфский ветер,
Которым некогда дышал и Пушкин,
Трепещет над холмом могильным. Волны
Его встречавшие могучим гулом,
Шумя протяжно, пестуют ваш сон,
Вздывают кипарисы черный пламень
В лазурный воздух. И щебечут птицы
На русском языке [4, 234].

Воображаемая картина эта, конечно же, ошибочна. Она говорит только о том, что сам М.А. Струве не был свидетелем ни смерти, ни похорон Н.В. Недоброво. Эти события не имели широкого резонанса в то трудное время. Показательно, что О.Э. Мандельштам, вернувшийся в северную столицу из Крыма, не мог сообщить А.А. Ахматовой даже точную дату смерти поэта — только месяц и год [11, 36].

С приходом зимы супруги Недоброво снова в Ялте. Сначала они живут в своей прежней комнате по улице Аутская, 69. Потом Л.А. Недоброво находит другое жилье по улице Княжеской, 8 [9, л. 14; 7, л. 5]. Дом этот уцелел до наших дней. Именно в нем поэт и скончался. Отсюда Николая Владимировича повезли отпевать в ближайшую церковь — Свято-Успенскую. Ялтинские краеведы собираются установить на этом доме доску, посвященную памяти поэта.

Уже цитировавшееся письмо Ю.Л. Сазоновой-Слонимской объясняет отсутствие в метрической записи информации о соборовании и причащении умиравшего. Юлия Леонидовна пишет: «<...> страха у него не было, хотя желание жить было очень велико. Умер он тихо, рано утром» [7, л. 5]. Среди «бытовых верующих» и поныне существует суеверное предубеждение, что соборуют человека исключительно перед смертью. Принимая во внимание бодрое настроение духа больного, близкие Н.В. Недоброво, естественно, до последнего часа гнали от себя мысли о его близкой кончине. Поэтому и не приглашали священника. В результате, смерть Николая Владимировича застала их врасплох.

Отпевал его протоиерей Сергей Шукин — «батюшка народа» и «батюшка интеллигенции». «Служба и голос» его произвели на вдову «просветляющее и успокаивающее» впечатление и заставили пожалеть, что поэт не был ранее знаком с о. Сергием [9, л. 11—13 об.].

Все то же письмо Ю.Л. Сазоновой-Слонимской (как полагали некоторые краеведы) якобы давало подсказку, в какой части кладбища надо искать могилу поэта. Вот что она пишет: «Похоронен на Аутском кладбище недалеко от церкви» [7, л. 5]. «Церковь», — делали вывод исследователи, — это, конечно, кладбищенская часовня; в полуразрушенном состоянии она сохранялась еще в 1930-е гг. Стояла она слева от входа. Следовательно, где-то в этой части кладбища (сегодня сквера) и должен лежать Н.В. Недоброво.

Но это предположение, видимо, неверно. Человек дореволюционного воспитания не мог перепутать церковь и часовню. Ю.Л. Сазонова-Слонимская имела в виду, конечно, Свято-Успенскую церковь, где отпевали Н.В. Недоброво. А кладбище действительно находилось достаточно недалеко от нее — в 200—300 метрах.

Все эти и некоторые другие вопросы требуют новых поисков, а поиски, несомненно, приведут к новым находкам. Ведь мы пока лишь «подходим», медленно и трудно приближаемся к пониманию последних дней поэта и человека.

Н.В. Недоброво спит, как писал его друг, «в Тавриде сладостной». Из чеховской Аутки можно было видеть море, которое он так любил. Поэтому разговор о его смерти хотелось бы закончить сонетом о красоте и полноте жизни. Назван сонет именем горы, возвышающейся над Алуштой, — «Демерджи». Н.В. Недоброво написал его 2 марта 1916 г., за полгода до своей встречи в Бахчисарае с А.А. Ахматовой. Той самой встречи, во время которой она простится с ним навсегда.

Не бойся; подойди; дай руку; стань у края.
Как сдавливает грудь от чувства высоты.
Как этих острых скал причудливы черты!
Их розоватые уступы облетая,

Вон, глубоко внизу, орлов кружится стая.
Какая мощь и дичь под дымкой красоты!
И тишина кругом; но в ветре слышишь ты
Обрывки смятые то скрипа арб, то лая?

А дальше, складками, долины и леса
Дрожат, подернуты струеньем зыбким зноя,
И море кажется исполненным покоя:

Синеет, ровное, блестит — что небеса...
Но глянь: по берегу белеет полоса;
То пена грозного — неслышного — прибоя.

В этом стихотворении — весь наш поэт. Наделенный даром пророчества (его не обманывает «исполненное покоя» море, он видит полосу «неслышного», но «грозного» прибоя!). Точный не только в визуальных деталях, но и в музыкальной передаче окружающего мира. Наконец, смелый, лишенный страха перед мощью и дикой силой, наполняющей жизнь, призывавший всех нас не бояться ее.

Эту свою отвагу — в последний раз — он доказал своей смертью.

Литература

1. *Ливицкая З.Г.* Из ялтинского окружения: Отец Сергей Шукин // Крымские Пенаты: Альманах литературных музеев Крыма. Симферополь. 1998. № 5.
2. *Доненко Н.* Претерпевшие до конца: Священнослужители Крымской епархии 30-х годов. Симферополь, 1997.
3. *Черных В.А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889—1966. М., 2008.
4. *Орлова Е.И.* Литературная судьба Н.В. Недоброво. Томск; М., 2004.
5. *Кравцова И.Г., Постоутенко К.Ю.* Недоброво Николай Владимирович // Русские писатели: 1800—1917: Биографический словарь. Т. 4. М., 1999.
6. *Кралин М.* Победившее смерть слово // Нева. 1988. № 7.
7. РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1072. (сообщено Е. И. Орловой).
8. Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества: 1917—1932. СПб.; Симферополь, 2007.
9. РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 873 (сообщено Е. И. Орловой).
10. *Орлова Е.И.* «... Мне кажется, что я чувствую сейчас всю Россию...»: (Из переписки М. А. Волошина 1919—1920 гг.) // Медиаскоп: Электронный научный журнал Факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова (mediaskop.ru). 2012. № 2.
11. *Ахматова А.А.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 2002.
12. *Георгиевская З. (Ливицкая З.Г.)* «Ревнитель словесности» // Крымские Пенаты: Альманах литературных музеев Крыма. Симферополь, 1997. № 4.
13. *Бахтин Н.М.* Русская революция глазами белогвардейца // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации / Под ред. К.Г. Исупова. СПб., 1995.
14. *Заборов П.Р.* М.А. Волошин и А.А. Смирнов // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 50. СПб., 1997.

А.А. АНТРОПОВ

**Сводные данные по экспертируемым изделиям систем
РКСН РС-24 «Ярс», LGM-118А «Peacekeeper» — МХ и УР-
100Н УТТХ относительно эталонного изделия Р-36М2
«Воевода»***

Если не мы, то нас...

*В.В. Путин. Из выступления на
церемонии вручения Государственных
премий Российской Федерации за
2012 г. (12 июня 2013 г.)*

Аннотация. Предлагается инновационный показатель — синтетический индекс качества — для сопоставления экспертируемых изделий относительно эталонных.

Ключевые слова: Государственная премия Российской Федерации за 2012 г., изделие, отрасль, инновационный показатель, многомерная степень зависимости.

Abstract. The article is devoted to the innovative indicator that is a synthetic quality index for comparison of experimented products rather standard.

Keywords: the state award of the Russian Federation for 2012, a product, industry, an innovative indicator, multidimensional degree of dependence.

В течение 2008—2010 гг. нами был разработан новый, оригинальный набор инновационных показателей отдельного изделия (9 показателей), отдельной отрасли народного хозяйства (13 показателей) и народного хозяйства в целом (16 показателей), которые тесно связаны с техникой, технологиями и естественными науками²⁶ (см.: [2; 3]). В частности, был предложен инновационный показатель — *синтетический индекс качества (СИК)*²⁷ для отдельного экспертируемого изде-

* Реплика по поводу награждения Государственной премией Российской Федерации в области науки и технологий Е.Л. Межирицкого, С.П. Никулина и В.А. Шурыгина за создание ракетного комплекса стратегического назначения «Ярс» [1—3].

²⁶ Под научным руководством д.э.н., профессора Ю.М. Осипова.

²⁷ СИК — это технико-технологическо-экономическая сопоставимость экспертируемого изделия с эталонным изделием.

лия²⁸ отдельной *i*-й отрасли народного хозяйства относительно эталонного изделия²⁹ (безразмерная величина)

$$SQI_{ji}^{\text{экспертир.}}$$

Здесь необходимо отметить, что официальные показатели ВОП, ВВП и ВНП, как и чисто натуральные физические показатели, например, объем выплавленной стали, количество выпущенных автомобилей, станков, телевизоров, магнитофонов, ЭВМ, танков, самолетов и т. д. за определенный период, — по истечении одного года становятся необъективными, неполными и, по сути, не характеризуют инновационную составляющую развития хозяйств.

В статьях автора «Контуры инновационных волн валового общественного продукта России» [4, 136—141] и «Инновационные показатели отдельного изделия, отдельной отрасли и всего народного хозяйства» [5, 5—8, формулы 1.1.1.1.—1.1.1.3] приведена методика расчетов СИК.

В апреле 2012 г. нами были сделаны расчеты СИК экспертируемых изделий РКСН РС-24 «Ярс», LGM-118A «Peacekeeper» — МХ и УР-100Н УТТХ относительно эталонного изделия Р-ЯО Р-36М2 «Воевода».

Таблица 1

Сводные данные по СИКам линейного варианта и третьего подварианта многомерной степенной зависимости экспертируемых изделий РКСН РС-24 «Ярс», LGM-118A «Peacekeeper» — МХ и УР-100Н УТТХ относительно эталонного изделия Р-ЯО Р-36М2 «Воевода»

№ варианта	Эталонное изделие	Экспертируемые изделия системы РКСН	Синтетический индекс качества (СИК) РКСН	
			Блоковый подвариант	
			Линейная зависимость	Степенная зависимость

²⁸ Экспертируемое изделие — это анализируемое изделие.

²⁹ Эталонное изделие — это базовое изделие, т. е. это уровень, «печка», относительно которой идет отсчет и сопоставление.

Продолжение табл. 1

1	2	3	Численное значение СИК (по убыванию)	Подвариант №	Численное значение СИК (по убыванию)
1	2	3	4	5	6
1_1	Р-36М2 «Воевода» (15А18М, код СНВ — РС-20В) (РФ) ³⁰	РС-24 «Ярс» (РФ)	2,223	3_3-(3_6)-(3_7)	2,1515
		LGM-118А («Peacekeeper» — МХ (США) ³¹	1,692	3_2-(3_5)-(3_7)	1,8010
		УР-100Н УТТХ (индекс ГРАУ — 15А35, код СНВ (РФ) ³²	1,138	3_2-(3_5)-(3_7)	1,3337

Рассчитано по экономико-техничко-технологическо-математическим моделям.

Источник: [6—8].

Вызывает особый интерес сопоставление данных столбцов 4 и 6 (табл. 1). Из анализа таблицы следует, что самыми мощными и результативными системами РКСН (по убыванию) являются: 1) РС-24 «Ярс» (РФ); 2) LGM-118А («Peacekeeper» — МХ (США); 3) УР-100Н УТТХ (индекс ГРАУ — 15А35, код СНВ (РФ).

Таким образом, РФ в этом вопросе идет впереди США (что можно только пожелать всем основным науко-техничко-технологическим и иным направлениям). Все вышеприведенные показатели являются первыми вариантами.

На V международной научной конференции «Инновационное развитие экономики России: сценарии и стратегии» (апрель 2012 г.) на секции лаборатории философии хозяйства: «Обновление инновационного механизма: неолиберализм вкупе с неодирижизмом» автор вы-

³⁰ Ударом 8—10 ракет 15А18М (в полной комплектации) обеспечивалось уничтожение 80% промышленного потенциала США и большей части населения.

³¹ Изделия базировались только в усовершенствованных ШПУ МБР «Минитмен», уступавших по защищенности российским ШПУ.

³² Изделие является исключительно надежным — проведено 165 испытательных и учебно-боевых пусков, из них только три были неудачными.

ступил с докладом «Инновационные показатели отдельного изделия, отрасли и всего народного хозяйства», где продемонстрировал данные вышеуказанной табл. 1.

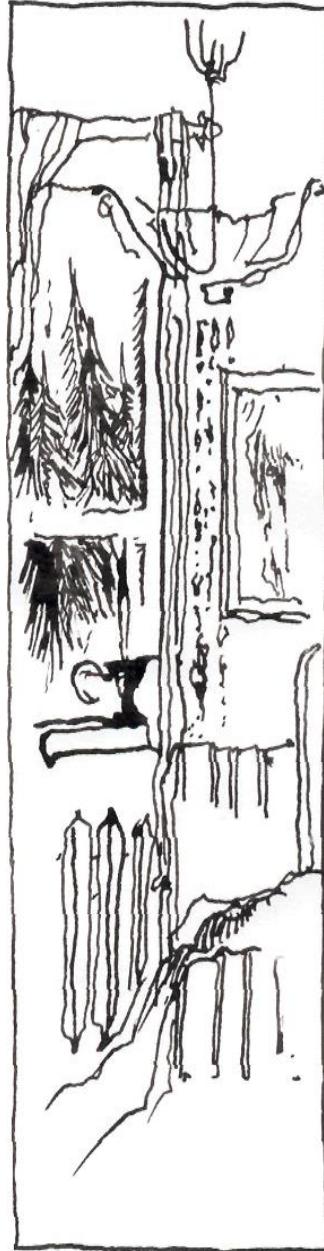
Р.С. Президент РФ В.В. Путин 12 июня 2013 г. наградил Государственной премией Российской Федерации за 2012 г. создателей ракетного комплекса стратегического назначения «Ярс» Ефима Леонидовича Межирицкого, Сергея Петровича Никулина и Виктора Александровича Шурыгина [2—3].

Таким образом, авторская методика расчетов СИК и ее реальная реализация на примерах экспертируемых изделий РКСН РС-24 «Ярс», LGM-118А «Peacekeeper» — МХ и УР-100Н УТТХ относительно эталонного изделия Р-ЯО Р-36М2 «Воевода» полностью совпали с мнением Президента РФ В.В. Путина.

Литература

1. Объявлены лауреаты Государственной премии Российской Федерации 2012 года // <http://news.kremlin.ru/news/18274/print>.
2. В День России в Кремле вручены Государственные премии Российской Федерации // <http://news.kremlin.ru/news/18322/print>.
3. Стенографический отчет о церемонии вручения Государственных премий Российской Федерации // <http://news.kremlin.ru/transcripts/18323/print>.
4. *Антропов А.А.* Контуры инновационных волн валового общественного продукта России // Финансово-хозяйственные инновационные инициативы / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Ю. Синельникова, Е.С. Зотовой. М., 2012.
5. *Антропов А.А.* Инновационные показатели отдельного изделия, отдельной отрасли и всего народного хозяйства // Неодирижизм и модернизация российской экономики / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Ю. Синельникова, Е.С. Зотовой. М., 2013.
6. Межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования России и зарубежных стран (рейтинг) // <http://topwar.ru/print:page,1,11242-mezhkontinentalnye-ballisticheskie-rakety-nazemnogo-bazirovaniya-rossii-i-zarubezhnyh-stran-reyting.html>.
7. Межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования России и зарубежных стран (рейтинг) // <http://www.arms-expo.ru/049051124050054053050051.html>.
8. Межконтинентальные баллистические ракеты наземного и шахтного базирования // http://www.militaryparitet.com/nomen/usa/rocket/data/ic_nomenusarocket/ 3.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

19 апреля 2013 г. в рамках VI международной конференции «Инновационное развитие экономики России: региональное разнообразие» (Ломоносовские чтения — 2013) состоялся круглый стол «Российские университеты: что происходит?», на котором с докладом выступил директор ЦОН Ю.М. Осипов.

Ю.М. ОСИПОВ

Университеты сегодня: что происходит?

Аннотация. Острая проблема реконструкции университетов: от классического учреждения Модерна к антиклассическому заведению Постмодерна.

Ключевые слова: университет, высшее образование, фундаментальная наука, человек, интеллект, общество.

Abstract. Acute problem of reconstruction of universities: from classical organization of the Modernist style to an anti-classical institution of the Postmodern.

Keywords: university, the higher education, fundamental science, person, intelligence, society.

Если одним словом, то университеты *преобразуются*, если же двумя, *преобразуются, исчезая*. Нет, конечно, само словцо «университет» вряд ли скоро исчезнет (и лингво-традиция, и привычка, и бренд), но вот не исчезнет ли, преобразуясь, университет как реальный феномен по функции, существу и содержанию, даже форме деятельности — тут уже вопро-о-с?

С одной стороны, современный университет — это дитя Модерна и Просвещения, очаг фундаментальной Науки и такого же Образования, источник размыслительной интеллект-культуры, храм Разума и объект безоговорочного преклонения, эта святая святых эпохи умножающегося научно-физического знания — этот-то университет (комплекс, концерт, кластер), попав в постмодерновую среду, которую и сам в немалой степени взрастил, испытывает от нее нарастающее воздействие, вполне уже для себя враждебное, все более пронизываясь несистемностью, нефундаментальностью, фрагментарностью, разъятостью, конгломератностью, калейдоскопичностью, безответственностью, вульгарностью, массовидностью, неразличностью, стремительно уходя от функции и образа уникального, самостоятельного и элитарного цен-

тра-источника, созидающего высшую интеллект-функциональную сферу общества, и переходя вдруг к образу доступного, прозрачного и вполне легкомысленного супермаркета, если не попросту «ярмарки знакомств», оказывающего некую товарную симуляционную пошиба услугу и встроенного в общую — при этом и очень подвижную — социально-информационную сеть, или *сетевум*, в статусе одного из ее (его) проточных звеньев-узлов.

С другой стороны, университет подвергается сегодня вполне осознанной и хорошо рассчитанной, совершенно и планомерной, реконструкции, предполагающей не что-нибудь, а деконструкцию классического для и от Модерна учебно-научного (образовательно-творческого) заведения и его превращение в антиклассический институт — *постуниверситет*, способный заменить сложную и трудоемкую работу по освоению и развитию фундаментального знания упрощенным и игровым ознакомлением со всего лишь учебниковым *паразномием* (набором неких сведений о знании) и обеспечить техногенное встраивание обучающейся (ознакомляющейся) особи (уже не студента) в не более чем *техноло-информационные сети (цепи)*.

Выходит, что классический университет вымывается из университетских кампусов (городков, кварталов и попросту стен) как посредством проникновения в университеты агрессивной и депрессивной постклассической среды, так и через целенаправленные трансгрессивные действия властей — что мирово-«международных», что страново-«национальных».

Постмодерн, этот сыновний враг Модерна, *демодектизует* университеты, превращая в неопределенные, поверхностные, расслабленные и размытые, как-то при этом и лукаво подмигивающие, парауниверситетские, симуляционные институты.

Классические университеты для текущей вокруг современности уже не потребны: Постмодерн в современных заведениях не нуждается, ему необходимы не продуктивные научно-образовательные «матки» и даже не репродуктивные инкубаторы, а всего лишь обработочные агрегаты, способные не производить готовый к самостоятельной деятельности продукт, а выдвлекать из ознакомляющихся не более чем полуфабрикат, а лучше — недофабрикат, годный для техноло-сетевой эксплуатации и постоянного техноло-инструкционного подстраивания к непрерывным техно-информационно-сетевым нововведениям.

Теперь в задачу «университета» не входит подготовка пусть и специализированных, но с универсальной культурой ученых, пополняющих интеллектуальную элиту общества; на смену этой благородной задаче пришла другая, вполне и неблагородная — выделка (натаскива-

ние) не размышляющего, а лишь заданно функционирующего «массовика-сетевика», мало что знающего из ученой эзотерики, но зато бездумно встроенного в экзотерические техно-инфо-сети и не способного целостно, масштабно и глубоко размышлять.

Функция же подготовки ученых-эзотериков, как и выращивания универсальных интеллектуалов, окончательно переходит, надо полагать, к закрытым, элитарным и вполне к себе и к учащимся требовательным учебным заведениям уже сверхвысшего порядка — над-университетского.

Характерно, что из нынешних университетов активно, настойчиво и целенаправленно выветриваются... сакральность, культовость, храмовость — как нечто уже несовместимое с насаждаемой в университетах образовательно-функциональной «ярмаркой», приходящей на смену выверенным научно-образовательным структурам. И что особенно поражает: десакрализации подвергается уже не религия с богословием, не философия с метафизикой, а... сама наука, которая еще совсем недавно, при Модерне, светилась вполне искренней, так сказать, светской святостью, была объектом всеобщего безоговорочного поклонения и культа и заполняла собою — своим сакральным духом — университеты-храмы. Это ли не трагедия — *трагедия науки*, когда-то изгонявшей из университетов богословие, метафизику и философию, а теперь вот подвергшейся нежданно-негаданно, хотя и вполне заслуженным, гонениям?!

В университеты вводятся сегодня разные «новые» принципы деятельности, образовательного и научного процессов, их организации — и как раз такие, при которых... нет ни реальной и эффективной работы, ни плодотворного обучения, ни обильной плодами науки. Трансформационное умение приводит к трансгрессивному безумию, выталкивающему университеты за пределы самих себя и превращающему их в университеты-клубы, университеты-балаганы, университеты-казино!

Того ли и в самом деле хотят реформаторы? Может, и не совсем того, но... тотальная атака на классику не может иметь иных следствий, кроме... «выскока» на поверхность таких замечательных «штучек», как безобразие, опустошение, опошление, обесмысливание, загрязнение, вульгаризация, что уже великолепно доказали «современные» живопись, театр, архитектура, литература, телевидение, журналистика, а теперь вот хорошо демонстрирует и «современная» наука (особенно гуманитарная), очень уж далеко ушедшая от человека, общества, культуры, гуманизма, всю уже в себе запутавшаяся, оторвавшаяся от реальности, растерянная, глумливая и пустая.

Университеты переживают ныне вовсе не какой-нибудь там кризис роста и развития, а самую обыкновенную *катастрофу*, замыкающую славную университетскую эпоху с ее богословским, философским и научным этапами, с ее свободным мышлением и неустанным творчеством, с ее великой познавательно-просветительской миссией.

Можно ли было избежать этой катастрофы, одновременно преобразовав и сохранив университеты? Кажется, что да — можно: спокойно, продуманно и не горячася введя необходимые новшества (те же технические, организационные, частично и методические) и сохранив основное из университетского — фундаментальность, образованность, научность, размыслительность, но при этом и обеспечив определенный ренессанс философии и богословия (совершив тут известное отрицание отрицания), как и не поддавшись сильно и безоговорочно на пошлый, беспардонный и растленный постмодерн. Именно в университетах должен бы найти приют... э-э... универсальный разум, в основе, в начале и в первую очередь вполне *единый* (не синтезный — после анализа, а именно единый — доанализный, а потому и досинтезный) и *органически творческий*, а на нашем языке — *софийный*, то бишь уже не только и не столько, как было еще совсем недавно, логосный.

Однако эпоха Постмодерна — сама по себе исходно и изначально кризисная, апокалиптическая и всюду безумная (превращающая любое рацию в иррацию, а любое умение в безумие), не только не склонна к разумно-креативному разрешению острого университетского вопроса, но и делает все возможное, чтобы такое разрешение не состоялось, мало того, чтобы состоялось как раз... неразрешение вопроса, когда вместе с неразрешением исчезает и сам объект разрешения!

Остается уповать на два момента: на Его Высочество «ход вещей» и на Его Величество «ход неизвестности». Ход вещей на то и ход вещей, чтобы совершить то, чего не хочет вершащий бытие человек (он же и Менеджер), а ход неизвестности на то и ход неизвестности, чтобы совершить то, чего и ход вещей сделать не может. В итоге созидательно разрешительные контрмеры пойдут либо в ходе самой ясно уже осознаваемой на тот момент катастрофы — как антикатастрофные меры, либо как уже восстановительные посткатастрофные деяния.

Что ж, поживем — увидим! Ослепленный и помраченный разум, обернувшись безумием, тащит ныне себя, университеты и всех «современных интеллектуалов» в катастрофу. И силу он имеет, и желание, и напор! Никакие разумные доводы и стихийные протесты тут не помогают — катастрофный каток катится себе и катится, набирая рвение и скорость, — и укатывает несчастные университеты, как асфальт, хотя и с той разницей, что гладкий асфальт для катка — положитель-

ный продукт, а вот асфальтированный университет — не более чем плоский и серый мемориальный пустырь, даже и не погост.

Университет — место и символ мысли и знания, высокой культуры, кое-какой свободы, даже и свободомыслия, а главное того, чего нет или почти нет в обществе, это место и символ какой-то исключительной возвышенности, как и возвышенной исключительности, очаг *инобытия*, не всегда и во всем, быть может, одобряемый, но всегда и в целом так или иначе признаваемый — *Сорбонна, Кембридж, МГУ!*

Сегодня университеты прощаются со своим особым социокультурным статусом, растворяясь в общем «образовательно-научном», а по сути-то уже лишь ознакомительно-технологическом базаре, называемом высокопарно «обществом знания», вполне прагматично «информационным обществом» или же прямо и скромно «когнитивным сообществом», на том самом базаре, где уже не имеет никакого значения, кто, где и чему «обучался», как воспитан, каким вышел в жизнь, с какой ученой миссией и какой гражданской ответственностью, в общем, где все — каждый, конечно, по-своему — всего лишь «человейчики» или даже «челомушнички», вольно или невольно попадающие в заботливо расставленные банками, корпорациями и правительствами «интеллигибельные» сети³³.

Да, университеты всегда делали из «человека-обезьяны» что-то вроде человеческого человека или человека-человека, а теперь в задачу «университетов» входит из того же «человека-обезьяны» делать не более чем обезьяну-человека, или обезьяннего человека.

Возвышение кончилось, теперь — деградация с расчеловечиванием!

И что интересно: университеты, когда-то отказавшиеся от преמודернового — небесного и природного — сакрала, как и сакральной же метафизики, и уверовавшие в чистую десакрализованную науку, к обозначившемуся ныне катастрофическому моменту в своей судьбе сами упорно шли и сами же к нему в конце концов подвели, создав оружие массового поражения (физика), тотально ядовитую промышленность (химия), искусственный интеллект (математика), управляемый биоге-нез (биогенетика), манипулирующую сознанием психотехнику (психология), управляющие поведением человека и общества социо- и политтехнологии (социология, политология), наукообразные мифы об истории, генезисе и эволюции человека (история, антропология), научную (материально-механическую, позитивистскую, прагматическую) идеологию (научная философия), управленческие технологии

³³ Интеллигибельный — вымышленный, нереальный, сверхестественный, хотя поначалу только сверхчувственный, постигаемый лишь разумом.

(кибернетика, систематика, информатика, моделирование), то бишь создав целый *искусственный мир*, охвативший человека и общество, себе их подчинивший, заложивший при этом основы, давший мотивы и разработавший методы их же — человека и общества... отрицания, а вместе с этим и неизбежного отрицания... самих университетов, подпавших под власть постмодернового мира, оказавшихся на уровне фундаментальной научной эзотерики, ему мешающих, совершенно уже ненужных и подлежащих умерщвительной зачистке.

Так университеты сами и подготовили свою же собственную ликвидацию, создав враждебный самим себе мир, на них же вдруг решительно накинувшийся. Да — судьба, рок, беда, напасть, но и... *возмездие* — за чрезмерные «научную» амбициозность, самонадеянность и агрессивность!

Ничего ведь нет ныне святого, так почему же за церквями, монастырями, музеями, театрами и библиотеками не последовать в пустотный мир и университетам — этим уходящим в небытие рассадникам фундаментального знания, глубокой мысли и оригинального вольнодумства!

* * *

15—18 мая 2013 г. на базе Львовского института банковского дела Университета банковского дела НБУ (ректор — профессор Т.С. Смовженко) с участием Центра общественных наук состоялись VI международные философско-экономические чтения «Философия финансовой цивилизации: человек в мире денег», на которых с пленарным докладом «Российский вызов развитию России» выступил профессор Ю.М. Осипов.

В чтениях также приняли участие действительные члены АФХ З.Э. Скрынник (Львов), В.В. Ильин (Киев), В.Г. Бодров (Киев), И.Ю. Фомичев (Тюмень), С.В. Синяков (Киев), В.В. Липов (Харьков), В.М. Сологубов (Екатеринбург), Н.Г. Диденко (Донецк), П.В. Скотный (Дрогобыч), Е.С. Зотова и др.

В рамках чтений прошло заседание круглого стола «Учение о ноосфере сквозь призму философии хозяйства и финансизма (к 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского)» под руководством Ю.М. Осипова, в котором приняли участие доктор наук С.В. Синяков (Киев), И.З. Держко (Львов), Ю.А. Габер (Гожув, Польша) и др.

* * *

20 мая 2013 г. в г. Ирпень (Украина) Центр общественных наук и лаборатория философии хозяйства экономического факультета МГУ провели на базе кафедры философии и политологии (заведующая ка-

федрой д.ф.н. Л.С. Воробьёва) Национального университета налоговой службы Украины состоялся симпозиум «Украина и Россия, Россия и Украина: особость, общность и совместность. Экзистенциальная историческая драма», в котором приняли участие доктора наук Ю.М. Осипов, А.А. Гриценко (Киев), В.А. Дедекаев (Ирпень), С.В. Синяков (Киев), В.Г. Бодров (Киев), А.Н. Новицкий (Ирпень), Л.С. Воробьёва (Ирпень), А.В. Кузнецов (Киев), В.В. Липов (Харьков), кандидаты наук И.В. Назаров (Киев), О.В. Бойко-Бойчук (Киев), Е.С. Зотова и др.

* * *

28—29 мая 2013 г. в г. Нижнем Новгороде на базе Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации состоялся XII международный симпозиум «Диалог мировоззрений: человек в мире современной экономики», на котором с пленарным докладом «Философия хозяйства как самостоятельное знание-размышление» выступил директор ЦОН, президент АФХ Ю.М. Осипов. В симпозиуме также приняли участие д.ф.н. В.А. Кутырёв, н.с. Т.С. Сухина и др.

* * *

20—21 июня 2013 г. в Центре общественных наук при МГУ с участием лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ состоялась Международная научная конференция «Своеобразие отечественной хозяйственной мысли в контексте мировой экономической науки и современный поиск новых парадигмальных решений». Тема давно вызревала в работах Центра общественных наук, лаборатории и ряда подразделений экономического факультета МГУ и в значительной мере обусловлена сложным положением, сложившимся в теоретической экономической науке в современной России, когда идет поиск приемлемых для текущего момента фундаментальных парадигм.

Конференция прошла в режиме пленарного заседания с возможностью для участников выслушать и обсудить все выступления. С докладами выступили доктора наук Л.А. Тутов, Ю.М. Осипов, С.А. Дятлов (СПб.), И.В. Ефимчук (Н. Новгород), Р.Т. Зяблюк, В.Я. Иохин, Е.А. Карцев, С.Г. Ковалев (СПб.), В.М. Кульков, С.С. Мишуров (Иваново), Д.Н. Платонов, М.Г. Покидченко, А.А. Пороховский, И.В. Пшеницын, Л.И. Ростовцева (Тула), М.А. Румянцев (СПб.), Н.М. Чуринов (Красноярск), Н.Б. Шулевский, Т.Н. Юдина, кандидаты наук Т.Б. Бердникова (Белгород), О.В. Доброчеев, С.В. Кайманаков, Е.Н. Калмычкова, В.В. Кашицын (Новороссийск), Е.В. Косов,

А.И. Московский, М.Ю. Павлов, П.К. Петров, И.П. Смирнов, В.А. Ушанков (СПб.), Е.Х. Хабибуллина, Е.В. Шелкопляс (Иваново), научные сотрудники А.А. Антропов, А.Д. Довгарь, А.А. Щепилов, соискатели И.И. Рудяк, А.С. Рыкалин и С.П. Шевчуков.

Общие концептуальные выводы из сделанных докладов и их обсуждения можно сформулировать следующим образом.

1. Русская экономическая мысль представляет собой комплексную научно-образовательную школу, обладающую оригинальными типологическими особенностями и характерными чертами: философско-мировоззренческой направленностью, целостным подходом к хозяйству и человеку хозяйственному, повышенным интересом к конкретно-историческим формам хозяйства, особым вниманием к проблемам экономического развития России с учетом ее географических и социокультурных особенностей.

2. Политэкономия нуждается в уточнении своего предмета, в расширении методологических границ, преодолении доктринерского подхода и обращении к мировоззренческим вопросам, с опорой на богатое отечественное научно-культурное наследие.

3. Особым достижением русской экономической мысли является возникшая в Московском университете в начале XX в. и возрожденная в МГУ к началу XXI в. философия хозяйства, становление которой связано как с критикой политэкономии и других направлений научного экономизма, так и с плодотворным развитием русской национальной философии с рубежа XIX—XX вв.

* * *

Анонсы

VII ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

Публичная коллективная лекция профессоров
Ю.М. Осипова, Л.А. Тутова и Н.Б. Шулевского

на тему:

Философия хозяйства как антикризисное мировоззренческое учение

Философия хозяйства родилась в начале XX в. в ответ на большой комплексный кризис европейской цивилизации, российской империльности, гуманистического мировоззрения, рационально-материалистической и позитивистско-прагматической философии, физикалистической обществоведческой науки, а также христианской религиозности и набравшего силу атеизма. И возродилась философия хозяйства на рубеже XX—XXI вв. вследствие все того же кризиса, его новой волны, ознаменовавшей переход от кризиса Модерна к кризисному уже по своей сути Постмодерну. Предложение иного мировоззрения — историческая миссия философии хозяйства.

Октябрь 2013 г.

МГУ, экономический факультет

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

**«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»**

на тему:

Кризис в угоду человечеству: потери, перемены, обретения

Кризис бывает, чтобы человеку убедиться, понять, осознать, изменить и измениться, как и потерять и обрести. Так по преимуществу и случается, что вовсе не значит, что в необходимой мере и в нужном направлении. Ныне даже не кризис, а кризисное состояние всего бытия, если не вообще кризисное бытие. Кризис общепланетарен, он не во всем заметен, во многом скрыт, вялотекуч, хотя и неотвратимо упорен, раскатист, крайне затейлив, а потому особенно коварен, почти безысходен, всю апокалиптичен. Контекстные причины и внутрен-

ние пружины кризиса. Что говорит человечеству нынешний кризис, что можно от него ожидать и на что рассчитывать человечеству? Если не на выход, то на какие последствия? Антикризисная функция философии хозяйства.

19 ноября 2013 г., в 15 часов
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
Международное воспроизводственное обустройство
евразийского (постсоветского) пространства:
экономика и политика

Современный планетарный мир — мир международного обустройства, региональной и мировой интеграции, тотальной глобализации. Всесторонне и плотно организованное хозяйственное пространство. Мир больших оргсистем. Мир-экономика, а наряду с ним и мир-политика. Евразия, постсоветское пространство, Россия и тяготеющие к взаимодействию евразийские и постсоветские субъекты-государства. Евразийская интеграционная концепция, ее отличие от европейской и любой имперской. Россия, Китай, Индия — основные устроительные игроки в Евразии, их возможное целостное взаимодействие. Не слияние и не союз, а договорный комплекс на основе и в рамках международной воспроизводственной солидарности. Проблемы, шансы, разрешения. Искомые плоды.

Секции:

1. Евразия как пространство интеграционных возможностей.
2. Экономика больших целостных пространств и Евразия.
3. Евразийская стратегия: замыслы и реальности.

4—6 декабря 2013 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2013 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2014 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2013 г.

Контактный телефон: +7(495)9394183.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

СИНЯКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии, Национальный транспортный университет (г. Киев, Украина) (*olga_zemtsova@ukr.net*).

КОВАЛЕВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (*kovalev@finec.ru*).

САБИНИН ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ,

к.хим.н., старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (*sabinin@lens.spb.ru*).

ШАПИРО НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономической теории и экономической политики, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (*v-shapiro@mail.ru*).

ВЪЛЕВА МИЛЕНА ВАНКОВА,

д.э.(пол.)н., наук научный сотрудник, Экспертно-консультационный центр по вопросам социальной ответственности бизнеса, Университет прикладных наук (*milena.v.valeva@gmail.com*).

ПЛАТОНОВА ЮЛИЯ АНДРЕЕВНА,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра экономики и предпринимательской деятельности, факультет управления и предпринимательства, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (*yulia.platonova@gmail.com*).

МОЙСЕЙЧИК ГАЛИНА ИВАНОВНА,

действительный член АФХ, к.э.н., главный советник, Главное управление денежной политики и экономического анализа, Национальный банк Республики Беларусь (г. Минск) (*g.mojsejchik@nbrb.by*).

ДОМБРОВСКИЙ АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ,

к.э.н., заместитель директора, Институт мировой экономики и международных отношений НАН Украины (г. Киев) (*ilin_vv@ukr.net*).

ФЕДОТОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

действительный член Российской академии естествознания, д.и.н., к. богосл., профессор, заместитель директора по научной работе, Ивановский филиал Института управления (г. Архангельск) (*ilin_vv@ukr.net*).

ЯКОВЕЦ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, академик-секретарь Отделения исследований циклов и прогнозирования РАЕН, д.э.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; президент Международного института П. Сорокина — Н. Кондратьева (*misk@inesnet.ru*).

ПАВЛОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ,

к.э.н., доцент, заместитель руководителя, Центр экономики знаний, экономический факультет МГУ (*lrm@mail.ru*).

КАЙМАНАКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., ведущий научный сотрудник, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ (*skaimanakov@mail.ru*).

ЗАЛЕТНЫЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

к.э.н., к.ф.н. старший научный сотрудник, лаборатория по изучению рыночной экономики, экономический факультет МГУ (*zaletny@hotmail.com*).

ТИМОФЕЕВА МАРГАРИТА СЕРГЕЕВНА,

к.э.н., доцент, кафедра экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения (*andreevalarisa@mail.ru*).

ДОНЧЕНКО АННА ВАЛЕРЬЕВНА,

соискатель степени к.э.н., Всероссийская академия внешней торговли; начальник экономического отдела, Торгпредство России во Франции (Париж, Франция) (*anna_v_porova@mail.ru*).

СКОТНЫЙ ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ,

член-корреспондент АФХ, к.э.н., доцент, факультет экономического образования и управления, Дрогобычский государственный педагогический университет им. Ивана Франко (*skotnyy@ukr.net*).

ТУЧА АННА ВАЛЕРЬЕВНА,

аспирант, кафедра экономической теории и мировой экономики, Государственный морской университет им. адмирала Ф.Ф. Ушакова (Новороссийск, Россия) (*tuchka_an@mail.ru*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

КАЗАКОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА,

старший преподаватель, кафедра философии, Донецкий национальный университет (*ilin_w@ukr.net*).

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, старший преподаватель, кафедра русской литературы, Белорусский государственный университет (г. Минск, Белоруссия) (*sansanytch08@mail.ru*).

РОГОЖНИКОВА ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., научный сотрудник, заведующая читальным залом, экономический факультет МГУ (*rogozhnikova@econ.msu.ru*).

ДЖАМАЛДИНОВА ЗУЛЬФИЯ НАМИКОВНА,

аспирант, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

КРАВЧЕНКО АЛЛА АНАТОЛЬЕВНА,

к.и.н., докторант, Национальный педагогический университет им. М. Драгоманова (*ilin_w@ukr.net*).

МОРОЗОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

д.э.н., профессор, кафедра экономики социальной сферы, экономический факультет МГУ (*blockcom@rambler.ru*).

БИРЮКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.полит.н., профессор, Кемеровский государственный университет (*supergri@rambler.ru*).

ДАВЫДОВ АЛЕКСАНДР ГЕННАДЬЕВИЧ,
аспирант, Кемеровский государственный университет (*super-gri@rambler.ru*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,
действительный член АФХ, д.э.н., доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (*managerial@mail.ru*).

НИЛОГОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,
действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Хакасский технический институт — филиал Сибирского федерального университета (г. Абакан) (*NILOGOV1981@yandex.ru*).

КАЗАРИН ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ,
д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского; Крымский центр фундаментальных исследований (г. Симферополь, Украина) (*crch@mail.ru*).

НОВИКОВА МАРИНА АЛЕКСЕЕВНА,
д.филол.н., профессор, кафедра русской и зарубежной литературы, Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь, Украина) (*crch@mail.ru*).

АНТРОПОВ АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
действительный член АФХ, научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ (*eszotova@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2013 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.